

Любить по-особенному

— Татьяна Иванова —

18+

Татьяна Иванова

Любить по особенному

<https://litres.ru/73786162>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир рухнул в апокалипсисе. Александра выжила, но едва ли помнит, что такое спокойная жизнь. Когда её находят бессмертные и приносят в цитадель Серафимов, она оказывается в центре войны, где ставки — сама реальность. Её миссия: перевести древнюю книгу, способную уничтожить Тёмного бога. Но загадочные страницы скрывают больше, чем кажется.

Верховный Серафим Эрагон — холодный, властный и невыносимо притягательный — не помнит её. Их связь — тайна, окутанная тьмой и чужими интригами. Александра — смертная, дочь предателя, наследница тёмной силы, которую она не умеет контролировать. И пока война разгорается, а совет бессмертных плетёт заговоры, она должна не только выжить, но и вспомнить, кем стала на самом деле.

Кто друг? Кто враг? И что скрывает Эрагон за своей ледяной маской?

Она — единственная, кто может активировать оружие богов. Но цена может оказаться слишком высокой.

Тёмное фэнтези о любви, предательстве и выборе, где даже свет имеет тень.

Татьяна Иванова

Любить по особенному

Любить по особенному

Татьяна Иванова

Моему погибшему брату и отцу перед богом. Саша я люблю тебя.

1 глава

Величественное здание, словно перенесённое из далекого века. Цитадель. Попасть сюда — всё равно что подписать себе смертный приговор.

Война между смертными и бессмертными, да и между самими бессмертными, длится так долго, что никто уже не помнит её начала. Каждая сторона жаждет победы, но чаши весов не желают склоняться. И вряд ли когда-нибудь склонятся. Мы веками жили бок о бок, конечно, смертные и не подозревали о существовании бессмертных. Мы предполагали, верили, молились им, но никогда не видели. Однако когда грянул апокалипсис, многое встало на свои места. Пережив этот ужас, мы столкнулись с ними вновь.

Сейчас бессмертные не трогают нас без лишней нужды.

Но мы пытаемся восстановить свой мир, и у нас ничего не выходит. Словно та часть мироздания, что держала всё в балансе, бесследно исчезла. И теперь ни они, ни мы не можем жить спокойно. Наш единственный путь к спасению — Книга, «Секрет», хранящая истину об апокалипсисе. Поговаривают, её когда-то писал сам Бог, но так ли это — никто не знает. Первая часть книги была в руках у избранной по имени Виктория, а о существовании второй не догадывался никто. В первой было написано, как избежать апокалипсиса, а во второй — как восстановить равновесие. Ходили слухи, что на небесах есть Хранитель, который распределяет добро и зло. Но для нас, смертных, это было неведомо.

Меня зовут Александра. Я девушка, которая жила, и как думала, будет жить в стенах храма. Ещё до апокалипсиса это место можно было назвать сектой. Храм, расположенный под землёй. Здесь есть свет, даже есть окна, выходящие на поверхность, но ты всегда живёшь в подземелье. Поговаривали, основатель был странным мужчиной, который бредил скорым концом света. Странно, но он оказался прав. Он и организовал эту секту. Сначала люди приходили добровольно, а потом, когда многие обзавелись здесь семьями, моменты, когда к нам приходил кто-то новый, стали редкостью. Тех, кто пришёл последним, уже мало кто помнит.

Я с братом попала сюда в очень раннем возрасте. Точно даже не скажу когда. Родителей я помню смутно, отца — во-

обще не помню. А мать... Думаю, она была бы рада, что мы оказались в этом храме, а не остались с ней.

С самого детства нас учили обрядам, танцам и всему, что может пригодиться в нашей жизни. Женщины здесь обязаны носить белые платья — символ чистоты, преданности и верности. Мужчины, в отличие от нас, могут носить что угодно. У нас есть главный хранитель. Мы называем его Отец, как бы странно это ни звучало. Отец управляет нами и является потомком основателя этой секты. Да, я называю это сектой, потому что больше ни в чём не уверена настолько же твёрдо.

В пятнадцать лет мне удалось сбежать отсюда. Я увидела, каков мир снаружи, и знатно накуролесила. Потом осознала, сколько ошибок совершила, и захотела вернуться. Но не смогла — секта не принимает тех, кто ушёл. Вернее, я сама не смогла переступить порог. В последний момент, когда оставался всего один шаг к брату, я передумала. Испугалась, не знала, что ждёт меня там, и потому метнулась обратно.

А затем начался апокалипсис. Как я выжила — сама не помню. Вечная беготня, погони, заражённые... Мне пришлось перетерпеть много ужасов. А потом — по ошибке, по воле судьбы или потому, что кто-то так захотел, — я нашла вторую часть. Звучит неправдоподобно, и вы можете решить, что это очередная глупая история, но я правда не хотела её находить.

Книга была спрятана в заброшенном храме. Я укрывалась там от заражённых тьмой, в надежде, что меня не найдут.

Спускаясь по лестнице, нажала на скрытый механизм, и он открыл потайную дверь. Я успела проскользнуть внутрь. Там были запасы еды, воды и всё необходимое для недолгой жизни. У меня было ощущение, будто кто-то планировал здесь прятаться. Я ждала хозяина, хотела его о всём расспросить, но он так и не вернулся. Перебирая книги на полке, я нажала на другую механическую клавишу. Щёлкнул замок, и в стене открылась ещё одна дверь. В маленькой комнате без окон, сложенной из камня, лежала большая пыльная книга.

Я открыла её.

И все эти иероглифы, символы и знаки вдруг сложились в единое целое. Я стала понимать каждое слово, хотя сама не могла объяснить, каким образом. «Ну вот, — подумала я. — Сначала секта, потом конец света, а теперь и магическая грамота. Карьера явно идёт вверх. Скоро, глядишь, и единорогов за рога ловить буду.»

Но моя «радость» была недолгой.

В самый неподходящий момент вернулся хозяин. Дверь щёлкнула, я не успела среагировать, лишь инстинктивно прижала книгу к груди. За моей спиной стоял бессмертный. Седые волосы до плеч, грозное выражение лица и огромные белые крылья. На вид ему было лет пятьдесят, если не больше.

Увидев книгу в моих руках, он прошипел:

— Кто ты такая?

— Я просто укрывалась! — попыталась я объяснить. —

Я не хотела...

— Кто ты, чёрт возьми, и немедленно отдай книгу! — рявкнул он.

Именно в этот момент я поняла: книга — мой единственный шанс на спасение. Раз он ею так дорожит, стоит держать её при себе — возможно, это даст мне преимущество. «Хотя, судя по его крыльям и выражению лица, преимуществом он скорее даст мне по шее, — мелькнула трезвая мысль. — Но рискнуть стоит.»

— Меня зовут Александра. Я не причиню вам вреда, я просто пыталась скрыться от заражённых, — внятно, насколько позволял страх, проговорила я.

Ангел — я уже поняла, кто он — двинулся на меня. Он сделал резкий выпад, а я отпрыгнула назад. Мужчина протянул руку, пытаясь схватить меня за шею, но не успел. Видимо, человеческая реакция в страхе творит фантастические вещи — я присела, и его пальцы сомкнулись в воздухе. Взмахнув книгой как дубиной, я ударила его по руке. Пока он отступал, я метнулась в сторону, пытаясь найти что-нибудь тяжёлое или острое, чтобы оглушить этого мерзавца. «Нож, палка, тяжёлый том энциклопедии — что угодно! Желательно с надписью «Для чайников» на обложке.»

— Послушай! — крикнула я, понимая, что угрожать книгой — моя единственная тактика.

Тут я заметила горящую свечу в подсвечнике. Я схватила её и поднесла огонь к переплёту.

— Если попробуете приблизиться — я сожгу её!
Ангел рассмеялся.

— Ну и что? Сожжёшь последнюю надежду человечества?
Давай! Это вам надо, а не нам.

— Не ври! — резко перебила я его. — Я прекрасно знаю, что на небесах творится то же самое. Апокалипсис был очень давно, но равновесия так и не вернулось. А книга рассказывает, как восстановить баланс.

Мои слова, похоже, достигли цели. В его глазах мелькнуло удивление, страх и резкое осознание. Он остановился и выпрямился.

— Ты смогла прочитать книгу? — проговорил он ледяным тоном.

— Разве её нельзя прочитать? Любой, кто умеет читать, может... — я уставилась на него и поняла, что в его голове сейчас проносится целая буря мыслей.

«Ой, кажется, я сказала что-то не то. Наверное, надо было сделать вид, что я неграмотная. Или что у меня внезапно зрение село. Глупо, Александра, очень глупо.»

— Что ж, — произнёс он, скорее, сам себе, — возможно, у нас появился шанс.

Я не успела и пикнуть, как он схватил меня за руку. Дёргаться было бесполезно — с силой ангела мне не справиться. «Вот же грубиян! Хватает, как мешок с картошкой! Хотя, будь я мешком картошки, мои шансы на выживание были бы

значительно выше.»

За его спиной возник ослепительный голубой портал.

Я зажмурилась.

А когда открыла глаза, мы стояли посреди огромного открытого пространства. Вокруг не было стен, лишь парящие в пустоте обрывки земли, облака и острова. Переведя взгляд на похитителя, я увидела то, чего никак не ожидала. Огромное старинное здание. Я читала о нём в книгах, которые мне показывала одна бессмертная — ангел по имени Пелония. У нас был странный союз, мы даже успели сдружиться, несмотря на её жёсткий характер. Оказывается, у нас было много общего. Какое-то время мы спасали друг другу жизнь, убегая и от бессмертных, и от смертных, и от заражённых. Но нам пришлось разойтись.

И сейчас я вспомнила рисунок в одной из тех книг. Я поняла: это Цитадель. Место, где, по её словам, собираются все верхи.

Мужчина схватил меня за руку и поволок к зданию. Я давно усвоила: если кто-то хватает тебя и тащит в неизвестном направлении, вряд ли он настроен на дружескую беседу. Я попыталась сообразить, как вырваться, но не успела — мы уже оказались в огромном помещении, больше похожем на целое пространство, чем на комнату.

Я огляделась и поняла, что мы здесь не одни. Вокруг, образуя круг, стояли десятки ангелов и, как я поняла, демонов — я определила их по крыльям. У ангелов они были в основ-

ном белые, а у демонов — куда интереснее: от огненно-красных и пушистых до кожистых, как у порождений тьмы.

Мои наблюдения прервал голос, холодный до мурашек.

— Зачем ты её привёл? — эхо прокатилось под сводами.

Я повернула голову на звук. Вдалеке, на возвышении, восседал на троне... Бог? Я не знала. Ангел? Демон?

И тут я его разглядела.

Он был красив. Неприлично, пугающе красив, как заточённая в мрамор фигура. Его лицо казалось высеченным из льда и гранита — высокие, острые скулы, идеально прямой нос, губы, тонкие и бледные, сжатые в беспощадную линию. Белые волосы, светлее лунного света, были заплетены в сложные, идеальные косы, ни одна прядь не смела выбиться из этого строгого порядка.

Но больше всего поражали глаза. Холодного, пронзительного голубого оттенка, как глубины ледникового озера. В них не было ни капли тепла, лишь бездонная, оценивающая глубина. Он смотрел на меня так, словно я была не человеком, а случайным пятном на безупречном мраморе пола — досадным, но не стоящим особого внимания.

Его осанка была безупречной, даже расслабленно восседая на троне, он казался напряжённой струной, готовой в любой момент выпустить смертоносную стрелу. Плечи — широкие, но без тяжеловесности, скорее, в них чувствовалась скрытая, хищная мощь. Над его плечами возвышались крылья — не белые, как у других, а золотые. Не яркие и крича-

щие, а глубокого, старого золота, как слитки в сокровищницах забытых королей. Каждое перо лежало безупречно, переливаясь призрачным светом.

Одежда его была простой и строгой — тёмные, почти чёрные ткани, плотно облегавшие торс и бёдра, позволявшие свободно двигаться. Ни вышивки, ни украшений. Только на груди — золотая застёжка в виде крыла. На его левом плече сидел белый ворон и смотрел на меня тем же бездушным, чёрным взглядом, что и его хозяин.

От него веяло таким холодом и такой абсолютной, непрекаемой властью, что у меня перехватило дыхание. Это была не просто сила. Это была вековая тяжесть, ледяное спокойствие вершины, с которой все смертные казались букашками.

«Вот это да, — пронеслось у меня в голове, заглушая страх. — Настоящий ледяной король. Интересно, он когда-нибудь улыбается? Или у него лицо так и застыло в вечном выражении «я всех вас презираю»? И главное — как он умудряется носить такие волосы? У меня после десяти минут в подземелье они выглядели как гнездо испуганной птицы.»

— Эрагон, она может нам помочь, — ответил мой похититель.

«Вот же я вляпалась, — окончательно осознала я. — Сбежала от секты, пережила апокалипсис, и теперь меня, как потерянную кошку, тащат к какому-то позолоченному ледяно-

му божеству. Лучше бы я осталась есть ту консервированную фасоль в убежище. По крайней мере, от фасоли не веяло таким убийственным презрением.»

Эрагон медленно перевёл свой ледяной взгляд с похитителя на меня. Его глаза скользнули по моей заношенной одежде, спутанным волосам, зажатой в пальцах книге. В них не вспыхнуло ни интереса, ни раздражения. Лишь холодное, аналитическое изучение, словно он рассматривал новый, не совсем понятный инструмент.

«Вот же я вляпалась», — последний раз отчаянно подумала я, прежде чем его взгляд, тяжёлый и безразличный, заставил меня внутренне сжаться в комок.

2 Глава

Изначально всего остального-любовь,

В песне юности первое слово-любовь.

О, несведующий в мире любви горемыка,

Зная, что всей нашей жизни основа-любовь!

– И чем же таким, она может нам помочь? – проговорил до жути мерзкий голос.

Я повернула голову налево. По правую сторону от Эрагона стоял мужчина. Он казался даже старше моего похитителя, лет семидесяти, не меньше. Длинные белые волосы и такая же белая борода.

«Интересно, это у них такая фишка, или у всех ангелов длинные белые волосы? И чем они их моют, что они такие

пышные? Особый шампунь "Бессмертный блеск"? Или они просто никогда не нервничают, вот волосы и не выпадают?» В любой непонятной ситуации главное – держать спокойствие и марку. Я пыталась подбодрить и развеселить себя как могла, пока холодный мрамор под ногами не напомнил, где я нахожусь.

За время апокалипсиса я привыкла к бессмертным и почти начала воспринимать их как людей, хотя многим это было сложно принять. Бессмертные же считали нас букашками и поначалу относились к людям пренебрежительно. По сути, апокалипсис и начался из-за них. Тогда некоторые ученые изобрели средство, которое могло ранить бессмертных – их раны не заживали. Но стало известно, что некоторые из них обладали способностью к исцелению. К счастью или к сожалению, таких было так мало, что они не успевали лечить всех. С человечеством стали считаться, но лучше к нам относиться так и не стали.

– Она может перевести нам нужную книгу, – строго, не терпящим возражений тоном, ответил мужчина – мой похититель, Филип, как я теперь понимала.

– Интересно, как это ты понял? – усмехнулся блондин с тростью.

Только сейчас я заметила, что он на нее опирается. По его походке было понятно, что она ему не нужна. Зачем он на нее опирался – было загадкой. «Возможно, в ней скрыта какая-то сила. Или это просто модный аксессуар для важных

бессмертных дядек. "Посох власти", что ли. Смотрится пафосно, конечно.»

– Филип, ты, наверное, слишком долго был среди людей в изгнании и совсем забыл, что люди нам не ровня. Эту книгу не смог перевести никто из ангелов и демонов, не говоря уж о метисах. А ты привел человеческую девчонку, думая, что она справится?

– Она перевела первую страницу.

«Ой, блин, – покосилась на него я. – Ну, если три предложения для тебя – страница, то у меня для тебя плохие новости. Остальное я не читала, да и не надо было – он чуть не убил меня тогда. И вообще, я больше по заголовкам специализируюсь.»

Скрестив руки на груди, я приготовилась к атаке. «Ну вот и закончилась моя очень красочная, но очень короткая жизнь. Эпитафию можно написать: "Здесь лежит Александра. Перевела три предложения и умерла от важности".»

Все это время Эрагон – так, я поняла, звали мужчину во главе, того, что с самого начала привлек мое внимание, – о чем-то раздумывал. Его лицо было непроницаемой маской. Холодные, оценивающие глаза изучали меня с ног до головы, не выражая ни интереса, ни презрения – ничего. В иных обстоятельствах я бы ему это высказала, но здесь лучше помалкивать, чтобы жизнь себе совсем не сократить. «Хотя, если он всё равно собирается меня казнить, можно и высказаться. Но потом. Сначала надо выяснить, какие планы у них

на меня.»

После недолгого молчания Эрагон наконец проговорил. Его голос был тихим, но он резал слух, как ледяной ветер, забирающийся под кожу.

– Выведите ее в темницу. Пускай посидит там, пока мы решим, как поступить.

Словно по волшебству, возле меня оказались его слуги – ангел и демон. «С каких пор демоны стали прислуживать ангелам? У них профсоюзов что ли организовался?» Но, увидев оружие, я возмущаться не стала и покорно последовала за ними, бросив на Филипа злой взгляд. Теперь я хотя бы знала, кого проклинать и за кого поставить свечку за упокой. «Хотя, бессмертные... они же вроде как и не умирают? Может, свечку за здоровье? Нет, всё-таки за упокой. Хочется верить, что хоть какие-то неприятности у него в жизни случатся.»

Когда дверь за мной захлопнулась, меня поволокли вниз по лестнице. И что у них за привычка – хватать за руки, как тряпичную куклу? «Этикет бы поучили. "Как правильно вести пленницу: руководство для бессмертных". Я бы им первый экземпляр подарила.» Закинув в темницу и захлопнув дверь, они удалились. Камера представляла собой голую каменную коробку. Безумно холодно, грязно, и даже присесть было негде – прям по всем стандартам сырых подвалов.

«Интересно, бессмертные живут много веков, но почему-то упорно придерживаются темниц в средневековом сти-

ле. Даже надписи на стенах поскрести нельзя – камень слишком твёрдый. Полный регресс.»

Ничего не поделаешь. Я уселась на холодный пол, прислонившись спиной к стене.

«И что мне теперь делать? Лучше бы к брату вернулась. Хотя нет, там тоже не сахар. Чёрт, везде не сахар.»

Я не заметила, как задремала, свернувшись калачиком на полу.

Самое тяжелое в таких местах – не знать времени. Особенно в темнице без окон. Но разбудил меня какой-то шорох. Я резко открыла глаза.

«Что угодно, только не крыса, – подумала я и вскочила на ноги. – Обычно в таких местах они и водятся – это одна из мелких пыток. Интересно, бессмертные крысы тоже существуют? Или они специально смертных подсаживают, для аутентичности?»

Я стала оглядываться, пока не поняла, что звук доносится из соседней камеры. Из-за плотной двери невозможно было разглядеть, что там происходит, но, судя по лязгу цепей, там сидел такой же заключенный.

А затем я услышала голос.

– Господи, да когда же они уже отцепятся? – проговорил чей-то писклявый голосок.

«Неужели ребенка на цепь посадили? Вот же твари. Хотя, если это бессмертный ребенок, ему, наверное, и тысячу лет в темнице не срок. Но всё равно нехорошо.»

Я прислушалась, но больше ничего не услышала.

Через какое-то время дверь отворилась, и вошел тот самый ангел-охранник. Он принес еду – что-то, больше похожее на похлебку. Ни ложек, ни вилок – просто тарелка с надеждой на что-то съедобное. «Надежда, конечно, вещь хорошая, но она не очень питательная.»

– Извините, а долго меня здесь держать будут?

Ангел даже не взглянул в мою сторону, лишь захлопнул дверь прямо перед моим носом.

«Да, гостеприимные тут. Прямо как дома. Только без дома. И без окон. И без еды нормальной. Ладно, хоть санузел в норме... ой, нет, его тоже нет. Прекрасно.»

Попробовала эту бредятину на вкус и не смогла сделать больше двух глотков. «На вкус как будто кто-то носки заварил. Или это такой деликатес бессмертных? "» Поставила тарелку в угол и снова попыталась уснуть – только сон мог скрасить мои дни.

В очередной раз я не помнила, сколько проспала, когда услышала звук открывающейся двери. Подскочив на ноги, я подумала, что это завтрак. Но на пороге стоял не охранник, а мой похититель Филип.

– Ах ты, сволочь! – я подскочила. – Запер меня здесь, а теперь ходишь, ухмыляешься!

Едва я его увидела, на его губах заиграла искренняя улыбка, словно ему пообещали целый дворец в придачу. Я схватила первое, что попало под руку – ту самую злосчастную

тарелку с остатками "еды" – и швырнула в него со всей дури. Но он ловко увернулся. «Бессмертные и увернуться лучше умеют. Несправедливо.»

– Успокойся. Или хочешь так и дальше сидеть в темнице?
– проговорил он, приподняв бровь.

– Вообще-то, если ты не заметил, до этого момента я ходила на свободе! Поэтому просьба вернуть меня обратно или прибить уже до конца. Сидеть здесь невозможно! Особенно без туалета!

– Ох, как заговорила! – протянул он. – Пойдем. Возможно, сегодня судьба будет на твоей стороне.

И, схватив меня, как обычно, за руку, поволок наверх. «Он вообще другие способы передвижения знает? Или у них в ангельском учебнике только одна глава: "Таскание смертных за конечности"?»

Я снова оказалась в том же зале. Во главе, как и вчера, сидел Эрагон, рядом – тот самый белокурый мужчина с тростью. И только сегодня я заметила женщину по левую сторону. Светловолосая, на вид лет тридцати, но с таким ледяным взглядом, что по коже пробежали мурашки. «Интересно, в Цитадели всех учат так смотреть? Или здесь специальные курсы: "Холодная презрительность для начинающих" и "Мастер-класс по ледяным взглядам"?»

– Дитя, как тебя зовут? – раздался холодный, безразличный голос Эрагона.

«Дитя. Ага. Мне двадцать два, я пережила апокалипсис и

секту, а он мне "дитя". Ладно, для бессмертного, которому, наверное, тысяча лет, я и правда дитя. Но всё равно.»

Я выпрямила спину и подняла подбородок, стараясь говорить так, будто моя жизнь не зависела от их выбора. Хотя она, конечно, зависела. Очень.

– Александра. Мое имя. И я прошу отпустить меня немедленно. Помочь расшифровать вашу книгу, как я понимаю, могу только я.

– как заговорила! – Тот самый белокурый дядька решил обратить на меня внимание. Что-то он мне с самого начала не нравился, какой-то мутный. – Ты, смертная девчонка, смеешь здесь условия ставить?!

– Торендо, хватит, – холодно остановил его Эрагон. Голос был тише, но в нем была сталь, которая заставила даже меня внутренне съёжиться.

– От этой девчонки мало будет толку, – уже не ко мне, а к Эрагону, проговорил Торендо.

– Я дико извиняюсь, – вмешалась я. – Может, все-таки эта девчонка сама будет говорить за себя? С чего вы решили, что от меня мало толку? Ваш... изгнанник вам рассказал. Я могу перевести. Но цена – моя свобода. Вы отпустите меня живой и невредимой туда, откуда меня взяли, сразу после перевода. Ах да, и полная безопасность моей персоны.

В этот момент все бессмертные уставились на меня. «Ой, злосчастный мой язык. Похоже, моя жизнь стала еще короче. Хотя куда уж короче?»

Но, не подавая вида, я так же грозно смотрела на Эрагона. Его холодное лицо не выражало ни одной эмоции. Лишь спустя мгновение в уголках его губ промелькнула едва заметная ухмылка. «Ухмыляется. Интересно, о чём думает. Наверное: "Какая смешная смертная, думает, что у неё есть выбор". Ну, хоть развеселила ледяную глыбу, уже достижение.»

– Что ж, а ты умеешь строить сделки. – Он подпер голову рукой. – А если мы не пойдём на твои условия? Если ты переведёшь книгу, а мы тебя обманем? Что тогда будешь делать?

– Вы не обманете. Мы заключим договор. Вы выполните обещание, а я, в свою очередь, правильно переведу книгу.

– А ты не думаешь, что мы просто заставим тебя перевести её без договора? Темница или книга – третьего не дано.

– Знаете, – грозно посмотрев на него, проговорила я, – от условий моей жизни зависит качество перевода вашей книги. Голодная, замёрзшая и напуганная переводчица сделает в десять раз больше ошибок, чем ухоженная, сытая и довольная. Это простая психология. Даже для бессмертных.

– Нашей? – переспросил он, и в его ледяных глазах что-то мелькнуло. – Вроде как это вы, смертные, страдаете на земле. А у нас, бессмертных, все хорошо.

– Если бы у вас все было хорошо, вы бы не притащили меня сюда и у вас не загорались бы глаза при каждом упоминании, что книгу можно перевести, – парировала я его же ледяным тоном, хотя внутри всё дрожало. – Баланс нарушен

у всех. И вам нужен перевод даже больше, чем нам. Потому что мы, смертные, уже привыкли выживать в аду. А вы, похоже, нет.

Он смотрел на меня, и в его глазах что-то шевельнулось – не интерес, не злость, а скорее холодное, расчетливое любопытство, с каким рассматривают новую, незнакомую вещь, которая внезапно оказалась полезной.

– Хорошо. Хочешь договор – будет тебе договор.

– Но! – вмешался Торендо.

– Хватит. – Голос Эрагона стал тише, но от этого только опаснее. – Пусть попробует. Хуже не будет. А если посмеет сделать что-то не так... – он сделал паузу, и слова повисли в воздухе тяжелой, невысказанной угрозой.

«"Казним" – это он, конечно, опустил. Но мы-то поняли. Ясненько.»

– Минутку, – подняла я руку, как на уроке. – Прежде чем заключим договор, я хочу кое-что прояснить.

– Прояснить? – переспросил Филип, который до этого молча наблюдал. – Тебе жизнь даровали, помиловали, а ты собралась что-то прояснять?

– А вас, похититель, я вообще не спрашивала, – перевела взгляд на Эрагона. – Во-первых, я хочу, чтобы меня поселили в хорошие, теплые и качественные покои. У вас же это так называется, да, Филип? Ах да, вам откуда знать, вы же в изгнании. Наверное, в пещерах жили. С летучими мышами.

В этот момент раздался сдержанный, но явственный сме-

шок. Его издала та самая светловолосая женщина.

– Серафим, неужели ты и вправду собираешься потакать этой девчонке? – язвительно спросила она.

«Не зря говорят, все бабы у власти – стервы. Хотя, возможно, она просто ревнует. У Эрагона, наверное, с ней что-то было. Или она хочет, чтобы было. А тут я – смертная по-меха. Типичный сюжет для дешёвого романа, только я почему-то внутри него.»

Эрагон медленно повернул к ней голову. Его движение было плавным и лишенным всякой суеты, как у большого хищника.

– Эта девушка действительно может нам помочь. Поэтому да, мы выполним ее требования. Отныне она не пленница, а наша гостья. Ирина.

В проеме появилась женщина средних лет. У нее были белые крылья и правильные черты лица, которые контрастировали с пышными рыжими кудрями, рассыпавшимися по плечам.

– Да, господин, – склонила голову она.

– Подготовь покои для нашей новой гостии. Думаю, ей придется надолго у нас остаться, – произнес он и, видимо, больше не в силах выносить мое присутствие, жестом велел охранникам отвести меня.

Те, как тени, появились рядом и, уже не хватая, а просто взяв под руки, повели. «Уже прогресс. Видимо, статус "гостии" включает в себя право ходить на своих ногах. Радует.»

Ну хоть место для жизни я себе выбила. Но меня не покидало ощущение, что в той темнице все же был ребенок. Нужно ему помочь. Смертный он или бессмертный – держать ребенка в такой яме по-звериному.

Эрагон не обманул. Мне выделили хорошую, теплую, светлую комнату с большой кроватью. Она была такой мягкой и пушистой, что, едва я на нее легла, сразу провалилась в сон – видимо, все мои рецепторы обострились после темницы и решили, что это рай. «Если это рай, то где же ангелочки с арфами? А, вот же они. За окном летают. Правда, чуть не казнили. Но кровать и правда классная.»

Глава 3

И сияние рая, и ада огни-

Мне мерещились на небе в давние дни.

Но Учитель сказал:” Ты в себя загляни-

Ад и Рай, не всегда ли с тобой?”

Открыв глаза, я поняла, что наступил вечер — солнце садилось. Только сейчас я стала осматривать комнату. В ней стоял туалетный столик, видимо, для приготовлений к встречам с верхушками. Маленький столик, на котором лежало несколько книг, в том числе и та самая секретная, занявшая половину стола. Несколько листов бумаги и...

— ”О Господи, неужели перо?”

Я не могла поверить своим глазам.

“Неужели у них настолько отсталый век, что они до сих пор пользуются пером? Как я буду им писать?” Но, решив не

задерживать на этом взгляд, я перевела глаза на большое зеркало, которое очень странным образом располагалось прямо напротив кровати.

Затем я обратила внимание, что возле той самой двери, в которую меня ввели, была ещё одна. Я поднялась с кровати и подошла к ней. Ручка, ведущая к моему выходу, была закрыта, а вот другая дверь легко поддалась, открыв ванную и туалетную комнату. «Господи, какое счастье! Я уже думала, что и здесь тот же век». С облегчением я подумала, что условия здесь довольно-таки хорошие: защищать меня будут сами верхушки, потому что я им важна живой, мне есть где жить, кормить меня будут. В какой то момент я даже подумала, что здесь лучше, чем на Земле. На Земле мне пришлось бы тяжело с апокалипсисом, очень тяжело поживать одной, потому что находить пропитание сложно, все стараются жить племенами, а если ты не вписываешься в племя, то тебя скорее самого съедят, чем ты найдёшь себе поесть.

Я вернулась к кровати и уселась. Оказывается, все это время с правой стороны возле неё стояла прикроватная тумбочка, а с левой — шкаф. Любопытство взяло верх, и я открыла его. Там висела куча ярких красивых платьев.

— Блин, с платьем то у меня туго.

Открыв следующую дверцу, я увидела стопками сложенные рубашки, а также брюки.

— Вот это мне гораздо больше нравится, — улыбнулась я про себя. Ну что ж? Открыв книгу, я поняла, что и правда

могу прочитать её от корки до корки. Не знаю почему, но первые 10 страниц я точно понимала.

Мой интерес к книге прервал стук в дверь, а затем показалась рыжая голова. Та самая девушка — Ирина. Увидев, что я не сплю, она склонила голову и проговорила:

—Здравствуйте, госпожа. Я ваша служанка, буду прислуживать и помогать вам. Надеюсь, я вас не побеспокоила.

Всё так же не понимая, куда смотреть, проговорила она.

—Тебя же зовут Ирина? — спросила я её.

—Да, госпожа.

—Ой, а ты не могла бы звать меня просто по имени? — с улыбкой попыталась я растопить лёд. Здесь стопроцентно нужно завести дружескую сторону, ну, ту, что ради меня под пулю ляжет, и всё остальное, — рассуждала я про себя.

Ирина подняла на меня взгляд.

—Простите, а как вас зовут?

—Ой, я не представилась. Меня зовут Александра.

—Александра? — переспросила она.

—Да, довольно странное имя.

—Да нет, очень даже нормальное, в стиле смертных. Вас звать полностью Александра или же можно как-то кратко?

—Если хочешь, ты можешь назвать меня просто Алекс.

—Хорошо, госпожа Алекс.

—Ой, давай без госпожи. Просто Алекс, и обращай ко мне на «ты». Я здесь ненадолго, госпожа... Да и какая из меня госпожа? Просто смертная, которой немного не повезло.

Слушай, Ирина, а ты бы не могла мне рассказать поподробнее про это место?

—Алекс, я не понимаю, о чём ты хочешь спросить?

—Я понимаю тебя, Ирина, что ты не всё можешь мне рассказывать по определённым причинам. Но мне просто интересно. Кто такой Эрагон и почему все его слушаются? Не впадай в какие-то конкретики, просто объясни мне какие-то правила, которые бы я могла соблюдать.

—Я расскажу тебе. Так же сам господин мне велел... немного научить тебя манерам.

«Интересно»,— подумала я про себя. — «Этот павлин самым первым делом собрался меня манерам учить? Не понравилось, как я себя вела в тронном зале?»

— Ирина, расскажи всё с самого начала, если можешь. Именно до того момента, когда начался апокалипсис.

—Думаю, история получится очень долгая, поэтому я расскажу лишь в общих чертах. До апокалипсиса бессмертные жили своей обычной жизнью. Были школы, где демоны и ангелы учились вместе, а затем опускались на землю и давали людям советы. С одной стороны, ангелы добро, а демоны — зло. И был Закон о Неприкосновенности, закон, который запрещал ангелам и демонам жить вместе, и уж тем более — чтобы они порождали детей. Детёныша ангела и демона называли метисом, они были полукровками. И какое-то время их убирали.

—Убিরали? — спросила я. — То есть ты хочешь сказать,

от них избавлялись?

— Да. Был такой закон, что бессмертные не могли быть вместе с метисами. Никто не знал, какая сила в них может проснуться. Сам Создатель запрещал нам это.

— Интересно, — проговорила я. — Через какое-то время началось восстание?

— Довольно странное восстание... Я думаю, ты познакомишься с ними. Ксенагор — самый сильный из метисов. Когда-то поговаривают, он жил с темным богом, и набирался у него силы, злости. Поэтому первое восстание возглавил он, но его смогли потушить. Затем произошло второе, но это уже была война. Четыре всадника апокалипсиса спустились к нам. Здесь все стали работать сообща. Помимо метиса Ксенагора, к нам присоединились ещё два метиса, очень сильные и очень непредсказуемые: Астарот и его брат Кристофер.

Ирина продолжала рассказывать, поставив на стол поднос — видимо, она принесла мне еды, а я её с порога загрузила вопросами. Но мне было интересно узнать, с чем мне придётся столкнуться. А в это время Ирина продолжала разговор.

— Двух всадников... Орден Сопротивления смог одолеть. Смерть и Чуму. Голод и Война были на нашей стороне, и они помогли нам.

— Ух ты, — проговорила я. — А Эрагон?

— Эрагон — это Серафим, который очень много сделал

для нас.

—Для вас? — не поняла я.

—Когда Орден Сопротивления был создан... а создан он был благодаря ему. Без Ордена многое могло не получиться. Серафим сам бросался во все тяжкие, лишь бы спасти нас.

—Подожди, а почему его считают сейчас самым главным? То есть, по сути, он сейчас как король у ангелов, если так можно сказать?

—Серафим, правда, считается королём. Никто не смеет говорить против него, и любой его приказ готовы исполнять.

—А у демонов? — переспросила я её.

—У демонов всё сложно. У них происходят вечные войны за трон, поэтому мы, ангелы, особо и не тянемся к ним.

— Но демоны слушают его, я права?

— Орден Сопротивления объединил всех: метисов, демонов, ангелов. И так как возглавлял его именно Эрагон, то в какой-то степени да, демоны не смеют перечить ему, не метисы.

—А та женщина рядом — это его жена?

— Женщина... а, Ребекка?

— Наверное.

—Нет, она не его жена. У Ребекки другой муж. Ребекка тоже является Серафимом и также возглавляла Орден Сопротивления. Единственное, она была ниже Эрагона, и когда-то поговаривали, даже была его ученицей. Но насколько это достоверно, никто не знает.

— Она с Эрагоном сидит, то есть она тоже имеет здесь власть?

— Конечно. Когда-то она была непризнанной, а затем стала Серафимом. Для многих она — элемент восхищения, но для демонов же — заноза.

— Интересно, — повторилась я опять. — Слушай, Ирина, а какой бы ты совет мне дала? Ну, чтобы здесь выжить? — Пытаясь легче перевести беседу, проговорила я.

Ирина наградила меня тяжёлым взглядом, а затем сказала лишь:

— Попробуй не злить Эрагона. От его решения зависит твоя жизнь. Разозлишь, подведешь или, не дай боже, предашь господина — даже без его приказа ангелы съедят тебя. Или убьют, — проговорила она и, не желая дальше продолжать диалог, развернулась и вышла из комнаты, даже не попрощавшись.

«Да, очень добродушный приём». Но были в этом и некие плюсы. Чем меньше они ко мне привязывались, тем меньше привязывалась и я к ним.

Я решила всё-таки немного поесть и заняться делом. Села дальше переводить эту книгу, в кавычках. Перевод давался довольно легко. Первую страницу, как оказалось, я прочитала быстро. В ней говорилось о том, что мир, который существовал до этого, — лишь иллюзия, придуманная Светлым богом. В этот момент я задумалась о том, кто автор этой книги, если, как говорили раньше, книга, которая могла спасти

после апокалипсиса, была написана богом, то кто автор этой книги, если здесь говорится, что именно он создавал иллюзию баланса. Что ангелы и демоны никогда не должны были быть врагами, и то, что метисы — это не ошибка, а напоминание о том самом балансе, что баланс несут именно метисы. Вопрос только в том, что означает этот баланс.

Перевернув страницу, я поняла, что на ней изображён кто-то, а точнее девушка с двумя разными крыльями. Лица её было не видно, потому что белые волосы закрывали его полностью. Она была очень красивая, стройная и словно созданная из всех идеалов. Внизу я немного разобрала: «На картинке изображена Создательница, от которой появился Шепфа и Шепфамалум». Проблема в том, что я знала, кто такой Шепфа (ну, в общих чертах), а кто такой Шепфамалум — не имела понятия. «Получается, она — мать самого Бога?»

От того, что информация была для меня непонятной, а перевести нужно было как можно точнее, моя голова разболелась. Я решила себя не мучить и отложила дело на завтра. Я легла спать.

Мои личные покои (временные, как мне постоянно напоминала Ирина, но уже успевшие пропахнуть разочарованием жизни) были моим маленьким, хрупким раем. Здесь не гуляли сквозняки, как в коридорах, здесь был самый мягкий

ковёр (я проверяла босыми ногами), и здесь я могла хоть на пару часов забыть, что нахожусь в эпицентре долгой войны бессмертных.

Именно поэтому, когда в дверь вломились в пятом часу утра, моей первой мыслью было «Сейчас я кого-нибудь убью».

Дверь не постучали. Её резко открыли, и в проёме, залитая холодным светом ещё не наступившего рассвета, возникла Ирина.

– Вставайте, – произнесла она без предисловий. Её голос звучал как скрежет камня по камню. – Вас требует Серафим. Немедленно.

Я, зарывшись лицом в подушку, издала нечленораздельное мычание, которое должно было означать «идите все в жарки уста сатаны, я сплю».

– Он ждёт в главном зале, – продолжила Ирина, как будто не услышав. – У вас пять минут, чтобы привести себя в вид, приемлемый для аудиенции.

Я приподнялась на локте, с трудом разлепив глаза. Волосы лезли во все стороны, пижама перекрутилась вокруг тела, как удав.

– Он... что? Сейчас? – я протёрла глаза. – У него там, часы сломались, что ли? Или он решил, что рассвет – это идеальное время для того, чтобы терроризировать смертных переводчиков? У меня же сонный цикл! Он слышал о таком?

– Четыре минуты, – констатировала Ирина, не моргнув. –

Он сказал «немедленно». Это не предполагает обсуждения «смертных циклов».

Внутри всё похолодело, но я тут же натянула на лицо маску возмущённого недосыпа. Страх – плохой советчик. А вот праведный гнев сонного человека – отличное прикрытие.

– А он хоть чаю предложит? Или кофе? Чёрт, хоть воды? Или аудиенция будет в стиле «посмотри, как мелкая смертная страдает от обезвоживания и непонимания происходящего»? – Я свалилась с кровати и начала на ощупь шарить по стулу в поисках хоть чего-то, напоминающего одежду.

– Три минуты, – сказала Ирина и, повернувшись на каблуках, вышла, оставив дверь открытой. Явный намёк.

Я ворчала себе под нос, натягивая первую попавшуюся рубашку и штаны (которые, к счастью, почти сочтались), и пыталась пальцами пригладить взъерошенную гриву, хотя скорее светлый бог восстанет, чем мои три волосинки станут «гривой». Но мысли лихорадочно метались.

«Зачем я ему? Почему сейчас? Отчёт я вчера сдала – шедевр бюрократического словоблудия на трёх листах. Неужели не понравилось? Нет, не может быть. Он бы не стал вызывать. Прислал бы стражу и всё объяснил бы холодными, короткими фразами уже в темнице.»

Это последнее заставило меня двигаться быстрее. Адреналин пробил сонную вату. Я наскоро умылась ледяной водой, с трудом втиснула ноги в сапоги и вылетела в коридор.

По пути в Зал я старалась придумать линию поведения.

Вариант А: Показать крайнюю степень сонной беспомощности. «А? Что? Где я? О, это вы, ваше... ледяное величество? А книжка... она там, с иероглифом-закарючкой ...» Рисканно. Может счесть за полную неадекватность и поставить надзирателя.

Вариант Б: Изобразить пробудившийся научный энтузиазм. «О, господин Серафим! Я как раз ночью озарилась на счёт быстрого перевода книги!» Слишком резкий переход, вызовет подозрение.

Вариант В: Злобная сова. Просто хмуриться, отвечать односложно и всем видом показывать, что любое существо, которое будит меня до восхода солнца, автоматически заносится в чёрный список на вечные времена. Близко к истинным чувствам, а значит, правдоподобно.

Я выбрала вариант Б и В.

Когда я ввалилась в Главный зал, Эрагон стоял на своём привычном месте. Но в воздухе висело не обычное рабочее напряжение, а что-то острее. Он не смотрел на меня. Он смотрел в узкое окно, на первые проблески рассвета, окрашивающие снежные вершины в кроваво-красный. От него, как всегда, веяло холодом и силой, но сегодня к этому миксту добавлялась едва уловимая, звенящая нетерпеливость.

Он обернулся. Его взгляд скользнул по моему лицу, взъерошенным волосам, криво надетой кофте. Никакой

оценки. Просто фиксация факта: «Явилась».

– Ты спала, – констатировал он.

– Божественное наблюдение, господин Серафим, – выпалила я, едва сдерживая зевок. – Обычно в это время разумные существа этим и занимаются. Если, конечно, их не сжигает жажда познания или... скажем, внезапные ночные порывы начальства.

Я рискнула. Но уставший, злой мозг – плохой фильтр.

Он проигнорировал колкость.

– Прогресс с расшифровкой ключевых моментов в книги, я не увидел. Твой отчёт излишне многословен и уклончив. У меня нет времени на «вероятности» и «гипотетические контексты». Мне нужна конкретика.

Вот оно. Нажим. Прямой и жёсткий. Моё сердце упало куда-то в сапоги, но лицо я сохранила.

– Конкретика, – повторила я, делая вид, что обдумываю. – Хм. Конкретика такова: руна, похожая на треснувший кувшин, может означать либо «источник», либо «разрыв», в зависимости от соседнего символа, который, в свою очередь, трактуется либо как «печать», либо как «рана»... если верить книге ангелов, а если демонов...

– Александра, – он прервал меня. Не повышая голоса. Но в этом одном слове был такой вес, что я замолчала. Он сделал шаг вперёд. – Граница в тяжёлом состоянии. Силы Тёмного Бога пробивают наши слабые места. Каждый день промедления стоит жизней. Тебе не нужно знать все. Тебе нуж-

но правильное значение. Найди его. И сделай это быстрее.

Это был не приказ. Это был приговор. И в его глазах я впервые ясно увидела не просто холодный расчёт, а давление времени. Тот самый груз, который он всегда нёс, но сейчас он стал невыносимым.

И в этот момент, вместо страха, во мне вспыхнуло знакомое, едкое сопротивление. Он давит? Отлично. Значит, он нуждается. А то, что нужно, имеет цену.

– Быстрее, – сказала я, глядя ему прямо в глаза, уже без намёка на сонливость. – Быстрее – это значит больше ресурсов. Мне нужен доступ ко всем архивам. Включая запретные. Мне нужен полный доступ в библиотеку в любое время. И... – я сделала паузу для драматизма, – мне нужно, чтобы меня не будили среди ночи для выяснений. Мой мозг, как бы примитивен он ни был, требует отдыха для обработки этих ваших «треснувших кувшинов». Иначе на выходе получится не оружие, а дорогущая дубина с гравировкой «спасибо за бессонницу».

Мы стояли, измеряя друг друга взглядами. Он – воплощение древней, неумолимой власти. Я – взъерошенная, невыспавшаяся смертная, которая только что выторговала себе условия под предлогом большей эффективности.

Уголок его губ – нет, не дрогнул. Но что-то в его взгляде... сместилось. С расчёта на оценку. Он взвешивал: тратить время на препирательства или дать мне то, что я требую, в надежде на ускорение?

— Хорошо, — отчеканил он. — Библиотека — с сопровождением. И... тебя больше не будут тревожить по ночам для отчётов.

— И днём тоже лучше не тревожить без крайней нужды, — добавила я на удачу. — Творческий процесс, знаете ли.

— Не злоупотребляй, — закончил он ледяным тоном и повернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Я вышла, чувствуя, как дрожь в коленях сменяется лихорадочным возбуждением. Я только что сыграла ва-банк. И... выиграла? Вроде бы. Он купился. Стоять за дверью долго не хотелось, и я направилась к себе.

Тишина. Опять эта благословенная, гулкая тишина каменных стен. Я села у окна. Внизу, где-то за горизонтом, лежит Земля. Моя родная, многострадальная, разорённая Земля.

И знаешь что, мозг? Давай начистоту. Спускаться туда сейчас — это самое тупое, что я могла бы сделать.

Здесь, в голове, прокручивается наша любимая презентация «Почему цитадель — курорт, а Земля — ад».

Слайд первый: Еда. Там — консервы с истёкшим сроком годности, которые ещё нужно отбить у таких же голодных, как ты. Жареные крысы — уже деликатес. А здесь? Пюре из какого-то волшебного корня, которое само просится в рот. Мясо, которое не пахнет тленом. И чай. Чёрт возьми, просто горячий чай, который не нужно готовить на костре из обломков мебели, прислушиваясь к войу за стеной.

Слайд второй: Безопасность. Там — каждый тень, каждый шорох: это оно? Оно пришло? Можно ли здесь спать, или проснёшься в пасти у чего-то с слишком большим количеством зубов? Здесь... Здесь стены толщиной в пять метров. Здесь ходят патрули бессмертных, которые смотрят на тебя как на диковинную букашку, но букашку, которую приказано не давить. Я могу заснуть. По-настоящему заснуть, а не проваливаться в забытё от изнеможения, держа в руке заточку.

Слайд третий, самый важный: Будущее. Там его нет. Там есть только борьба за следующий час, следующий день. Здесь... Здесь есть завтра. И послезавтра. Пока я хоть что-то значу.

И вот мы подходим к сути. Я значу ровно до тех пор, пока перевожу эту чёртову книгу. Логика проста: закончу — стану бесполезной. Бесполезный актив в стратегии Серафима подлежит утилизации. Меня не убьют, пожалуй. Вежливо проводят до портала и махнут ручкой: «Спасибо за услугу, выживай как знаешь». А я знаю, как. Плохо.

Поэтому да, я буду тянуть. Я буду тянуть эту работу, как могу. Каждая новая, «внезапно обнаруженная» лингвистическая нестыковка — это ещё один день горячей еды. Каждый запрос в «труднодоступный архив» — это ещё одна ночь спокойного сна. Мой «педантизм» и «стремление к абсолютной точности» — это не черты характера. Это оборонительные сооружения.

Я не предаю их священную войну. Мне плевать на их войну. Я предаю саму идею того, что меня снова вышвырнут в тот кошмар. Я сражаюсь в своей, тихой, бумажной битве. И мой враг — не Тёмный Бог, а скорость. Мой союзник — сложность древнего языка.

Пусть Эрагон думает, что имеет дело с упрямой, возможно, даже не очень умной смертной, которая слишком увязает в деталях. Пусть Торендо считает меня проблемой. Идеально.

Иногда, конечно, меня накрывает волна стыда. Там гибнут люди. Там рушится всё. А я тут торгуюсь за лишнюю неделю тёплого душа. Но стыд — роскошь. Роскошь, которую могут позволить себе сытые и защищённые. Я слишком долго была голодной и беззащитной, чтобы сейчас ей предаваться.

Это мой контракт с самой собой. Я продала им свои знания. Но срок действия контракта определяю я. Пока я могу притворяться, что разгадываю величайшую загадку всех времён, я в безопасности. А безопасность — это единственная валюта, которая имеет значение в любой вселенной.

Так что прости, великая миссия спасения миров. Моя миссия сейчас — спасти свою шкуру. И этот каменный замок, этот холодный Серафим и даже этот противный ангел Торендо — пока что лучшие инструменты для её выполнения. Буду тянуть. До последней чёрточки на последнем свитке. Потому что альтернатива — снова проснуться в мире, где

самый сладкий звук — это не пение птиц, а тишина, не нарушаемая рыком чего-то нечеловеческого. А с такой жизнью я уже знакома. Спасибо, не надо

. Утро началось с дерзкого вызова. И похоже, ледяной властелин цитадели впервые столкнулся с тем, что его «ресурс» не только умеет переводить, но и ведёт свои переговоры. На пустой желудок и в криво надетой кофте.

Последующие дни слились в одно монотонное полотно, вытканное из усталости и пергаментной пыли. Цикл стал неизбежным, как смена дня и ночи в этом каменном мешке. Проснуться с тяжестью недосыпа в костях. Уйти с головой в переводы, где каждое слово было минным полем. Явиться на аудиенцию к Эрагону. Выложить перед ним жалкие крупички смысла, что удалось намыть за долгие часы. И получить в ответ — всегда, неизменно — ледяную констатацию несоответствия.

То перевод был недостаточно точен — «расплывчат», как он выражался. То работа двигалась слишком медленно — «неадекватно темпам угрозы». То он находил изъян в самой методике: «Ты ищешь логику там, где царит чистая воля. Твой подход ошибочен в основе».

Со временем я стала узнавать этот ритуал с первого взгляда. Едва переступая порог его кабинета, я уже знала, как именно сегодня будет звучать его «нет». В позе, в направлении взгляда, в молчании, предшествующем речи, чита-

лось грядущее недовольство. Я научилась различать оттенки его холодности: раздражённая, утомлённая, презрительная. К моменту, когда я раскрывала папку, уверенность в провале достигала девяноста процентов. Оставшиеся десять — это была не надежда, а просто статистическая погрешность.

Один из таких дней выдался особенно беспросветным. Шесть часов я билась над одним абзацем, где знакомые, казалось бы, символы складывались в откровенную тарабарщину или, что хуже, в обманчиво ясный, но стерильный с точки зрения бессмертных текст. Доклад был провальным, и мы оба это поняли, не проронив и десятка слов. Его молчание было красноречивее любой критики — оно просто констатировало мою бесполезность в данный конкретный момент.

Вернувшись в свою комнату, я не пошла к столу. Не зажгла свет. Я дошла до кровати, и ноги сами подкосились. Я свалилась на кровать, лицом в подушку, не в силах сдвинуть с места ни одну мышцу. Физическая усталость была ничем по сравнению с опустошением ментальным. Казалось, даже воздух было тяжело вдыхать. Цикл замкнулся: утро, работа, поражение. Завтра — то же самое. И послезавтра. Бесконечная петля, в которой я была и бегуном, и дорожкой, и тем, кто безжалостно фиксирует время, зная, что оно всегда будет недостаточно хорошим.

Сон, который мне снился, насторожил меня. Я шла по холодной воде, а впереди меня стояло зеркало. Каждый шаг, который я делала, отдавался адской болью в ногах, словно я

шла не только по холодной воде, а по тысяче осколков. Когда я почти подошла к зеркалу, чёрная жижа стала заглатывать меня, и я начала тонуть, но кричать не могла — голос мой был беззвучный.

Я проснулась в холодном поту, резко вздрогнув и вскочив с кровати.

Выпив стакан воды, который принесла Ирина, я взглянула в окно. Это было так странно — видеть, что мы, в прямом смысле, парили в небесах. Так как моя комната находилась на очень высоком этаже, рассмотреть, что творится внизу, я не могла — разглядеть можно было лишь сияние. Возможно, виновато моё плохое зрение, которое никак у ангела, на 100%.

Я поняла, что так и не усну — слишком мало времени прошло после кошмара. «Стоит себя чем-то занять». Я открыла дверь, которая, как оказалось, не была заперта, и поняла, что если я чуть-чуть аккуратно, тихонько прогуляюсь, то пойму, что здесь вообще происходит. Потому что план побега никто не отменял, хоть это и было шикарным местом, темница в низу не давала мне покоя. Откуда мне знать, что у этого Эрагона в голове? Может, сегодня он со мной договор заключает, а завтра выкинет отсюда — это в лучшем случае, а в худшем — просто прибьёт. Никто не оставляет в живых людей, которые много чего знают. Особенно Эрагон. Я хоть его мало знаю и видела нечасто, но если он тут самый главный, он не позволит мне выжить — слишком много инфор-

мации я буду владеть.

Коридор оказался просторным. Когда меня вели сюда, я не особо разглядывала, только сейчас заметила, что особо интересного здесь ничего нет — просто каменный дворец. Я тихонько прошла вдаль, специально обращая внимание на мелкие детали, чтобы как можно больше и правильно запомнить картину, где я нахожусь, и, в случае чего, как мне сбежать.

В конце я увидела лестницу и стала спускаться по ней так, чтобы меня никто не заметил. Сейчас была поздняя ночь, и, как я понимала, все давно спали. Тихонько спустившись вниз, я прошла несколько этажей. Моей целью было понять, куда ведёт эта лестница: либо в темницу (чего мне очень не хотелось), либо к выходу.

Но, пройдя несколько этажей, я обратила внимание, что новый этаж был другим. (меня же водили только в главный зал) Здесь не было закрытых коридоров, наоборот, они были открыты. Красивые арки выходили на звездное небо. Немного подойдя, я услышала голос. Мне стало интересно, кто находится на этом этаже, раз он так украшен и сделан с таким размахом.

Спрятавшись за каменную колонну, я выглянула. Впереди был силуэт девушки-ангела. У неё были потрясающие большие белые крылья, а фигура — словно передо мной была сама статуя Девы Марии. Русые волосы каскадом падали на утончённые лопатки. Затем силуэт немного повернулся в

мою сторону. Она не обращала на меня внимание, всё её внимание было приковано к другому, но этого мгновения хватило мне, чтобы понять, насколько же эта девушка красива. Ярко-голубые глаза, чёрные волосы — очень красиво были на контрасте. А губы... было непонятно, то ли они накрашены, то ли у неё правда такие, но... «Парню, или даже, может быть, у неё уже есть муж, точно повезло, если она принадлежит ему».

А затем я смогла разглядеть, кому сердце её принадлежало, потому что взгляд этой девушки был настолько влюблённый, словно без него она жить не смогла бы. И вот показались его золотистые крылья.

«Значит, он занимает высокий пост», — подумала я про себя. Но тут появился сам бессмертный, которому принадлежали золотые крылья. Это был Эрагон. Его холодный, надменный взгляд лишь мельком скользнул по этой девушке. Она же, в свою очередь, от одного его, можно сказать, взгляда, затрепетала. Она вытянулась, как струнка, стараясь показать себя с лучшей стороны.

— Эрагон, ты уже освободился? — словно соловей, проговорила она.

«О-бал-деть», — подумала я. — «Ну вот, в кого, в кого. Ну в этого чурбана влюбиться — это же кем надо быть? Она на него таким влюблённым взглядом смотрит, а он лишь скользнул по ней взглядом, словно ничего примечательного». Мне всегда обидно за красивых девушек, которые веша-

ются на глупых парней.

Он не стал долго возле неё задерживаться. Выйдя, как я поняла, из своего кабинета, он отправился в зал по коридору. Но, пройдя совсем немного, резко остановился и быстро повернулся в ту сторону, где находилась я. Я затаила дыхание и прижалась к колонне, чтобы меня как можно меньше было заметно. Но я недооценила его. Как я поняла по словам Ирины, он уже очень много веков живёт, мало того, он очень хороший воин. Не зря же его поставили главным. Потому что через несколько мгновений передо мной уже стоял он, а сзади него летела та самая девушка.

— Анжелика, ты можешь быть свободна, — холодно проговорил он, всё так же глядя на меня.

От его холодного взгляда по спине пошли мурашки.

— Но... — проговорила девушка, сначала не обращая на меня внимания, а затем, проследив за взглядом своего возлюбленного, увидела меня. И в её взгляде появился огонь, огонь такой ревности, словно она готова была меня прибить. «Блин, мадам, да я же вообще на него не претендую! Как же вам объяснить?» — неистово думала я про себя.

Затем моей руки коснулась холодная ладонь. И, резко дёрнув меня на себя, он поставил на ноги. Эрагон всё так же молча смотрел на меня, словно думал зачем он вообще в это ввязался. Анжелика, как я поняла, звали вот эту девушку, резко перевела взгляд на наши руки. Да тут и дураку понятно, что он меня держит, а я его нет.

—Эрагон, что это значит? — гневно посмотрев на него, проговорила она.

—Я сказал— ступай.— Не имея больше никакого желания продолжать диалог, проговорил он.

Его тон был ледяной. Казалось, сейчас он просто прикажет запереть её в темницу. Она не могла ему перечить, поэтому, опустив голову, резко развернулась и пошла прочь от нас. Я проследила взглядом за её спиной — гордая походка и высоко вздернутый подбородок. «Что-что, а девушка эта заставляет восхищаться». А затем пришла и моя очередь.

—Что ты здесь забыла? — холодно процедил он.

— Я... не могла уснуть. Я просто спустилась в поисках Ирины, мне нужна вода. Я проснулась и поняла, что у меня нет воды, и вот поэтому я здесь, — стала как-то мямлить. «Перед смертью не надышишься», — как ещё ему объяснить, что я пытаюсь найти выход для побега?

—Мы же вроде с тобой договорились, Александра. Ты переводишь книгу, а я дарую тебе свободу. Но ты все равно решила найти выход для побега?

«Вот блин»,— подумала я про себя. — «Он что, мысли умеет читать? Но ангелы же такого не умеют делать. Или могут?»

Я выдернула свою руку.

—Вам, бессмертным, нельзя доверять.

—Это вам, людям, нельзя доверять. Мы, бессмертные, держим своё слово.

— Держите, ага, как же!

Когда я выдернула свою руку, ощущение было, будто я обожглась. Я твёрдо смотрела ему в глаза. В этот момент он схватил меня за подбородок и притянул к себе. Его лицо оказалось совсем близко ко мне, я даже смогла разглядеть оттенки его глаз. Странно, но только сейчас я поняла, насколько Эрагон может быть красив. Жалко, что красоты не всегда хватает... но его поступок заставил меня сжаться. «Что он собирается делать?» — промелькнуло у меня в голове. По реакции я схватила своей рукой его руку, а второй выставила защиту, прижав к его груди. Под рукой сразу ощутились каменные мышцы. «Возможно, у бессмертных в принципе всё тело такое».

— Мой тебе совет, Александра: никогда не смотри бессмертным так бойко в глаза. Во-первых, это может провоцировать их, а во-вторых, они легко залезут тебе в память и прочитают. А в худшем случае — просто сотрут её, и ты станешь овощем.

И, отпустив мой подбородок, он схватил меня за руку и снова потянул наверх. Я поняла, что мы возвращаемся в мою комнату.

Но, войдя в шок, я не могла прийти в себя. Во-первых, я не ожидала, что он резко так схватит и начнёт говорить такие вещи. Так же резко открыв мою дверь, он не просто пропустил меня вперёд, он, можно сказать, кинул меня туда, как бессмысленную вещь. Я, не ожидая такой реакции, спо-

ткнулась и упала на колени, больно сдирая кожу.

— Не создавай проблемы, Александра.

— А вам стоило бы быть более воспитанным, честно! — выпалила я. Видимо, когда мне причиняют боль, я забываю про страх и забываю, от кого зависит моя жизнь. — Я сказала правду: у меня не осталось воды... посмотрите, я — человек! Это вы, бессмертные, можете не умирать, а я умру! Мало того, если я не буду пить воды, в моём организме повысится сахар, а если вы не знали, то от сахара тоже можно умереть!

Про сахар я, конечно, зря соврала — просто знала, что люди, которые страдают из-за сахара, очень часто пьют воду. А сейчас мне нужна была какая-то защита. Поэтому вот, что мне пришло в голову.

— Не ври мне. И если бы с твоим телом было что-то не так, я бы сразу это заметил и почувствовал.

— Чего? Вы что, вампир? А откуда у вас такие способности — чувствовать людей?

— Мы много лет следили за вами, помогали вам.

— Да-а, потом уничтожили наш мир под ноль, так ведь? И бросили нас, не исправили свои ошибки! Вместо того чтобы помочь людям выжить, вы просто нас заставили сражаться с монстрами и с зараженными! — прошипела я сквозь зубы.

— Что ты несёшь? Между прочим, если бы бессмертные не остановили это, неизвестно, чем закончился бы наш мир! Может быть, вы вообще перестали бы существовать!

— А по-вашему, лучше всю жизнь жить в страхе, сражать-

ся с теми, кто гораздо тебя сильнее, у тебя нет ни одного шанса на выживание? Так лучше, когда всех твоих близких убивают? Когда место, которое ты любил, либо затопило, либо замёрзло, либо вообще исчезло? Когда люди должны воевать между собой за еду? Так лучше жить, по-вашему?

—Люди должны сами научиться справляться сами с собой!

—Это вы виноваты, значит, и вы должны были нести ответственность!

—Это бессмысленный спор и разговор. Я найду Ирину и скажу, чтобы она принесла тебе воды. А ты не вздумай больше выходить из этой комнаты. Не все бессмертные так благородны, как я. Если ты попадёшь на глаза Торендо, он просто убьёт тебя.

— А кто тогда будет переводить книгу?

— Знаешь, Александра, возможно, для тебя это новость, но помимо книги у нас есть ещё куча проблем. Есть вероятность, что до этой книги мы просто не дойдём — намечается новая война. И неизвестно, кто в этой войне выиграет. И если это будем не мы, в жизни твоей и твоей книжки не будет смысла.

Его холодный взгляд надолго остановился на мне. Почему-то именно с ним я ощущала себя совсем маленькой, такой, которая не способна вообще ни на что. Ощущение, будто он нашел самый негатив внутри меня. Но от того, что это не конец и война будет новая, мне стало интересно: с кем? С

нами, смертными? Или это затронет только бессмертных?

Но когда он уходил, его взгляд коснулся моей коленки, которую из-за резкого удара я ушибла. Но взгляд был такой секундный, что я даже сомневалась, посмотрел ли он на моё ушибленное место или нет. Затем дверь закрылась.

А я рухнула на кровать. Что за странные ощущения я испытываю с ним? Будто во мне всю душу выворачивают, словно надежда на то, что моя жизнь когда-нибудь будет хорошей, — это просто детская мечта. Я не смогла выдержать, и слёзы потекли из моих глаз. На самом деле я далеко не сильная и никогда не считала, что слёзы — это признак слабости. Поэтому, если бы Эрагон чуть-чуть задержался, ему пришлось бы успокаивать мои слёзы — хотя, зная его, он бы просто хлопнул дверью и ушёл.

До утра я не сомкнула глаз, пытаюсь успокоить слезы. Когда дверь отворилась, я притворилась спящей. По стуку каблучков узнала Ирину; затем послышался мягкий стук о стол — это она поставила кувшин. Дверь закрылась. Я пролежала ещё несколько часов, неподвижно, словно сплю. Ушибленное колено заныло и зазудело — похоже, я просто содрала кожу до крови.

Спустя какое-то время дверь снова открылась, и на пороге возник старец. Я уже не стала притворяться.

—Здравствуйте. Я не поняла, вы кто?

Его белые крылья ясно говорили, что он ангел.

—Приветствую. Меня прислал к тебе Эрагон. Ты травми-

рована? Позволь мне взглянуть.

Его облачение, напоминавшее священническое, указывало на врача.

—У меня нет травм. И передайте Эрагону, что мне не нужны его подачки и забота. Он вдруг решил проявить участие?

—О, дитя мое, я вижу, Эрагон пришелся тебе не по нраву.

—Странно, что он вам всем угождает.

—Он — наш Серафим. Благодаря ему мы все еще живы. Тебе же известно о двух войнах, которые он сумел прекратить, одержав победу. А это бесценно.

—Да, но победа была достигнута не одним Эрагоном.

—Эрагон — предводитель. Он указывал путь и первым принимал на себя любой удар. Пусть характер его сложен, но он не лишен достоинств.

—Как яро вы его защищаете.

—О, дитя, я знаком с ним с тех пор, как он был вот таким.

Старец разложил на столе инструменты, тщательно вытер руки влажным полотенцем, готовясь к осмотру.

—Вы знали Эрагона до того, как он стал Серафимом?

—Я знал его ребенком. Ребенком, на чью долю выпало немало испытаний.

—Знаете, если вы намерены внушать мне, какой он бедный и несчастный, то я не из тех дурочек. Он сам виноват в своей черствости, а не обстоятельства. Виноват он, и только он. Терпеть не могу, когда чью-то жестокость оправдывают

тяжелым прошлым. У меня у самой жизнь не сахар, но я не позволяю себе срываться на других. А он... бессмертный сегодня вдруг озаботился...

— Это не забота. Он... просто осознал свою вину и пытается ее загладить.

— Конечно, уж этот черствый чурбан точно не способен на раскаяние.

Лекарь приблизился.

— Что болит?

— Вчера, по милости вашего ненаглядного Эрагончика, я повредила колено. Ничего серьезного, думаю, просто ссадина.

Я закатала штанину и увидела огромный синяк. «Интересно, как бессмертные собираются это лечить?» — промелькнуло у меня в голове.

Но лекарь не смутился. Подойдя, он положил ладонь на мое колено. «Ясно, сейчас начнет нашептывать заклинания», — подумала я. И вдруг боль отступила. Я взглянула на его руку и увидела исходящее от нее слабое синее сияние. Когда он убрал ладонь, синяка будто и не бывало.

— Что? — вырвалось у меня. — Как?.. А, ну да, у вас, бессмертных, есть сила исцеления.

— Ты много знаешь о нас, бессмертных?

— Я когда-то жила с одной девочкой, она тоже была ангелом.

— Странно. Бессмертные обычно не вступают в близкие

отношения со смертными.

— Мы, смертные, слишком многого хотим. Не так ли?

— Нет, дитя, я считаю, что бессмертные и смертные должны существовать в гармонии. Но сейчас не об этом. Тебя ждет Эрагон... Я провожу тебя в его кабинет. Речь пойдет о переводе книги. Дам тебе время подготовиться.

— Подготовиться? — переспросила я. — Он что, думает, я стану наряжаться для его приема? Нет уж. Какая есть, такая и есть. Идемте.

4 глава

Я вскочила — лекарь снова вздрогнул — и уже направилась к двери, но его спокойный голос остановил меня.

— погоди-погоди, торопыжка. Дашь старику собраться.

Я замерла, слегка смутившись. Он неторопливо сложил свои инструменты в кожаную сумку, и только тогда его мудрый, внимательный взгляд поднялся на меня.

— А как мне вас называть? — спохватилась я. Логично, что моё имя мог назвать только Эрагон.

— Дедушка Ли. Меня все так зовут.

— Ясно.

— Прямой нрав... — задумчиво протянул он, как бы разглядывая не только моё лицо, но и что-то за ним. — Редкое качество в нашем мире хитросплетений. Особенно для смертной. В нём есть искра, знаешь ли. Неосторожная, обжигающая, но... честная. Как чистый спирт на рану — и щиплет, и лечит.

— О чём вы? — я нахмурилась, не понимая, к чему он клонит.

Дедушка Ли мягко улыбнулся, и сеть морщин у его глаз углубилась.

— Просто наблюдаю. Ты удивительно... несгибаемая. Для того, кто потерял всё и оказался в клетке среди существ, чью силу даже не может постичь. Большинство на твоём месте или сломались бы страхом, или притворились бы покорными тенью. А ты стоишь и огрызаешься на самого Серафима.

— Глупо?

— Возможно. Но в этой глупости есть отчаянная смелость, которую я давно не видел. А вы с ним намного больше похожи.

— Вы сказали, я похожа на него. Это шутка? — я не смогла сдержать раздражения.

— Нисколько. — Он поднялся, взял свою сумку и сделал шаг к двери, приглашая следовать. Мы вышли в прохладный коридор. — Видишь ли, Александра, внешне вы – противоположности. Он – лёд, ты – пламя. Но лёд бывает твёрже стали, а пламя может гореть ровно и упорно. В вас обоих есть эта... непоколебимая сердцевина. Упрямство, если хочешь. Только у него оно закалено веками и обнесено стенами, а у тебя – открытое, как свежая рана. Он свою суть прячет. Ты свою – выставляешь напоказ. А источник, пожалуй, один: отказ смириться.

Мы шли медленно, его шаги были неторопливы, но уве-

ренны.

— А почему он... такой? Холодный? — спросила я, понизив голос, хотя вокруг никого не было.

Дедушка Ли вздохнул, и его взгляд стал отстранённым, словно он смотрел вглубь времени.

— Эрагон... Он несёт бремя, под которым гора бы треснула. Быть Верховным Серафим – это не о власти. Это о вечной ответственности. За каждый закон, за каждую жизнь в цитадели, за границу между нашим миром и Тьмой. Когда ты отвечаешь за вечность, спонтанность и горячность становятся роскошью, которую нельзя себе позволить. Его холод – не отсутствие чувств. Это... контроль. Железный обруч, стянутый вокруг бури. Я видел его в иные времена... — Лекарь на мгновение замолчал, словно решая, стоит ли продолжать. — Видел, как этот «холодный» ангел сутками не отходил от постели умирающего солдата-юнца, хотя того уже нельзя было спасти. Просто чтобы тот не умирал в одиночестве. Или как он без единого слова принимал на себя вину за чужие ошибки, лишь бы не сеять раздор среди своих. Его нрав – это щит. И панцирь. Порой мне кажется, он и сам забыл, что под ним осталось живое существо.

— Звучит... одиноко, — невольно вырвалось у меня.

— О, да. Одиночество – его неизменный спутник. Он не может позволить себе быть «просто Эрагоном» почти ни с кем. Отсюда и отстранённость. Он держит дистанцию, чтобы не причинять боль другим и... чтобы не было больно ему са-

тому, когда придётся принимать жёсткие решения. Смертные для него – хрупкие свечи на ветру. Он видит, как легко вас задуть, и потому его кажущаяся жестокость – часто последняя попытка оттолкнуть, чтобы уберечь. Как он пытался оттолкнуть Анжелику.

— Скажите, Дедушка Ли, а кто такая Анжелика? Это его девушка?

— Нет. Хотя влюблена в него по уши.

— Ну и дурочка, — вырвалось у меня. — Она же видит, как он к ней относится.

— Влюблённые сердца склонны закрывать глаза. Бессмертным влюбляться опаснее, чем смертным.

— Это почему?

— Вы, смертные, из-за краткости жизни хватаетесь за каждое чувство, живёте им — и это прекрасно. Но чувства переменчивы. А если бессмертный полюбил... от этого уже не откажешь. Эрагон с первого дня предупреждал её. Она не послушалась.

— А вы откуда всё знаете?

— Она часто навещала. Хотела, чтобы я исцелил боль в сердце. Но я лечу тела, а не души.

— С Эрагоном не пытались поговорить?

— Он сам отстранялся. А когда понял, что сводит её с ума, сделал послабление. Вот она и ходит хвостом. Ты только не обижайся на неё. Любовь затмевает разум.

— Не беспокойтесь. Просто вела себя как напыщенный

павлин.

— А ты, я смотрю, смелая.

— Меня обычно “без царя в голове ” называют.

— Смелость — лезвие с двумя остриями.

Мы приблизились к массивной двери библиотеки.

— Так что не суди его слишком строго, Александра, — заключил Дедушка Ли, и в его глазах мелькнула грустная доброта. — Под этой маской изо льда бьётся сердце, которое, возможно, чувствует куда больше, чем моё, старческое. Оно просто истончено до предела. И помни: если он проявляет к тебе хоть тень терпения, значит, разглядел в тебе ту самую сердцевину. Для него это... необычно. Теперь ты не просто смертная, ты — интересная загадка. А с загадками он не так торопится расставаться.

Он отворил дверь, и передо мной снова открылось книжное царство. Но теперь, слушая тихие шаги Дедушки Ли позади, я смотрела на сидящую в кресле невозмутимую фигуру уже немного другими глазами. Не с меньшим раздражением, нет. Но с зарождающимся пониманием, что за этим холодным фасадом скрывается история, о которой я ничего не знаю.

За дверью была небольшая прихожая, но за ней... Я ахнула.

Громадное пространство, уходящее ввысь. Стеллажи терялись где-то в полумраке под потолком. Тысячи книг. Не только труды для бессмертных, но и человеческие — фило-

софия, история, романы. Кажется, здесь собраны все знания мира.

Я замерла, забыв обо всём. После Апокалипсиса интернет, телевизоры, соцсети — всё кануло в лету. Книги стали моим убежищем. И теперь передо мной был рай. Ну, кроме одной занозы в самом его центре.

Дедушка Ли склонил голову в сторону кресла.

— Серафим, я привёл её. Колено в порядке.

И, кивнув мне, удалился.

Мой взгляд столкнулся со взглядом Эрагона. Непроницаемым, ледяным.

— Неужели совесть заела? — сорвалось с губ прежде, чем я подумала.

Его глаза, холодные как осколки льда, сузились.

— Совесть? Ты ушиблась по собственной неуклюжести.

— Если бы вы меня не швырнули, я бы не ударилась!

— Я предупреждал. Ты отделалась легко. Будь на моём месте другой... — он не договорил, но смысл повис в воздухе.

Внутри у меня всё заскрипело. Вот же напыщенный... Ладно, ради книг можно и потерпеть.

— Ты смогла перевести книгу? — его голос вернул мне ощущение ледяного душа.

— Я, по-вашему, вундеркинд, что ли? За один вечер перевести всё? Там листов на всю мою жизнь хватит!

— Но так и поторопись, — его голос прозвучал тихо и

опасно, — чтобы твоя жизнь не оказалась настолько короткой.

Он сидел в глубоком кресле, откинувшись, закинув ногу на ногу. Поза правителя, привыкшего к повиновению.

— Но в книге я перевела первые две страницы. В ней говорится о том, что метисы — это и есть баланс, а ещё про какую-то Создательницу. Но я не знаю, кто это. Поговаривают, она мать... Светлого Бога? Или как его?

— И его брата.

— Ну, вам виднее. Не я же веками живу.

— Да-а, ты сейчас так изящно мой возраст подчеркнула, — он едва заметно покачал головой. — И что про Создательницу сказано?

— Ну, до этой главы я ещё не дошла.

Эрагон выдохнул — не шумно, но с таким ощущением, что я его окончательно разочаровала.

— Ну, я же стараюсь! — не выдержала я. — И вообще, у меня просьба есть.

— Какая? — Он поднял на меня взгляд, и в его глазах читалось лёгкое любопытство.

— А можно я из этой библиотеки буду брать книги читать? Просто мне тяжело переводить книгу, не зная контекста. Я не могу быть уверена, что правильно понимаю смысл.

— А у тебя времени хватит — и книги читать, и секретную книгу переводить? — он потер переносицу, и в его жесте была усталость и раздражение.

— Ну, вообще-то, можете тогда вы мне рассказывать про всё это. Или давайте я буду вам пересказывать прочитанное, а вы мне будете объяснять, что это? — огрызнулась я.

Он замер, и его ледяной взгляд стал пристальным.

— Что ж, ты права. Так и сделаем. Это ускорит процесс.

Вот дура! — промелькнуло у меня в голове. — Ну вот, кто меня за язык тянул? Сидела бы в своей комнате спокойно-ненько и не видела этого прохвоста!

— Да я же пошутила! Я и сама справлюсь, не хотите...

— Нет, — холодно перебил он. — Ты будешь приходить ко мне. Переводить. А книги можешь брать. Главное — старайся не шататься по коридорам одна.

— Такое ощущение, словно вы боитесь, что меня и правда кто-то убьёт.

— Александра, — моё имя прозвучало из его уст как предупреждение. — Бессмертные — опасные существа. И к смертным они относятся крайне предвзято. Я знаю, ты по натуре очень...

— Какая? Храбрая?

— Правильное слово — безбашенная, — мрачно подсказал он. — Ты не до конца осознаёшь, что происходит. Поэтому: я дам тебе охранника. Он будет сопровождать тебя. Постарайся без него не шататься.

— А вы, пожалуйста, обеспечьте меня запасами еды, чтобы я не шаталась «где попало».

— Ах, да. Касаемо побега... Из цитадели не так легко сбе-

жать. Единственный выход — окно.

— Очень красиво сказали, — огрызнулась я. — Я поняла, что могу идти?

Меня остановил звук резко распахнутой двери. На пороге появился ангел с волосами цвета пшеницы, собранными в пучок. Его крылья трепетали от волнения.

— Эрагон, у нас проблемы.

Голос Серафима изменился в секунду. Со мной он говорил холодно, но сейчас в его интонациях не было и намёка на лёд — лишь сталь.

— Что такое, Дино?

— Псы тьмы вторглись на нашу территорию. Заложники. Предлагают обмен, но всё выглядит как ловушка.

Взгляд Эрагона стал острым, собранным. Было видно, как в его голове уже выстраиваются ходы.

— Александра, ступай в комнату. Сейчас.

Фраза была адресована мне, но он даже не взглянул в мою сторону. Спорить я не стала — у Владыки и без меня проблем хватало. Я ретировалась.

Однако одна мысль не давала покоя: дверь. Вечером она была заперта. Ночью — открыта. Если Эрагон настаивал на моём заключении, он приказал бы запереть меня. Значит, это сделал кто-то другой.

Почему-то в этой ситуации я склонна была верить Эрагону. Как бы я ни храбрилась, против бессмертного я — ничто.

Решив не искушать судьбу, я взялась за перевод. Следую-

щая страница давалась труднее. В книге говорилось о Создательнице, которая породила первых бессмертных для установления баланса. Упоминалась женщина — первый ангел, сошедший на землю. Дальше я не могла продвинуться — слишком много неизвестных слов. Поняла: нужно спросить у Эрагона.

Только я собралась встать, как в дверях появилась Ирина. Её локоны были убраны в тугой хвост, выражение лица — высокомерное. Она молча поставила ужин и вышла. Видимо, Серафим её отчитал.

Открыв миску, я снова увидела ту же безвкусную похлёбку. День за днём — одно и то же. С трудом сделав три глотка, я отодвинула её. Бессмертному, видимо, срочно требуются уроки кулинарии.

В ванной меня ждало единственное утешение — большая, глубокая ванна. После жизни в секте, где мылись в общих источниках, это был рай. Целая ванна. Только я.

Я надела просторную рубашку (явно не моего размера) и идеально сидящие брюки. Видимо, с моей грудью создатели одежды просто не посчитались.

Сон почти накрыл меня, когда где-то внизу раздался грохот. Не такой, чтобы испугать, но достаточный, чтобы заставить насторожиться.

Дверь, к моему счастью, снова не была заперта. На моём этаже царил тишина. Я спустилась на несколько пролётов вниз. Оттуда доносились крики. По коридору металась ле-

кари в накидках. Среди них суетился Дедушка Ли. Война — не просто слова.

И среди этой суматохи, неподвижный, как статуя, стоял Эрагон. Он холодным взглядом окидывал подчинённых.

Он резко развернулся и бесшумно направился вглубь коридора. За ним, как тень, последовал Дино. Им навстречу почти бегом шла Ребекка. Они о чём-то спорили, но Эрагон, даже не обернувшись, одним резким жестом заставил их замолчать.

Пока он говорил, его взгляд скользнул по темноте и нашёл меня. Чутьё у него, как у хищника. Он слегка нахмурил брови. Я знаком показала, что ухожу. В ответ — едва заметный кивок. Чтобы заметила только я.

Я вернулась в комнату. Интересно, что это за война? Надо узнать об этом мире больше.

Утро наступило быстро. На столе ждал завтрак. Ирина появлялась всё реже. Может, бессмертные и правда не питают к людям особой любви?

Позавтракав, я села за перевод. В окно ярко светило солнце. Не знаю, настоящее ли оно здесь или магия, но с ним жить было веселее.

Внезапно дверь резко открылась. В комнату вошла Ирина. — Тебя ждёт Эрагон. Идём со мной.

Не дожидаясь ответа, она развернулась.

У дверей его кабинета Ирина пропустила меня вперёд и почтительно возгласила:

— Господин, я привела её.

Она склонилась в поклоне, глядя на него сияющими глазами.

Эрагон не поднял головы от бумаг.

— Хорошо. Можешь идти.

— “Ну и тёплый приём,” — мысленно усмехнулась я.

Я сделала несколько шагов вглубь кабинета. На лице Ирины застыла гримаса ужаса.

Что, я что-то не так сделала? Но если он для них — король, то для меня — нет...

Эрагон поднял на меня взгляд. Его голубые глаза, холодные, как горное озеро, встретились с моими. Он тяжело вздохнул.

— Выйди, — повторил он, чётче.

Девушка, шокированная, выскользнула за дверь.

— Я что-то сделала не так? — спросила я.

— К Серафиму не подходят, пока он не дал разрешения, — отчеканил он, не отрываясь от документов.

— А мне было откуда знать? И вообще, я подошла не к Серафиму, а к тебе.

Эрагон медленно поднял голову. Его взгляд замер на мне, изучающий и тяжёлый.

— Александра, я допускаю, что ты обращаешься ко мне на «ты». Но не забывай: я — Верховный Серафим. К моему статусу следует относиться с почтением. Хотя бы для того, чтобы другим не было повадно.

— Это вы меня сейчас... бестолковой назвали? И с чего вы вдруг стали говорить мне «ты»? Раньше всегда было «вы».

— Потому что я вижу в тебе нечто большее, чем просто смертную. Ты единственная, кто может перевести книгу. Ну или как у смертных говорят, дураком родился, дураком и помрешь— Его голос оставался ледяным. — У нас много общего.

— Интересно, чего же? Любви? — я не смогла сдержать язвительности.

— Ты не путаешь любовь с ненавистью? — он слегка склонил голову набок. — Ибо по твоим глазам судя, ненависти и презрения ко мне куда больше.

— Возможно, вы и правы, уважаемый Серафим, — я выдержала его взгляд. — Вы взвалили на себя тяжкий груз. Но не забывайте: это вы погубили мой мир.

Серафим решил промолчать. «Ну и молчи», — подумала я, положив книгу на стол, в нескольких шагах от него, и устроилась в кресле напротив, ожидая, когда он снизойдет до моего присутствия. Он продолжал писать, перо скользило по пергаменту с монотонным шелестом. Прошло время, тягучее и молчаливое, наполненное лишь звуком его работы и моим почти неслышным дыханием.

Наконец, он поднял голову. Взгляд, лишенный тепла, скользнул по мне, будто оценивая незначительную деталь интерьера.

—Что у нас с переводом? — голос был ровным, без интонации, как удар ледяной крошки о камень.

На секунду я отвлеклась. Его профиль, освещенный холодным светом магических сфер, был безупречен и безжизнен, как изваяние. Век — или тысячелетия — не оставили на нем следов, лишь отполировали эту мраморную холодность.

—Я хотела спросить... у вас. Или у тебя? — поправила я.

—Если ты не возражаешь и мы уже выяснили, что... достаточно близки, — он произнес это слово с едва уловимой, сухой насмешкой, — то говори «ты».

Я кивнула, собравшись с мыслями.

—В книге говорится о Создательнице, породившей двух богов — Шепфу и его брата, олицетворяющих свет и тьму. Но помимо них были и другие бессмертные, отвечавшие за разные грани бытия. Все они поддерживали баланс. Но суть не в том, чтобы тьма занималась лишь тьмой, а свет — светом. Баланс — в тех, кто может его удерживать, держа в себе обе стороны. То есть... метисы.

Эрагон отложил перо. Его пальцы медленно сплелись перед собой.

—Книга пишет о метисах... правильно, — его голос прозвучал отстраненно, будто он говорил о давно забытой теории. — Но долгое время они были под строжайшим запретом. Закон неприкосновенности: ни ангелам с демонами, ни бессмертным со смертными. Однако что-то изменило этот

порядок.

— У темного бога появился мальчик, — продолжила я. — Мальбонте. Он... воспитывался у него, что, думаю, не лучшим образом сказалось на его психике.

Эрагон резко переменял позу, начав механически перебирать документы на столе. Тема явно была ему неприятна, но маска несдвинулась.

— Эрагон, скажи, — не удержалась я. — Почему случился апокалипсис? На Земле были лишь вспышки, но ведь у бессмертных шла своя война.

Он замер. Холод в его глазах сгустился, стал почти осязаемым.

— Александра, — мое имя прозвучало как предупреждение. — Ты считаешь, что бессмертные виновны в гибели твоего мира. Но мы тоже лишились дома. То, что ты видишь, — не наша исконная цитадель. У нас была другая жизнь. Светлая. Спокойная. А теперь здесь все живут в страхе. Твой перевод поможет не только смертным. Но и нам. Глупо строить из себя врагов. Я буду защищать тебя, пока книга не переведена. Твоя задача — быть честной со мной. Искренней. Я не причиню тебе вреда. Не беспокойся.

На моих губах дрогнула усмешка.

— Ух ты. Звучит, как строчки из романтического романа, где после таких слов следует пылкий поцелуй, — я облокотилась на стол, пытаюсь поймать его взгляд, проверить, могу ли я хоть что-то в нем растрогать.

Бессмертный лишь хмыкнул, и уголок его идеального рта дрогнул на мгновение, тенью улыбки.

—Какая ты еще... — начал он.

—Какая? — перебила я.

—Наивная, — поправил он, и его палец лег на переплет лежавшей рядом книги. Затем он легким движением сдвинул ее через стол ко мне. — «История Ангелов и Падших». Изучи. Это поможет с переводом.

— Погоди, — я нахмурилась. — А зачем тогда я пришла? Ты же обещал объяснять!

—Пока ты не принесла ничего нового, а у меня много дел. Можешь возвращаться в свою комнату.

— Хорошо — фыркнула я, хватая книгу. — Пойду читать историю.

Я резко поднялась и вышла, чувствуя на спине его тяжелый, неотрывный взгляд. В нем было что-то... аналитическое. Не гнев, а скорее оценка. И в этом было что-то странно тревожащее.

Холодное перемирие после визита Дедушки Ли длилось недолго. Уже на следующий день наше вынужденное сотрудничество дало трещину.

Эрагон указал на древнюю бумагу, лежащий на столе между нами, как на поле боя.

— Твой перевод второй главы содержит критические смысловые ошибки. Ты перевела «гибель баланса» как «при-

чина равновесия». В контексте древнего языка это меняет всё. Одно — это гибель, другое — сухое логическое умозаключение.

Я, не выспавшаяся и уже три часа копошащаяся в пыльных словарях, почувствовала, как во мне закипает раздражение.

— Может, вы, о всезнающий, тогда напишете для меня подробную инструкцию? «Как правильно понимать мёртвые языки за пять минут, для чайников»! Я не лингвист-бессмертный, я выживала в аду, а не конспектировала грамматику!

Он даже не раегировал. Его пальцы ровно лежали на столе.

— Выживание здесь зависит от точности. От твоей точности. Ошибка в трактовке ритуала или свойства артефакта может иметь катастрофические последствия. Я не могу допустить неточностей.

— А я не могу работать под таким давлением! — я вскочила, и стул с противным скрипом отъехал назад. — Вы смотрите на меня, как на неисправный инструмент, который вот-вот сломается. Каждый вздох, каждое сомнение — всё только подтверждает вашу мысль о том, какая я никчёмная смертная!

Впервые за время нашего общения его веки чуть дрогнули. Не эмоция, а скорее признак активной аналитической работы.

— Я не считаю тебя никчемной. Негодный инструмент выбрасывают. Со мной ты ведёшь диалог. Чаще даже перепалку, — его голос оставался ровным, что бесило ещё больше. — Но твои методы хаотичны. Ты пытаешься понять историю древних пророчеств, не зная алфавита.

— А ваши методы — это душиť всё живое! — я развела руками, указывая на грандиозную библиотеку. — Здесь тысячи историй, драм, надежд, а вы видите в них только набор данных для анализа! Может, в этом и есть ваша ошибка? Вы ищете ответы в сухих формулировках, а они, — я ткнула пальцем в злополучную книгу, — написаны кровью и страстью! «Создательница» — это не титул, это, возможно, крик души! А вы заставляете меня переводить это, как бухгалтерский отчёт!

Наступила тишина, густая и тяжёлая. Эрагон откинулся в кресле. Его поза по-прежнему была расслабленной, но в воздухе повисло напряжение, словно перед грозой.

— Страсть, — произнёс он наконец, и это слово в его устах прозвучало холодно и отчуждённо, — привела к падению целых династий. Кровь, которую ты так романтизируешь, залила поля сражений, которые я был вынужден расчищать. Ты говоришь о драме. Я видел, как «драма» обрекает на смерть целые поселения. Твоё необузданное, эмоциональное восприятие — это роскошь, которую я не могу себе позволить. И тебе — тоже. Не здесь.

В его словах не было злобы. Была усталая, беспощадная

констатация факта. И это ранило глубже любой насмешки.

— Значит, я должна стать как вы? Холодным роботом, который боится собственных чувств?

— Я не боюсь их. Я ими управляю. И предлагаю тебе научиться тому же. Иначе ты сгоришь. И не метафорически. Силы, о которых идёт речь в этой книге, не прощают сантиментов.

Мы смотрели друг на друга через стол: я — дыша прерывисто, с горящими щеками, он — абсолютно неподвижный, лишь его стальные глаза фиксировали каждую мою микро-реакцию. Это был конфликт не просто двух людей, а двух вселенных: спонтанной, жаждущей жизни — и выверенной, отгородившейся от неё ради выживания.

— Хорошо, — выдохнула я, сжимая кулаки. — Давайте по-вашему. Дайте мне правила. Чёткие, ясные. Алгоритм. Как вам угодно. Но тогда и вы примите моё условие.

Его бровь почти невидимо поползла вверх.

— Какое?

— Когда я задаю вопрос о контексте — о том, почему это было написано, что люди чувствовали, о чём мечтали — вы не отмахиваетесь. Вы объясняете. Вы говорите не только «что», но и «зачем». Иначе это не сотрудничество. Это диктатура. А против диктатуры, — я посмотрела ему прямо в глаза, — я, как вы правильно заметили, умею огрызаться.

Уголок его губ дрогнул. Настолько микроскопически, что можно было принять за игру света.

— Ты требуешь уроков истории и психологии древних цивилизаций.

— Я требую понимания! Без него мои переводы так и останутся «критически ошибочными»!

Он молчал несколько долгих секунд, его взгляд скользнул по стопкам моих черновиков, испещрённых пометками, стрелочками и отчаянными вопросительными знаками на полях.

— Принято, — наконец произнёс он. — Правила будут к вечеру. Что касается контекста... — Он встал, подошёл к одному из ближайших стеллажей и с невероятной точностью вытащил с полки неприметный том в потёртом переплёте. — Это хроники очевидца той эпохи, о которой идёт речь во второй главе. Личные записи. Не канонический текст. В них есть... субъективные впечатления.

Он положил книгу передо мной. Это был невероятный жест. Уступка. Признание, что мой метод, каким бы хаотичным он ни был, тоже имеет право на существование.

— Спасибо, — сказала я сдавленно, всё ещё находясь во власти противоречий: злости, обиды и странного, нового чувства — уважения к его строгости.

— Не благодари, — холодно парировал он, возвращаясь на своё место. — Это не подарок. Это стратегическая необходимость. Эффективность нашего сотрудничества должна возрасти. Теперь, — он вновь упёрся в меня взглядом, — исправь ошибку в третьем абзаце. И объясни своё первоначальное...

чальное решение. Мне нужно понять ход твоей мысли, чтобы предугадать будущие погрешности.

И так становилось постоянно. Эрагон приказал приходить к нему каждый день, для проверки моего перевода. Заканчивалось все одиноково. Конфликты не были исчерпаны. Они были переведены в новую плоскость. Из противостояния «огонь против льда» они превратились в сложное, напряжённое партнёрство, где каждое слово, каждый жест были одновременно вызовом и попыткой найти общий язык. Лёд Эрагона не растаял, но в нём появилась трещина — узкий канал для диалога. А моё пламя, хоть и не угасло, теперь было вынуждено научиться гореть не просто ярко, а целенаправленно. Мы не стали ближе. Мы стали... острее. И осознание того, что предстоящая работа будет постоянной битвой на истощение, где придётся отстаивать каждую крупницу своего понимания, заставило меня сжать зубы. В последнее время меня раздражало все, видимо вновь приближается вспышка. Еще до апокалипсиса мне поставили расстройство, регулировать я могла его с помощью таблеток. Естественно сейчас его нет.

Неделя спустя.

Напряжение копилось, как статическое электричество перед бурей. Поводом на этот раз стала не я, а кто-то другой. Вернее, что-то другое.

Я сидела, уткнувшись в словарь, когда в библиотеку, не постучав, влетел молодой ангел с перевязанной рукой и ли-

хорадочным блеском в глазах.

— Серафим! Прошу аудиенции! Это не может ждать!

Эрагон, не отрываясь от карты с тактическими отметками, которыми он занимался параллельно моему переводу, лишь слегка повернул голову.

— Ты нарушаешь порядок, Кая. Войди и доложи, как положено.

— Но это о метиске! О той, что в темнице! — выпалил ангел, и его голос дрожал от смеси страха и возмущения.

Я замерла, почувствовав ледяную волну, исходящую от Эрагона. Он медленно поднял глаза.

— Ты говоришь о заключённой Эмилии? Её статус и дело обсуждаются в Совете. Ты не в праве...

— Она умирает! — перебил его Кая, и это была неслыханная дерзость. — Лекари говорят, что её раны не могут восстанавливаться. Обычные методы не помогают! А вы... вы отказываетесь использовать красный пепел! Вы обрекаете её на мучения!

Эрагон встал. Его движение было плавным, но в нём чувствовалась такая мощь, что даже я инстинктивно отодвинулась.

— Красный пепел — зелье чрезвычайной силы. Его применение непредсказуемо и может нарушить магический баланс, если она выбрала сторону темного бога, мы поставим под угрозу сотни других бессмертных. Решение Совета основано на анализе рисков.

— Это не анализ, это холодный расчёт! — крикнул ангел.

— Она сражалась за нас! Попала в плен к Псам и выдержала пытки, не выдав расположения цитадели! А мы теперь считаем, слишком ли рискованно её спасать?!

Я не выдержала. Слова сорвались с губ прежде, чем я успела подумать:

— Вы что, действительно отказываетесь помочь той, кто вас защищала? Это же... бесчеловечно!

Всё затихло. Кай с ужасом посмотрел на меня, поняв, что впутал смертную в разговор с Серафимом. Эрагон повернулся ко мне. Его лицо было ледяной маской, но в глубине глаз бушевала настоящая буря.

— Ты, — произнёс он с убийственной мягкостью, — не имеешь ни малейшего понятия, о чём говоришь. Выйди.

Но меня уже занесло. Я встала, опираясь руками о стол.

— Нет! Я всё поняла! Вы — блестящий тактик, верно? Взвешиваете «риски» и «пользу». Одна жизнь против «баланса». Удобно, да? Особенно когда это не ваша жизнь на кону! Вы видели, как она умирает? Или вам просто принесли отчёт, где её боль значится как «приемлемые операционные потери»?

Кай побледнел как полотно. Эрагон сделал шаг вперёд, и пространство между нами словно сжалось, наполнившись морозным электричеством.

— Молчи. Сейчас. Ты не знаешь историю этой метиски. Не знаешь, что её преданность ставилась под сомнение. Не

знаешь, что «Красный пепел» три века назад, будучи применённым неосторожно, стёр с лица земли целый квартал вместе с «спасёнными». Твоё мнение, основанное на наивном представлении о справедливости, а здесь — это опасный шум.

— А ваше мнение, основанное на цинизме, — это приговор! — парировала я, чувствуя, как трясутся колени. — Вы так боитесь любого риска, что готовы заморозить всё живое вокруг! Вы говорите о долге и ответственности, но где ваша ответственность перед той, кто отдала за вас часть своей жизни?!

Он был передо мной в один миг. Не приблизился — возник. Его рука сжала край стола рядом с моей рукой так, что древнее дерево треснуло.

— Я несу ответственность за каждого в этой цитадели! — его голос впервые сорвался на низкую, хрипящую грань, в которой плескалась вся накопленная за века ярость и тяжесть. — За Кая, который сейчас готов броситься на меч из чувства вины! За лекарей, которые могут погибнуть, если магия метиски выйдет из-под контроля! За сотни других, чьи жизни будут там! Я должен выбирать наименее ужасный из плохих вариантов! А не тот, что успокоит чью-то совесть или покажется «правильным» в сказке! Ты думаешь, мне легко подписывать такие приказы? — В его глазах, вплотную приблизившихся к моим, мелькнуло что-то жуткое и обнажённое. — Ты думаешь, я не вижу её лица каждый раз, когда

закрываю глаза?!

Он отшатнулся, как от огня, резко выпрямившись. Дыхание его было, как у загнанного зверя, но уже через секунду железный контроль вернулся, сгладив все черты.

Кая стоял, потрясённый, со слезами на глазах. Я же чувствовала, как почва уходит из-под ног. Я нападала на него, видя лишь одну сторону трагедии. А он нёс на своих плечах все её стороны сразу.

— Убирайся, Кая, — тихо, но неоспоримо приказал Эрагон. — И передай главному лекарю: я разрешаю применение Красного пепла. Начните подготовку немедленно.

— Серафим... — прошептал бессмертный.

— **ВЫПОЛНЯЙ ПРИКАЗ!**

Кая выскочил из библиотеки. Мы остались одни. Тишина давила, густая и горькая.

— Вы... вы изменили решение, — тихо сказала я.

— Нет, — холодно ответил он, глядя куда-то мимо меня. — Я пересмотрел расчёт рисков. Твоя эмоциональная вспышка была лишь показательным фактором. Она, однако, наглядно продемонстрировала, как быстро неконтролируемое сострадание превращается в самоуверенное невежество, способное подорвать дисциплину. Ты публично усомнилась в решении Серафима перед подчинённым. Этого я допустить не могу.

Мне стало стыдно. По-настоящему, жгуче стыдно.

— Я... я не хотела подрывать ваш авторитет. Я просто...

— Ты просто увидела чужую боль и потребовала её немедленно устранить, не думая о последствиях. Это детский подход к миру взрослых трагедий. — Он, наконец, посмотрел на меня. Взгляд был уставшим до самого дна. — Завтра на расвете ты отправишься со мной. Будешь присутствовать при подготовке. Увидишь, сколько людей будет рисковать жизнями ради одной. И, возможно, поймёшь разницу между дешёвым пафосом и настоящей ценой решения.

— Хорошо, — кивнула я, не в силах выдержать его взгляд.

— И ещё одно, — добавил он, возвращаясь к своему креслу, но больше не садясь в него. — Если ты когда-нибудь снова позволишь себе публично оспорить мой приказ, наши «партнёрские» отношения закончатся. Ты будешь переводить книги в запертой комнате под круглосуточной охраной, без права выхода и без права голоса. Понятно?

Это был ультиматум. Чёткий и ясный.

— Понятно.

— Тогда иди. Тебе нужно готовиться. Ритуал начнётся с рассветом.

Я вышла, чувствуя, как смешались в душе жгучий стыд, горечь и странное, новое чувство — не уважения, а скорее, признания. Признания того, что бремя, которое он несёт, настолько чудовищно, что даже его холод — лишь тонкая корка на поверхности кипящей магмы ответственности. Мы снова оказались по разные стороны баррикады. Но на этот раз я увидела, что на его стороне — не равнодушие, а адская куз-

ница, где каждое решение выковано из огня невозможных выборов. И этот ад был куда страшнее, чем я могла представить.

5 глава

Холод каменных стен здесь въедается в кости по-другому. Он не просто морозный — он тяжелый, спёртый, пропитанный годами отчаяния и боли. Я шла за Эрагоном по узкому коридору, стараясь не смотреть в темноту за ржавыми прутьями. Но взгляды цеплялись за меня — колючие, полные ненависти или пустого безумия. Воздух пах ржавчиной, потом, мокрым камнем и чем-то сладковато-гнилым, от чего сводило желудок.

Он остановился перед не то камерой, не то нишей в скале. За решёткой, прикованная к стене цепями, сидела она. Эмилия. Чёрные, как смола, прожилки ползли по её шее, пульсируя. Её крылья были скрючены, но взгляд... её взгляд был острым, яростным и абсолютно живым. В нём было то самое упрямство, которое, как сказал Дедушка Ли, роднило нас. Но искажённое болью и этой чёрной заразой до чего-то чудового, опасного.

Рядом с решёткой стоял молодой лекарь. Он был бледен, пальцы нервно перебирали ампулы на поясе. В одной руке он уже держал шприц, заполненный веществом, которое светилось изнутри тревожным, багровым светом. Красный Пепел. От одного взгляда на него по спине пробежали мурашки.

— Состояние критическое, Серафим, — голос лекаря

дрогнул. — Протокол предписывает...

— Делайте, — прозвучал ровный, безразличный голос Эрагона. Он стоял в стороне, его лицо в полумраке было похоже на маску из тёмного мрамора. Он просто наблюдал. Как за экспериментом.

Лекарь, стараясь не смотреть Эмилиии в глаза, быстрым движением ввёл ей содержимое шприца в шею.

Сначала ничего. Потом она вздрогнула. Словно её ударило током. Потом её тело начало биться в конвульсиях, цепи загремели, брякнув о камень. Чёрные прожилки стали трескаться и осыпаться, но под ними кожа не возвращалась к нормальному цвету — она светилась изнутри багровым, жидким, болезненным светом. Этот свет сочился из её кожи, из глаз, из-под ногтей. Она закричала. Но это был не крик боли. Это был рёв. Рёв невероятной, распирающей изнутри силы.

С громким треском лопнули цепи. Одна. Вторая.

Лекарь отпрыгнул, но слишком поздно.

Её рука — уже не рука, а нечто с длинными, изогнутыми когтями из того же багрового света — пронзила решётку, как будто той и не существовало, и вонзилась ему в грудь. Раздался хлюпающий, мокрый звук, который я услышала слишком отчётливо. На лице юноши застыло чистое недоумение. Он посмотрел вниз, на свою окровавленную форму, потом на искажённое багровым светом лицо Эмилиии. И захрипел.

Эрагон двинулся. Не тогда, когда цепи лопнули. Не тогда,

когда она закричала. А в тот самый миг, когда её рука пронзила решётку. Не было ни вспышки гнева, ни боевой стойки. Просто шаг вперёд. Быстрый, точный, неотвратимый. Его собственная рука мелькнула в воздухе. Я даже не увидела удара. Услышала короткий, сухой хруст. Как ломается сухая ветка.

Рёв оборвался. Багровый свет в глазах Эмилии погас, как перегоревшая лампочка. Её тело, всё ещё пронзающее лекаря, обмякло и рухнуло на пол, увлекая его за собой. Два тела в странном, ужасном объятии. Лужа крови начала растекаться по камню, чёрная в этом тусклом свете.

Тишина. Давящая, абсолютная. Только ровное, чуть слышное дыхание Эрагона. Он стоял над ними, слегка склонив голову, будто проверяя качество работы. Ни тени сожаления на его лице. Ничего. Просто факт.

Потом он медленно повернулся ко мне. Я чувствовала, как холод от стены, к которой я инстинктивно прижалась, проникает сквозь одежду. Но это был ничто по сравнению с ледяным оцепенением внутри. Я не могла оторвать взгляд от пустых, широко открытых глаз лекаря. Мальчишки. Он выглядел как мальчишка.

— Вот последствия, — произнёс Эрагон. Его голос вернул меня в реальность, плоский и безжизненный, как гладь мёртвого озера. — Твоё требование справедливости. Красный Пепел дает силу, но если разум сломан, это легко приведет к гибели. Риск был оценён. Решение принято. Результат

— перед тобой. Две смерти вместо одной.

Он развернулся и пошёл прочь. Его плащ скользнул по мрамору, не издав ни звука. Мои ноги, будто чужие, сами понесли меня за ним. В голове гудело. Картина с хлюпающим звуком и тем хрустом накладывалась одна на другую, снова и снова. **Мой голос. Мой вызов. Моя вина.**

Когда мы вышли из тюремного блока в пустой коридор, меня затрясло. Дрожь шла из самой глубины, сжимая горло и заставляя зубы стучать. Я обхватила себя руками, пытаюсь остановить это, но безуспешно. Перед глазами снова встал взгляд молодого лекаря — шок, непонимание, а затем пустота.

Эрагон остановился. Он обернулся, и его взгляд — всё такой же пронзительный — на секунду задержался на моём лице, на бессильно дрожащих руках. Что-то в его строгом выражении смягчилось. Не растаяло, а скорее... потускнело, уступив место глубокой, немой усталости, которую он никогда раньше полностью не показывал.

Он не сказал «всё будет хорошо». Не стал отрицать ужас произошедшего. Вместо этого он молча закрыл расстояние между нами. Его движение было не резким, а почти чутким. Одной рукой он мягко, но твёрдо притянул меня к себе, приглушив мою дрожь теплом и незыблемой устойчивостью своего тела. Вторая его рука легла мне на затылок, не давая увидеть его лицо в этот момент, но в этом жесте не было силы — было странное, неловкое утешение. Он просто стоял, молча-

ливый и прочный, как скала, о которую разбивается шторм, давая мне время собрать осколки себя. В момента мне показалось, что и ему тоже было это необходимо.

— Дыши, Александра, — его голос прозвучал прямо над ухом, тише и глубже, чем обычно. В нём не было привычного льда, только утомлённость. — Это не наказание, это урок. И ты должна это вынести. Иначе её смерть, и его смерть, будет напрасна.

Он не отпускал меня, пока дрожь не сменилась глухим, тяжёлым спокойствием. Когда он наконец отстранился, его лицо снова обрело привычную сдержанность, но в уголках глаз осталась тень той усталости.

— Контроль — это не отсутствие чувств, — сказал он уже более привычным, ровным тоном, но теперь в его словах чувствовался отзвук только что произнесённой истины. — Это умение не дать им собой управлять. Пойдём. Тебе нужен покой. Работа подождет до завтра.

Он не повернулся сразу, а на мгновение задержал на мне взгляд, как бы проверяя, могу ли я идти. И в этом взгляде, в короткой отсрочке работы, в его молчаливом признании, что и ему знаком груз неверных решений, была та самая, едва уловимая, но настоящая доброта. Не мягкая, а сильная

Я быстро добралась до своей комнаты, бросила книгу на кровать и, не раздумывая, выскользнула обратно. Мне хотелось спросить, могу ли я хоть иногда гулять. Останавливаясь

в проеме лестницы, я услышала знакомые голоса.

— Серафим, не сильно ты строг с ней? — Проговорил голос дедушки Ли.

— Она не в сказку попала, пускай привыкает. — ответил Эрагон.

— Но все же, девочка совсем молода. Этот груз она будет нести в себе.

— В следующий раз это может спасти ей жизнь. Она слишком бесстрашная.

— Может вам с ней нужно найти общий язык? Я думаю, вы во многом с ней похожи. Она совсем одна, и поэтому противится всему.

— может быть.

Они направились куда то вдаль, их голоса потихоньку стали затихать. Я решила, что все таки надо узнать об этом месте по больше. Предупреждение Эрагона звучало в ушах, но любопытство и неприязнь к клетке оказались сильнее. Я спускалась по лестницам, все ниже, где каменные стены становились грубее, а в воздухе витали запахи металла и пота.

На одном из нижних ярусов я обнаружила нечто вроде арсенала или казармы. Мечи, копыя, доспехи — все говорило о постоянной готовности к войне. Вдалеке мелькнули фигуры солдат. Я прижалась к стене, но было уже поздно — я наткнулась на чью-то мощную грудь.

Подняв голову, увидела бессмертного с крыльями, похожими на кожистые перепонки летучей мыши, кроваво-крас-

ного оттенка.

— Ты кто такая? — процедил он, и в его голосе звенело знакомое высокомерие.

— Прошу прощения, заблудилась, — поспешно ответила я, пытаясь проскользнуть мимо. — Я найду дорогу назад.

Но он схватил меня за шиворот с силой, против которой я была бессильна, и потащил вглубь зала, где находились другие — и ангелы, и демоны. Их взгляды, полные ненависти и презрения, впились в меня.

— Смотрите, какую крысу подобрал! — бросил демон, швырнув меня на каменный пол. Колени болезненно напомнили о себе.

— Я не крыса! — выпрямилась я, стараясь говорить громче страха. — Я просто ошиблась дверью!

— Ничего ты не ошиблась, — навис над мной демон. — Сейчас расскажешь все, что успела высмотреть.

— Да ничего я не успела! У вас что, заняться больше нечем? — огрызнулась я, отчаяние придавало смелости. И тут в голове мелькнула мысль. Та бессмертная подруга с Земли говорила: ангелы и демоны ненавидят друг друга лютой ненавистью. — Хотя... демонам, наверное, благодарностей не выписывают? Их же ангелы за равных не считают, — бросила я, глядя прямо на демона в доспехах.

— Что-о? — голос демона стал опасным, а глаза вспыхнули алым.

— Вообще-то, демоны сильнее, — кто-то из их рядов под-

держал его, на что ангелы тут же отреагировали взрывом возмущения.

— Какая чепуха! Это ангелы несут благородную службу!

— Демоны знают свое место! В грязи! — поддержал другой ангел.

Напряжение нарастало, как перед грозой. Я прижалась к стене, готовая в любой момент рвануть к выходу. Моя искра попала в пороховую бочку. Первое оскорбление, ответная грубость — и вот уже столкновение стало неизбежным. С криком демоны бросились на ангелов. Началась драка.

Именно этого я и ждала. На четвереньках я поползла к арке, сердце колотилось в горле. Но едва я выбралась из самого пекла, как снова уперлась в чьи-то ноги. На этот раз — в добротные, но поношенные сапоги.

Подняв голову, я замерла. Передо мной стоял бессмертный, чей облик заставил дыхание остановиться. Одно его крыло было белым, как снег, другое — черным, как смоль. Его волосы отливали мрачным багрянцем, а через лицо, от виска до скулы, тянулся шрам, забравший левый глаз. Невидящее око смотрело в пустоту, а живое — изучало меня с холодным, пронзительным интересом. Метис.

Он не проронил ни слова. Просто расправил крылья — мощным, оглушающим движением. Воздух дрогнул, и по залу прокатилась испуганная тишина.

— Отставить! — его голос, низкий и властный, не требовал повторения.

Драка замерла. Ангелы и демоны, тяжело дыша, расходились по разные стороны, не сводя друг с друга ненавидящих взглядов.

—Из-за чего? — спросил метис, и его взгляд снова упал на меня.

Ангел и демон заговорили одновременно, обвиняя друг друга. Метис выслушал их пару секунд, затем одним жестом велел замолчать. Он подошел ко мне, наклонился и без лишних церемоний поднял меня за шиворот, поставив на ноги.

—Пойдем со мной, — сказал он просто, и его хватка не предполагала отказа.

Я покорно поплелась за ним, понимая, что бежать бесполезно. Он привел меня в маленькую каморку, заставленную картами и донесениями.

—Ты кто? — спросил он, опершись о стол.

—Александра. Я здесь... по поручению Эрагона. Просто заблудилась.

—Смертная. По поручению Серафима, — он усмехнулся, и шрам на его лице исказился. — Забавно. Мир перевернулся, а они все удивляются, встретив смертную в своей крепости.

—Смешно, да, — процедила я сквозь зубы.

—С каких это пор Эрагон стал... опекуном смертных? — его единственный глаз сверлил меня.

—С тех пор, как... — я запнулась, соображая. — С тех пор, как он осознал, что смертные могут быть полезны. Он

сам об этом знает.

В дверь постучали, и вошел молодой ангел-вестник.

— Господин Астарот, вас и... смертную, — в его голосе сквозило сдерживаемое презрение, — требует к себе Серафим.

Астарот. Имя отозвалось в памяти. Я слышала его в тех отрывочных переводах. Он не стал медлить, взял меня под руку с неожиданной для его вида учтивостью и повел следом за вестником.

— Что ты делаешь? — прошептала я, пытаюсь высвободиться.

— Мне просто интересно, что такого нашла в тебе наша ледяная гора, что держит тебя так близко, — тихо ответил он, и его усмешка стала немного человечнее.

Он вел меня быстро, и я едва поспевала. Заметив это, он сбавил шаг и поправил хватку, чтобы идти было удобнее. Эта мелкая внимательность была обескураживающей.

Мы вошли в кабинет Эрагона. Он уже не сидел за столом, а стоял у высокого окна, спиной к комнате, очертания его фигуры четкими и непреступными на фоне холодного света. Когда мы вошли, он медленно обернулся. Его взгляд, холодный и неумолимый, скользнул сначала по лицу Астарота, затем по моему, и, наконец, остановился на его руке, все еще поддерживавшей мою. На долю секунды в воздухе повисла тишина, густая и тяжелая.

Астарот свободной рукой сделал легкий, почти небреж-

ный жест — не поклон, а скорее знак признания.

—Эрагон.

— Что произошло, Астарот? — голос Серафима был спокоен, но в этой тишине каждый звук резал слух. Я не сомневалась, что он уже знал все до мелочей.

—Пустяки. Ангелы с демонами в очередной раз выясняли, кто из них... ценнее. Все улажено.

—Когда я назначал тебя главой гарнизона, я ожидал, что ты обеспечишь порядок, а не будешь наблюдать за их склоками. И, как я вижу, они по-прежнему готовы растерзать друг друга. И... нашу гостью, — его голос стал тише и оттого опаснее. Он сделал шаг вперед. — Александра, познакомься. Астарот. Метис. Плод союза ангела и демона. Твоя тема, кажется.

— Да, мы... уже познакомились, — неловко вымолвила я.

—О, я не сомневаюсь, — Эрагон медленно вернулся к своему креслу и опустил в него, снова сложив пальцы домиком. Его внимание было приковано ко мне, будто бесмертного рядом не существовало. — Я также не сомневаюсь, что за те сорок минут, что ты отсутствовала, ты успела познакомиться не только с Астаротом, но и с половиной гарнизона. Мне доложили, что именно ты спровоцировала потасовку.

— Я не провоцировала! Меня схватили!

—А как ты оказалась на четыре пролета ниже положенного? Я ведь предупреждал: не шатайся в одиночку.

—Эрагон, успокойся, — мягко, но твердо вмешался Астарот. — Девушка, судя по всему, умеет постоять за себя. И неплохо манипулирует предрассудками.

Эрагон наконец перенес ледяной взгляд на метиса.

—Боже мой, — произнес он с ледяной, язвительной вежливостью. — Неужели у тебя здесь появился... защитник?

Глава 6

— Эрагон, а ты хочешь эту малышку держать только возле себя? — подшутил Астарот.

За наше короткое знакомство я успела понять, что это большой шутник, который, видимо, часто получает за свою болтовню. Но в этот раз его шутка повисла в воздухе. Эрагон не спускал с меня взгляд, холодный и оценивающий, словно я была виновницей всего происходящего. Отчасти так оно и было.

Не отводя от меня ледяных глаз, Эрагон ответил Астароту, и его голос прозвучал ровно, без тени насмешки, лишь с лёгким укором.

— Смотрю, у тебя много свободного времени, раз ты перестал следить за солдатами. Напомню об отчёте — я до сих пор его не видел. А сейчас можешь идти. И впредь будь внимательнее. В следующий раз ты можешь не успеть, когда они перегрызут друг другу глотки.

Астарот сглотнул.

— Как скажешь, Серафим. — Он поклонился с преувели-

ченной почтительностью и направился к выходу, но задержался рядом со мной.

— «Ну, я сделал всё, что мог», — усмехнулся он, и его взгляд на мгновение стал теплее. Почему-то к нему у меня сразу возникла симпатия. Такие люди, хоть и дразнят, но делают это беззлобно и не втыкают потом нож в спину.

— Александра, подойди, — раздался лаконичный приказ Эрагона.

— «Вот она, расплата,» — подумала я, делая шаг вперёд.

— Эрагон, я правда не специально, — начала я...

— Александра, — он перебил меня, и в его голосе зазвучало холодное, методичное раздражение. Он скрестил руки на груди, и эта закрытая поза словно воздвигла между нами стену. «Я не могу понять одной вещи. Я говорю тебе не шастать по этажам — ты шастаешь. Говорю, что опасно связываться с бессмертными, — ты идешь к солдатам. Я прошу тебя только переводить книгу, а ты шляешься, пытаешься покончить с собой. У тебя нет ли мазохистских наклонностей, о которых мне стоит знать?»

— К вашему счастью, — передразнила я его высокомерный тон, — у меня таких наклонностей нет. Я не виновата, что вы мне ничего не рассказываете! Может, я бы и не шлялась где попало, если бы знала, куда можно!

Эрагон провёл рукой по переносице, и в этом жесте читалась не столько усталость, сколько попытка сдержать нарастающее раздражение. Его пальцы сжались чуть сильнее, чем

было нужно.

— Я сказал тебе прямым текстом: не соваться к бессмертным. Они опасны и относятся к смертным иначе. Этого было недостаточно?

— А я при чём? Откуда я могла знать, что там солдаты? Я думала, это выход!

— Александра, — его голос понизился, стал опасным и тихим. — Подскажи мне, пожалуйста, ты планируешь выход на тот свет? Потому что ты уже там. Даже если ты спустишься, в твоём представлении, «на землю» — мы парим в воздухе. И мне крайне интересно, с этого острова ты куда собралась убежать? У тебя, может, крылья отросли?

— Извините, — заныла я, — но я же не могу 24 на 7 сидеть здесь! Мне скучно!

— Так и переводи книгу», — отрезал он.

— Я знаю, что должна переводить книгу, — ответила я, переводя взгляд со его ледяного лица на стол, заваленный аккуратными стопками бумаг. — Но мне сложно! Я не знаю ваш мир, не знаю контекста... Мне скучно. Я знаю, что ко мне относятся как к смертной.

— Что значит — «как к смертной»? Если ты не будешь соваться к солдатам...

— При чём здесь солдаты? — перебила я его. — Даже служанку Ирину, которую вы ко мне приставили, невозможно ни о чём расспросить! Я понимаю, это, наверное, ваши правила, но... С кем мне тогда разговаривать? У кого выяснять?

Он замер на мгновение, его взгляд, буравящий меня, смягчился на градус, будто он обдумывал новый тактический ход.

— Для этого я разрешил тебе приходить ко мне.

— Что-то я не помню такого разрешения.

Эрагон тяжело, почти неслышно вздохнул — не эмоционально, а как человек, принимающий непростое, но необходимое решение.

— Я прямо сейчас тебе говорю: если возникнут сложности с переводом, приходи и спрашивай. Если у меня будет свободная минута, я помогу.

— Спасибо, конечно, — пробормотала я, — но на вас и так большая ответственность. Вам нужно защищать своих бессмертных.

В голове промелькнула мысль: а каково это — иметь близких? Тех, с кем можно поговорить обо всём, кто не считает тебя пустым местом? На самом деле, здесь, среди бессмертных, я не чувствовала того ледяного отчуждения, что было в секте. Там меня предавали, обманывали и оставляли одну. Со временем я поняла: лучше быть одной, чем вечно ждать удара в спину.

— Александра, посмотри на меня, — произнёс Эрагон. Его голос потерял былую резкость, стал... ровнее.

Я подняла взгляд. И его глаза, обычно похожие на заиндевевший металл, сейчас казались чуть мягче. Не тёплыми, нет, но в них появилась глубина, интерес.

— Я понял, сегодняшний урок никак на тебя не повлиял.

— Если ты про то, что случилось в тюрьме, то нет. Я выживала в апокалипсисе.

— Давай прогуляемся. Покажу тебе это место, — сказал он, поднимаясь из-за стола. На нём была не привычная чёрная одежда, а что-то вроде строгой военной формы, подчёркивавшей его плечи и осанку. Теперь я могла разглядеть его золотые крылья во всех деталях.

Он проследил за моим взглядом.

— Если тебе что-то интересно, спрашивай.

— Скажи... Белые крылья и золотые — это обозначение статуса?

— До войны только у Серафимов были золотые крылья. Это показывало, что мы — не просто бессмертные ангелы.

— А как белые становятся золотыми?

Он немного помедлил с ответом, словно оценивая, сколько информации можно выдать.

— Знаешь, Александра, чтобы стать Серафимом, нужно многое знать, уметь управлять силой, выстраивать алгоритмы, сводить обстоятельства. Ты управляешь другими, защищаешь их. Это большая ответственность. Жёстко будет сказать, но... старые крылья вырывают, и нарастают новые. Но только если твоей силы для этого достаточно.

— Ну и жуть, — не удержалась я.

Мы вышли в коридор, спустились по лестнице, и я наконец увидела, что мы и правда находимся на острове, паря-

щем среди облаков. Эрагон повел меня вперед, и вскоре мы оказались в настоящем парке, похожем на лабиринт из зелени.

— Александра, расскажи о своей жизни на земле, — негромко предложил он.

— О своей... земной жизни?

— Где твои родители? — спросил он, и в его вопросе не было праздного любопытства, лишь расчётливое выяснение обстоятельств.

— Я сирота. Выросла в секте.

— В секте? — он переспросил, и мы замедлили шаг.

— Да. Место, где главный пророчил конец света. Как видишь, он был прав.

— Как ты там оказалась?

— Меня и брата туда отдала мать.

— Что случилось с твоей матерью?

— Не знаю. И интересоваться не хотела. Лучше бы я жила в детском доме, чем в секте. Страшнее этого нет ничего.

— У тебя было тяжёлое детство, — констатировал он, и это была не жалость, а констатация факта.

— Всё было нормально, — отмахнулась я.

— У тебя были друзья?

— Нет, — ответила я искренне. — Если вы переживаете, что меня будут искать, могу утешить: искать не будут. Но если решите меня убить... помните, книгу вам дальше переводить будет некому».

Уголок его рта дрогнул почти неуловимо.

— Такое не забудешь.

— А у тебя, Эрагон?

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, словно решая, стоит ли открывать эту часть себя. Наконец произнёс:

— У меня была семья. И сестра, которая погибла.

— Мне жаль.

— Это было давно. Очень давно.

— А ваши родители живы?

— Нет. Мои родители давно мертвы.

— А почему вы до сих пор не обзавелись семьёй? — спросила я, касаясь едва раскрывшегося бутона розы.

Его лицо вновь стало непроницаемым, словно каменная маска.

— Семья — это сложно. И опасно для того, кто ведёт народ. Это слабая точка. На неё могут надавить.

— Поэтому вы никого не любите? — мои слова прозвучали тише.

Он смотрел на меня задумчиво, пытаясь понять подтекст моего вопроса.

— Александра, правитель не может позволить себе слабых точек. Если у него есть любимый человек, пострадают оба. Врагов много. А так как для бессмертных власть — не золото, то близкие становятся самым эффективным рычагом давления.

— То есть, по сути, вы монах... — я запнулась и тут же поправилась, — то есть, не монах... вы же всё-таки с Анжеликой...

Я поняла, что ляпнула, только когда увидела, как его глаза сузились, а всё тело застыло в напряжении.

— Откуда ты знаешь про Анжелику? Ах да... Ты же видела нас, когда пыталась найти выход.

— Правда, Серафим. Но я не искала выход, я искала путь к побегу.

— Что тебе не сидится, Александра? Сиди и переводи книгу.

— Можно спросить честно?

— Что? — он приподнял одну бровь, и этот жест вновь сделал его холодным и отстранённым.

— Почему вы так ко мне относитесь? Вы могли запереть меня в темнице, игнорировать мои просьбы... А вы стараетесь наладить контакт. Зачем?

— А ты не глупая, — отметил он, и в его голосе впервые прозвучало нечто, отдалённо напоминающее уважение. — В чём выгода мне иметь такого врага, как ты? У нас общая цель. Ты хочешь выжить. Я хочу, чтобы выжил мой народ. Мы можем воевать, как смертные и бессмертные, но цель одна — выжить любой ценой. Если ты помогаешь нам, я могу помочь тебе. Я не из тех правителей, которым интересно обманывать. Мне проще договориться. Но не забывай: если ты пойдёшь против меня или моих людей, я без колебаний

лишу тебя жизни.

От его слов по спине побежали мурашки. Его взгляд снова стал ледяным и неумолимым. Только что во время прогулки мне стало с ним почти комфортно, а теперь передо мной снова стоял Главный Серафим, стратег, тонко располагающий к себе ресурс, чтобы потом использовать его.

— «Стараются заставить доверять, а потом втыкают нож в спину», — пронеслось в голове. Как это сделали мать и брат.

— Мы можем вернуться? — тихо спросила я.

— Конечно, если ты устала, — отозвался он и развернулся.

На душе скребли кошки. Чувство брошенности и ненужности, давно забытое, накрыло с новой силой. Обычно я умела заглушать такие чувства, но здесь, в незнакомом мире, где моя жизнь висела на волоске, это было сложнее.

Я побрела следом за Серафимом. Его золотые крылья мягко трепетали на ветру. Я невольно задумалась, какие они на ощупь. Такие же, как птичьи, или иные?

Я так засмотрелась на переливающиеся на свету перья, что не заметила, как он резко остановился. Я впечаталась ему в спину, едва не потеряв равновесие.

— Может, без привычки резко останавливаться обойдемся? — проворчала я, отступая.

Но Эрагон поднял руку, и этот жест, отточенный и властный, заставил меня мгновенно замолчать. Он вглядывался в небо, где снова появился отряд с ранеными. Я увидела,

как его плечи напряглись, а челюсть сжалась. Затем он резко ускорил шаг.

— Эрагон, помедленней, я не успеваю!

Он будто не слышал.

— Эй! Ёлки-палки! — в отчаянии я схватила его за крыло.

На ощупь оно было невероятно мягким и пушистым.

Эрагон резко обернулся, и на его лице впервые за всё время появилось настоящее, ничем не прикрытое удивление.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь до тебя достучаться! Я же сказала — я не такая быстрая! А если бы схватила за руку, ты бы меня, наверное, прибил.

Он смотрел на меня, не находя слов, и я, решив, что терять уже нечего, нежно провела ладонью по перьям. Они были восхитительно мягкими.

— Красивые... и правда классные, — улыбнулась я. За свою жизнь я усвоила: если суждено прожить один день, проживи его ярко. Попробуй всё. А я вот потрогала крылья самого Серафима.

Эрагон смотрел на меня с тем же немым удивлением, а потом его губы тронула лёгкая, почти невидимая усмешка.

— Господи, Александра, какой же ты ещё ребёнок, — произнёс он, но в его голосе не было прежней холодности. — Идём. Нам нужно торопиться.

В этот раз он шёл рядом, не ускоряясь, и лишь изредка

бросал на меня быстрые, непонятные взгляды. Он довёл меня до комнаты и, не говоря ни слова, развернулся и ушёл. На его плечи снова легла вся тяжесть ответственности.

Зайдя в комнату, я рухнула на кровать. Прогулка действительно пошла на пользу. А это удивлённое выражение на его лице... Будто до меня никто не смел прикасаться к его крыльям.

И тогда меня осенила мысль: а вдруг крылья для бессмертных — это нечто большее, чем просто часть тела? Нечто... интимное?

Глава 7

Прошло два дня с тех пор, как я в последний раз видела Эрагона. Мельком я замечала его в кабинете, но загруженность была такая, что подходить было нельзя. Я понимала — что-то случилось, но вмешиваться не стала. Всё моё внимание теперь приковывала книга.

Перевод оказался важнее всего. Книга раскрывала древние тайны. У Создательницы было оружие. Сначала я думала, что их несколько: копьё, меч, лук. Но в тексте говорилось, что оружие меняло форму, понимая свою хозяйку, и превращалось в то, что было нужно ей в момент битвы. Создательница была настолько добра, что сама тьма преклонялась перед ней, что отличало её ото всех. Она была матерью Тёмного и Светлого бога и предвидела, что её дети могут враждовать. Как оказалось, она была права. Войну начал Светлый бог. Им двигала жажда единовластия, и он подговорил брата

помочь уничтожить их мать.

По силе Создательница превосходила всех, за ней шли её сыновья, а затем — Перворожденные. Они могли бросить вызов богам, и поэтому Светлый бог, в тайне ото всех, распределил их по темницам: кого-то заточил во льду, кого-то — в темных клетках. Ему помогал брат, веря, что они смогут править вместе. Когда Перворожденные были заточены, братья пришли к матери. Сила детей не превосходила её силу, но она не могла поднять руку на них. И погибла. А её оружие пропало. Сколько Светлый бог его ни искал — не смог найти. В книге говорилось: если оружие примет форму меча, оно сможет уничтожить любого бога и Перворожденного.

С этой информацией я хотела идти к Эрагону, но понимала — нужно ждать, когда он сам позовет. Ждать пришлось недолго. К вечеру меня вызвали в его кабинет.

Меня сопровождал ангел с белыми крыльями и тёмными волосами. По пути я узнала, что его зовут Сэми. Он производил впечатление доброго и порядочного.

В кабинете Эрагона собрался целый совет бессмертных — и демоны, и ангелы. Все они, выжидающе, смотрели на своего лидера. Я и раньше понимала, что ему нелегко, но осознание, что весь груз смертных и бессмертных лежит на нём одном, неприятно сжало мне сердце. Не люблю несправедливость.

Когда мы появились в дверях, все взгляды обратились на нас. Сэми склонил голову.

—Серафим, я привёл её.

Эрагон лишь коротко кивнул, не отрывая глаз от стола. Его лицо было бесстрастной маской, но в уголках глаз залегла усталость.

—Александра. Посиди и подожди, — проговорил он ровным, лишенным тепла голосом.

Я не стала мешкать, кивнула и огляделась в поисках места. Неподалёку от стола стоял небольшой диван, куда я и присела. Бессмертные о чём-то спорили, но с моим приходом явно стали сдержаннее.

— “Дураки,— подумала я. — Да мне плевать на ваши тайны.”

Больше всех у стола Эрагона горячился один демон с коричневыми крыльями и странным, почти звериным выражением лица — скорее оборотень, чем демон. Его звали Мамон.

—Эрагон, мы должны что-то сделать, иначе они совсем обнаглеют! — кричал он, не сводя горящего взгляда с Серафима.

Тот, казалось, не слушал. Он смотрел в одну точку перед собой, в руках его бесшумно скользил небольшой тёмный камень. Пальцы двигались с чёткой, почти механической точностью. Из-за расстояния я не могла разглядеть камень детально.

Я перевела взгляд на других. В комнате были Ребекка, Торендо, Дина. Они стояли ко мне спиной, их крылья засло-

няли обзор. Но когда один из них шевельнулся, я разглядела рядом с неистовым Мамоном ещё одного знакомого бессмертного — того самого похитителя, что притащил меня сюда. Рядом с ним была демонесса, вероятно, жена Мамона. Они перебрасывались колкостями и тихо флиртовали.

Спор длился недолго.

Эрагон поднял руку. Жест был неспешным, но в нём была такая непререкаемая окончательность, что все мгновенно замолчали.

— Я думаю, вы устали, — произнес он, и его голос, холодный и тяжелый, как глыба льда, разбил все возражения. — Отдохните. Вечером соберем всех. Нужно будет позвать Люцифера, чтобы окончательно определиться. А сейчас все свободны.

По его приказу бессмертные начали покидать кабинет. Эрагон остался сидеть за огромным столом, по-прежнему перебирая камень. Он откинулся на спинку кресла, и теперь в его холодном, отстраненном взгляде я отчетливо разглядела усталость, которую он тщательно скрывал. Интересно, он вообще когда-нибудь отдыхает?

— Что ты узнала, Александра?

Я не сразу поняла, что он обращается ко мне.

— Александра, — повторил он. Его голос стал чуть резче, но в нём не было нетерпения — лишь ожидание чёткого ответа.

— А, да, конечно.

Я рассказала ему всё, что перевела. Во время моего рассказа он не перебивал. Его ледяной взгляд был прикован ко мне, и лишь изредка он кивал, когда я переходила к ключевым моментам. Когда я закончила, то непроизвольно потянулась — от долгого монолога заныла спина. Взглянув на него снова, я увидела ту же скрытую тяжесть за маской бесстрастия. Он старается этого не показывать, но ему правда тяжело. На его плечах — судьбы.

— Александра, если это всё, можешь идти в свои покои, — разрешил он всё тем же ровным, ничего не выражающим тоном.

Я не успела встать, как в кабинет ворвались Торендо, Мамон и Ребекка, а следом за ними — Дино с Фенцио. Они так сильно спорили, что сначала не заметили меня.

—Эрагон, нужно усилить защиту! — кричал Мамон.

—Это бессмысленно! — парировала Ребекка.

Эрагон медленно поднял глаза на ворвавшихся. Не повышая голоса, он спросил:

—Что случилось?

Те смутились под его внимательным, всё оценивающим взглядом и стали объяснять спокойнее. Оказалось, вражеская армия прощупала границы, и у них появились заложники из какого-то «Дворца Снов». Их всех отвели к Тёмному Богу.

В этот момент у меня мелькнула мысль.

—Извините, — вмешалась я.

Эрагон тут же поднял на меня взгляд. В его глазах мелькнула искра — не гнева, а скорее любопытства. Остальные тоже замерли, удивлённо уставившись на меня.

— Я правильно понимаю, что вы воюете с Тёмным Богом?

— А это кто? — резко повернулся Мамон.

— Это Александра, — спокойно, но с лёгким укором в адрес Мамона, проговорил Эрагон. — Она переводит книгу, которая может нам помочь.

— Так почему молчишь? Что там у тебя полезного? Как убить этого бога? — набросился на меня демон.

— Я не уверена... Но у Создательницы было оружие. Оно могло принимать облик меча, копья, лука... Когда Создательница погибла, оно исчезло. Я думаю, именно оно может убить вашего Тёмного Бога.

— Отлично! И где оно? — не унимался Мамон.

— Не знаю. В книге сказано только, что оно было потеряно.

Тут вмешался Торендо, с неприязнью глядя на меня:

— Эрагон, не слишком ли лояльно ты относишься к этой девчонке? Время идёт, а от её переводов мало толку.

Реакция Серафима была мгновенной. Он даже не пошевелился, но атмосфера в комнате стала ледяной.

— Я сам решаю, как и с кем мне себя вести, — отрезал он. Его голос был тихим, но каждое слово падало, как стальная гиря. Холодный, пронзительный взгляд заставил Торендо отступить на шаг. Я же в ответ смерила его таким же злым

ВЗГЛЯДОМ.

—А я, как понимаю, приношу больше толку, чем некоторые, — сказала я. — Хотя бы книгу перевозжу. А вы? Вряд ли вы управляете армией, сидя здесь.

Мамон фыркнул в кулак, а его жена-демонесса тронула губы ухмылкой. Ей, видимо, понравилась моя дерзость.

—Ах ты, мелкая! — завёлся Торендо. — Да знаешь ли ты, сколько я пожертвовал ради ангелов!

—Вот именно — ради ангелов, а не ради всех бессмертных, — парировала я. — Вы только и делаете, что упрекаете меня в том, что я смертная. А сами-то что сделали?

—Смотри какая смелая! — прошипел он.

—Смотрите не расплачьтесь — огрызнулась я.

После моих слов реакция присутствующих меня удивила. Мамон больше не сдерживал смех, а его жена хихикала. Эрагон лишь прикрыл глаза рукой, и в этом жесте читалась не раздражение, а скорее утомлённая снисходительность. Уголки губ Фенцио и Дины дрогнули. Ребекка, сохраняя серьёзность, обратилась к лидеру:

—Мне кажется, обсуждать дела бессмертных со смертной не совсем правильно. Что ты думаешь, Эрагон?

Он опустил руку, и его взгляд снова стал чистым и непроницаемым.

—Александра сейчас — наш гость и союзница. Она помогает нам, а мы — ей. Она имеет право знать, что происходит. Без её помощи нам не справиться с Тёмным Богом,

— произнес он чётко, дав понять, что тема закрыта. В его словах не было эмоциональной защиты, лишь холодная констатация факта, но именно это прозвучало как щит.

Мне не хотелось оставаться здесь дольше.

—Могу ли я пойти в свои покои, Серафим? — я наклонила голову, стараясь соблюсти формальности и понять, как он на это отреагирует.

Он смотрел на карту, разложенную на столе. Пауза затянулась на секунду дольше необходимого.

—Ступай, Александра, — бросил он наконец, не поднимая глаз. Его тон был таким же ровным, но в этой небольшой задержке было что-то... замедленное.

Я быстро ретировалась в свою комнату. Тяжеловато здесь, — подумала я, плюхаясь на кровать. Но хоть крыша над головой и еда есть.

В дверь резко постучали.

—Войдите.

На пороге стояла незнакомая ангел со светлыми волосами и изящными чертами лица. Она склонилась.

—Госпожа. Я ваша новая служанка.

—Новая? А где Ирина?

—Серафим приказал мне ухаживать за вами. Ирину отстранили от этих обязанностей.

—Почему? — насторожилась я.

—Я не знаю всех тонкостей, — девушка опустила глаза.

— Но старшая служанка сказала, что Серафим велел Ирине

заботиться о вас, а она... не справилась. Поэтому её заменили. Её наказание — она возвращается к прежним обязанностям и теряет доступ к внутренним покоям цитадели. Госпожа, Серафим велел помочь вам собраться на сегодняшний ужин.

— На ужин? — не поняла я. — Куда это, интересно?

— Сегодня ужин, на котором собираются все главные начальники. Помимо Серафима, там будет также сам Правитель Ада, — промолвила Лиля.

Я замерла.

— Подожди. Если там такие «большие шишки», то я тут при чём? — не могла я понять. — Эрагон что, совсем с ума сошёл? Хочет, чтобы меня прибили эти знатные персоны?

— Госпожа, думаю, он сделал это для того, чтобы показать другим, что у нас есть надежда. Ведь переводя эту книгу, вы сможете помочь победить Тёмного Бога. А значит, у бессмертных есть шанс на выживание.

Так это значит — очередной ход Эрагона. Дать надежду бессмертным. Ну, хотя бы это на него похоже.

Лия помогла мне собраться. Она принесла платье — белое, но с алыми вставками, которое красиво переливалось при свете.

— Ух ты, Лия, откуда такая красота?

Девушка скромно улыбнулась.

— Это Серафим прислал вам. Время поджигает, поэтому давайте поскорее.

Она помогла мне надеть платье, причесала волосы. Мы оставили их распущенными, лишь передние локоны слегка забрали. Лёгкий макияж, подчёркивающий глаза, и чуть тронутые цветом губы. Когда приготовления были закончены, Лиля с восхищением на меня посмотрела.

— Госпожа, вы такая красивая, — прошептала она.

— Не то слово «красивая»... — с какой-то внутренней тяжестью проговорила я. — Словно жертвенный агнец.

Я переживала. Что делать? Что говорить? Понятия не имела. И как я вообще влипла в такую ситуацию — мыслей не было.

Лилия проводила меня к Главному залу. Оказалось, для подобных мероприятий Тронный зал украшали совершенно иначе — меньше строгости, больше холодного блеска. Когда дверь открылась, и я вошла, внимание привлекло огромное количество бессмертных. Демоны и ангелы, словно перемешавшись, образовывали пеструю, гудящую толпу. Среди них я заметила знакомые лица, виденные ранее в цитадели. Взгляд одного из ангелов поймал мой и, демонстративно фыркнув, он продолжил беседу.

Я застыла на пороге, не зная, куда идти и с кем говорить. Это был скорее фуршет — столы ломились от закусок, в бокалах искрилась красная жидкость, вероятно, вино. Хотя, промелькнула мысль, разве бессмертные пьянеют от нашего алкоголя?

Тихонько я двинулась к столам. Лучше встать рядом и де-

лать вид, что что-то выбираю, чем стоять тут как дурочка. Но, едва я сделала несколько шагов, некоторые бессмертные, заметив меня, начали приближаться. Одни — с дежурными улыбками, другие — с откровенным желанием выудить информацию. Я внутренне сжалась, но не позволила себе сутулиться, расправила плечи и слегка приподняла подбородок.

Ко мне подошёл демон с роскошными алыми крыльями.

— О, неужели это та самая «надежда»? — протянул он, и в его улыбке сквозила насмешка.

— Ну, какая же я надежда, — парировала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Но вы не представились. Как мне к вам обращаться?

— Моё имя... — начал он, но был прерван.

Холодный, режущий тишину тон узнался мгновенно.

— Александра. Пойдём.

Я обернулась. Совсем рядом, в безупречном белом облачении, стоял наш «распрекраснейший» Серафим.

— О, Серафим! — оживился демон. — Я как раз беседовал с нашей будущей надеждой.

— Славно. Но не стоит забывать, что Александра — смертная. Думаю, твой пыл мог её взволновать, — аккуратно, но недвусмысленно проговорил Эрагон, намекая, что ко мне не стоит лезть с расспросами. — Александра, идём.

Он подставил локоть. Я уже поняла, что должна взять его и последовать за ним. Странно, но сейчас в Эрагоне я видела спасение. Я почти с благодарностью ухватилась за его руку,

и мы направились вглубь зала. С плеч как будто свалился огромный груз, и я невольно выдохнула.

Эрагон, заметив мою реакцию, лишь усмехнулся в уголке губ.

«Вот же павлин», — подумала я, но покорно шла за ним.

Какое-то время к нам подходили бессмертные, здоровались с Серафимом, кланялись, обменивались любезностями. На меня они лишь изредка бросали взгляды, но заговорить не пытались — Эрагон ловко перехватывал инициативу, словно уводя внимание на себя. Возможно, он понимал, что мне сложно: я не только смертная, побаивающаяся этого соборща, но и потенциальная утечка информации. Была ему за это тихая благодарность.

Вскоре он снова обратился ко мне:

— Идём.

Мы направились в одну из боковых комнат. Оказалось, фуршет — для многих, а для особо знатных персон предназначен отдельный ужин.

Я обречённо выдохнула. А я так надеялась, что после зала смогу улизнуть в свою комнату.

В уютной, но роскошной комнате для ужина собралось человек двадцать. Большинство я знала в лицо, некоторых видела впервые. Особое внимание привлекли несколько демонов, чьи слишком яркие глаза с любопытством сверлили меня.

«Вот и влипла», — промелькнуло в голове, и я лишь плот-

нее сжала пальцы на руке Эрагона. Тот бросил на меня короткий оценивающий взгляд.

Мы подошли к столу. К моему удивлению, Эрагон усадил меня рядом с собой, заняв место во главе.

Когда приступили к трапезе, я снова удивилась. На столе — вполне земные блюда: что-то вроде запечённой рыбы с картофельным пюре. «Видимо, изысков гастрономии бессмертные не оценили», — едва не рассмеялась я про себя.

Пока длилась трапеза, внимание на меня почти не обращали. Я украдкой изучала присутствующих: демонов с невозмутимыми лицами, ангелов с холодной вежливостью. Пока прямо напротив меня не заговорил один из демонов, до этого молча наблюдавший.

— Александра. Меня зовут Реймс. Нас не представили, но я много слышал о вашем... нраве.

— Приятно познакомиться, — вежливо ответила я. — О моём нраве? Не поняла.

— Поговаривают, у вас весьма вспыльчивый характер.

— Интересно, от кого? — усмехнулась я, чуть переводя взгляд на Эрагона.

Тот, однако, казался увлечённым беседой с другим бессмертным и не подал виду, что слышит наш разговор. Но я знала — он слышит. Он слышит всё.

— «Конечно, когда нужно отмазывать свою переводчицу — он в облаках», — мелькнула во мне мысль.

— О, слухи ходят сами по себе, — Реймс отпил из бока-

ла, не сводя с меня глаз. — Особенно когда смертная враз переворачивает с ног на голову распорядок целой цитадели и заставляет самого Серафима... подбирать ей гардероб. — Он едва заметно кивнул на моё платье.

«Ага, значит, это всеобщая тема для сплетен. Чудесно. Я так и знала, что это платье — не комплимент, а маркер: „Смотрите, что я с ней делаю“».

— Вы знаете, — сказала я, делая вид, что внимательно изучаю виноград в моей тарелке, — когда тебя закидывают в мир, где даже туалетная бумага, вероятно, магическая и требует особого заклинания, немного нервной энергии — это не «вспыльчивый характер». Это инстинкт выживания. Я, например, в первую неделю боялась, что моя зубная щётка внезапно обретёт сознание и начнёт читать мне лекции о бренности бытия.

Из угла рта Реймса дрогнула усмешка.

— Остроумно. Но именно такие... яркие натуры часто и оказываются самыми коварными. Особенно если это женщины у власти. Или стремящиеся к ней.

Вот оно, пошло-поехало. Я вздохнула, откладывая виноград.

— Давайте угадаю: сейчас последует список бессмертных правителей, павших жертвой женских интриг? Леди Макбет в ангельском оперении, так сказать?

— Не только ангельского, — его голос потеплел, словно он наконец добрался до любимой темы. — За нашу дол-

гую историю большинство расколов, предательств и падений династий начиналось с прекрасной улыбки и амбиций, спрятанных за ней. Женщина, чувствующая власть, — самое опасное и непредсказуемое существо во всех мирах. Она не сокрушает стены — она просачивается сквозь щели. И разрушает изнутри.

В воздухе повисла пауза. Я чувствовала, как на наш разговор начинают обращать внимание другие. Даже Эрагон слегка повернул голову в нашу сторону, хотя продолжал слушать своего собеседника.

«Ну что ж, раз играют в стереотипы...»

— Позвольте с вами не согласиться, господин Реймс, — мой голос прозвучал тише, но чётче. Я отложила вилку. — Вы говорите о разрушении. А я вижу иную картину. За каждой великой, стойкой династией, за каждой непоколебимой крепостью, которую не взяли ни мечом, ни осадой, стояла женщина. Не та, что просачивалась в щели. Та, что была фундаментом. Та, что напоминала правителю, ради чего, собственно, все эти стены и возводятся. Не для власти, ради власти. Для того, чтобы было что защищать. Чтобы был дом, а не просто цитадель. Чтобы была причина быть стойким, а не просто упрямым.

Я сделала маленькую паузу, глядя прямо на него.

— Мужчины часто находят стойкость в битве. Но смысл для этой стойкости — они находят чаще всего благодаря женщинам. Без этого... это просто камни, господин Реймс.

Очень гордые, очень неприступные и совершенно пустые.

В зале наступила тишина. Реймс смотрел на меня с неожиданной серьезностью, его насмешливый блеск в глазах потух. Я мельком поймала взгляд Эрагона. Он не улыбался. Его лицо было, как всегда, непроницаемой маской. Но его глаза — эти ледяные, всевидящие глаза — были прикованы ко мне. В них не было ни одобрения, ни гнева. Был лишь глубокий, бездонный интерес, как будто он впервые разглядывал сложный механизм и наконец понял принцип его работы.

Затем он медленно, почти незаметно, перевёл взгляд на Реймса.

— Камни, — повторил Эрагон своим ровным, холодным тоном, — имеют свойство крошиться. Фундамент — нет. Вы увлеклись поэтическими образами, Реймс, и проглядели суть инженерии.

Демон опустил глаза, слегка кивнув, будто получив мягкий выговор от учителя.

А у меня внутри всё перевернулось. Эрагон... фактически вступился. Не за меня лично, конечно. За логику. За «инженерию». Но это было больше, чем я могла ожидать.

— Прошу прощения, если слишком увлеклась, — сказала я, снова беря в руки бокал, чтобы скрыть лёгкую дрожь в пальцах. — Просто, знаете, когда сама являешься временным и довольно хрупким «строительным материалом», начинаешь задумываться о предназначении более прочных конструкций.

Реймс наконец рассмеялся, но теперь в его смехе была не насмешка, а что-то вроде уважительного изумления.

— Вы не перестаёте удивлять, смертная. Признаю, мой анализ был... поверхностным. Возможно, нам всем не помешало бы взглянуть на историю под вашим углом.

...Именно в этот торжественный момент я почувствовала первый, знакомый и зловещий, тянущий укол внизу живота.

«Нет. Не сейчас. Ты издеваешься?» — панически промелькнуло у меня в голове.

Эрагон медленно перевел взгляд на Реймса, отвечая что-то о прочности камней. Но я уже почти не слышала его. Второй спазм, более четкий, скрутил все внутри. Я невольно прижала ладонь к животу под столом. Третий удар заставил меня чуть втянуть воздух. Я вцепилась пальцами в складку платья у бедра, чтобы рука не дрожала.

Я пыталась дышать ровно, делая вид, что слушаю разговор, но мир плыл перед глазами. Прикрыв глаза, чувствуя, как холодный пот выступил на спине.

Когда я снова открыла их, то увидела, что Эрагон смотрит прямо на меня. Не просто смотрит — изучает. Его взгляд, секунду назад бывший рассеянно-заинтересованным, теперь стал острым и сконцентрированным. Он скользнул по моему лицу, заметно побледневшему, задержался на моей руке, вцепившейся в ткань, на легкой дрожи, которую я уже не могла скрыть.

— Что с тобой? — Тихо спросил он, чтоб слышала только

я.

— все хорошо — ответила я, чувствуя что боль прошла. Вот же женский организм.

— Александра, — произнёс он громче, и все взгляды снова обратились к нему. — Думаю, тебе пора отдохнуть. Завтра ждёт сложная работа с текстами из архива Реймса. Он любезно согласился предоставить их.

Я чуть не поперхнулась вином. «Так вот оно что! Значит, весь этот ужин, этот разговор — не просто «показать надежду». Это дипломатия. И меня только что мягко использовали как приманку и аргумент в переговорах»

«Павлин, — беззлобно подумала я, вставая. — Хитрый, расчетливый павлин».

— Конечно, — я кивнула, прощаясь со всеми изящным, как только смогла, кивком. — Благодарю за ужин и... познавательную беседу.

Уходя из комнаты под формальным сопровождением Лилии, я почувствовала на спине его взгляд. Тот самый, тяжелый и оценивающий. Но теперь в нём, мне показалось, было не только привычное холодное любопытство, но и тень чего-то нового. Слово он наконец-то прочёл не только строчку, написанную мной, но и подтекст между строк. И это открытие его... заинтриговало.

Позже ко мне зашла Лили с подносом.

— Я принесла вам ужин, если позволите.

— Да, конечно, заходи. Можешь не обращаться «госпожа»

— зови просто Алекс.

Эта девушка мне понравилась куда больше. С виду она была доброй, и я подумала, что с ней мы быстро поладим.

— Оставь ужин на столе.

Лиля вновь слегка поклонилась и вышла, не задерживаясь. Я не стала её останавливать — не знала здешних порядков. Возможно, ей не полагалось со мной долго разговаривать.

Под крышкой меня ждал сюрприз: пюре и курица, которые выглядели на удивление аппетитно. Никакого того ужасного супа, от которого мой желудок уже сжимался в предчувствии. Интересно, за что Ирина мне так отомстила? Я-то, наоборот, пыталась с ней подружиться.

Поев, я собиралась взяться за книгу, но желание читать исчезло. Выходить из комнаты Эрагон запретил строго-настрого, а лишний раз злить его сегодня не хотелось совершенно. За столом он выглядел по-настоящему угрожающе. Возможно, я еще не видела его по-настоящему разгневанным.

Я вспомнила о книге, которую дал мне Серафим утром. Хоть и не горела желанием вникать в историю ангелов и демонов, делать было нечего. Информации оказалось мало, и написано всё было сухо, словно выдержка из энциклопедии. Буквы поплыли перед глазами, и, отложив книгу, я отправилась в ванную, а затем — в постель.

Посреди ночи я проснулась от адской боли внизу живота.

Несмотря на апокалипсис, женский организм не желал меняться, и месячные, пропавшие на три месяца из-за стресса, решили вернуться именно сегодня. После ужина я искренне надеялась, что просто показалось. Я скрутилась калачиком. Боль была всесокрушающей. Ни обезболивающего, ни средств гигиены под рукой не было. Нужно было найти Лилю.

Боль накатывала волнами, сжимая легкие. Переждав особенно острый спазм, я “доползла” до двери. Как вызвать служанку? Возможно, её комната где-то рядом — так часто бывало в старинных романах. Согнувшись “вдвое”, я выскользнула в коридор. Там царили пустота и тишина.

Решив спуститься к лестнице в надежде встретить кого-либо, я начала осторожный спуск. И в коридоре возле кабинета Эрагона замерла: он выходил из дверей, уже переодетый в свою форму.

Его осанка была безупречной, а походка — твердой и беззвучной. Не прошло и секунды, как его взгляд, холодный и точный, приковался ко мне. Брови резко сошлись.

— Александра, — его голос прозвучал как удар лезвия по льду. — Кажется, ты не усвоила значение моих запретов.

Он сделал шаг в мою сторону, но новая волна боли согнула меня пополам. Мне стало плевать на его гнев. И тогда неожиданно холодные, сильные руки подхватили меня. Я подняла голову и увидела его лицо в сантиметрах от своего. Влажные от слез глаза широко распахнулись.

— Что случилось? — спросил он, и в его обычно бесстрастном тоне проскользнула едва уловимая трещина. Взгляд скользнул по моему лицу, выискивая ответ. — Позвать лекаря?

Он говорил это без обычной командирской интонации, скорее, констатируя необходимость. Я вцепилась в его темную накидку, зажмурившись.

— Мне нужна Лиля.

— Лиля не лекарь. Я позову того, кто поможет.

— Нет! — мой голос прозвучал дерзко и слабо одновременно. Я прижалась лбом к его груди, чувствуя прохладу ткани.

Эрагон замер на мгновение, его челюсть напряглась. Затем он резко повернул голову в сторону.

— Амикус. Позови служанку.

Из темноты за его плечом выпорхнула белая птица и бесшумно растворилась в конце коридора. Легким, почти неведомым движением он поднял меня на руки. Я не сопротивлялась, лишь глубже вжалась в него, ища спасения от боли. Слезы текли по щекам беззвучно.

Он отнес меня в комнату и уложил на кровать. Боль не отпускала.

— Александра. Лекарь необходим, — его фраза прозвучала как окончательный вердикт, но в конце вопросительно дрогнула.

— Нет.

— Почему? — в его глазах мелькнуло неподдельное раздражение, смешанное с недоумением. — Мы не знаем причину.

— Я знаю, — прошептала я, снова сжимаясь от спазма.

— Какую?

— У меня просто... живот болит.

— Боль в животе не заставляет человека плакать и не ходить, — отрезал он. И вдруг замолчал. Его пронзительный взгляд будто прошупал меня насквозь. — У тебя менструация?

В тот момент мне казалось, что покраснело не только лицо, но и уши. Обсуждать такое с Эрагоном было невыносимо. Я уткнулась в подушку и едва заметно кивнула.

— Понятно.

Он развернулся и подошел к шкафу, открыл его одним точным движением. Достал мою рубашку, вернулся к кровати и положил ладонь на ткань. На три секунды его пальцы озарились мягким свечением. Затем он протянул рубашку мне.

— Положи на живот. Она теплая. Станет легче.

Я послушно прижала согретую ткань к животу. И правда, легче. В дверях возникла Лиля, сонная, в накидке на ночной сорочке. Увидев Эрагона, она застыла и склонилась в почти-тельном поклоне.

— Госпожа, вы звали... Серафим.

— Принеси обезболивающее из запасов для воинов, —

его голос вновь обрел привычную ледяную ровность. — И пусть лекарь все же будет наготове.

— Но я... — начала я слабо.

— Молчи, — без повышения тона осадил он меня, и слово повисло в воздухе приказом. — Лиля, у тебя есть всё необходимое?

— Да, господин, конечно. На кухне.

— Принеси. И можешь быть свободна.

Когда она скрылась, он снова повернулся ко мне. Взгляд был тяжелым и изучающим.

— Почему ты отказываешься от помощи лекаря? — спросил он, и в этом вопросе звучало не просто любопытство, а потребность контролировать ситуацию, понимать логику.

— Он ничем не поможет. Так всегда было, — простонала я, снова сжимаясь.

Эрагон молча положил свою ладонь поверх моей руки, прижимающей тёплую рубашку. От его прикосновения тепло стало глубже, почти жгучим. Боль немного отступила, позволив перевернуться на бок. Его рука оставалась на месте — тяжёлая, неизменная.

Вернулась Лили со стаканом зелёной, густой жидкости. Я с недоверием посмотрела на него.

— Выпей. Станет легче, — сказал Эрагон, принимая стакан.

— Что это?

— Травяной настой. Им пользуются воины после тяжёлых

ранений. Глушит боль эффективно.

— Выглядит... устрашающе.

— Эффективность важнее эстетики, — парировал он. — Пей.

Он помог мне приподняться. Я выпила, скривившись. Боль отступила, но не сдалась полностью. Слезы выступили на глаза от бессилия.

— Ненавижу этот организм, — прошептала я в подушку.

Эрагон сидел рядом, молчаливый и наблюдающий. Видя, что мне не легче, он лишь усилил исходящее от ладони тепло. В голове всплыло детское воспоминание: в приюте мы, девчонки, когда болели, держались за руки. Это помогало.

— Эрагон... — голос сорвался. — Можно я возьму тебя за руку?

Он резко повернулся ко мне, и в его глазах вспыхнуло что-то нечитаемое — удивление, может быть, даже легкое отторжение.

— Александра, ты не перестаёшь меня ставить в тупик, — произнес он наконец, и в его тоне впервые прозвучала непривычная, сухая откровенность. Но после паузы он протянул мне руку.

Я вцепилась в его прохладные пальцы обеими руками, прижала ладонь к щеке, пытаясь ухватиться за эту точку опоры. Он тяжело, почти неслышно вздохнул. А потом... высвободил свою руку и убрал ту, что согревала мой живот.

В душе шевельнулась обида. Я всегда одна. Даже здесь.

Сильнее зажмурилась, готовясь к тому, что он сейчас уйдет. Вместо этого я почувствовала, как кровать прогнулась под новым весом.

Он лег рядом. На спину. И одно из его огромных, золотых крыльев мягко, но неумолимо подскользнулось под мою спину, приподняв и придвинув меня ближе к себе. Затем его рука легла на поясницу, снова наполнив тело целительным теплом, а другой он взял мою руку, его пальцы сомкнулись вокруг моих в неsgiбaемый, но не причиняющий боли замок.

— Если ты думаешь, что я буду всю ночь сидеть здесь, держа тебя за руку, как сиделка, — его голос прозвучал прямо над ухом, низко и устало, — то ты ошибаешься. Я не спал двое суток. Если я не отдохну сейчас, моё терпение лопнет. Так что тебе придётся мириться с моим присутствием. Постарайся уснуть. Боль отступит.

Перечить ему не было ни сил, ни желания. С ним правда становилось легче. Я лишь слабее сжала его руку и, не заметив как, провалилась в забытие.

Сквозь сон я почувствовала, как тепло от его руки исчезло. И боль отступила вместе с ним. Он ушел, — мелькнула мысль. Но тяжесть рядом не исчезла.

Приоткрыв глаза, я увидела его профиль в лунном свете. Он спал. Властный, холодный Серафим, сдвинувший ради смертной девушки границы своего незыблемого порядка, продолжал лежать рядом, а его крыло, подобно золотому

бархату, всё ещё укрывало мою сторону кровати.

8 глава

То ли из-за того, что я проснулась и пошевелилась, то ли он и вправду спал чутко, но его рука вновь отозвалась теплом. Было в этом что-то до глупости милое — великий и ужасный Серафим, согревающий смертную девчонку. Но сейчас меня терзала другая проблема. Я осторожно привстала.

— Опять болит? — Его голос, хриплый от сна, прозвучал неожиданно.

— Всё хорошо, — буркнула я, чувствуя, как горят щеки. Лежать с ним вдвоем было неловко, а уж в таком положении — и подавно. Я отвела глаза к столу, и взгляд мой наткнулся на аккуратно сложенные средства гигиены. Откуда? Я помнила слова той бессмертной: у них такого нет, забеременеть почти невозможно...

Эрагон, проследив за моим взглядом, ответил на незаданный вопрос:

— Это принесла Лиля. Я распорядился.

— Но зачем так много? — на столе лежало штук шесть или семь пачек.

Он вновь закрыл глаза. Его лицо, освещенное утренним сумраком, было похоже на резную маску — прекрасную и недоступную.

— Я не разбираюсь в ваших циклах. Взял с запасом.

«Ваших». Всегда это холодное отстранение. «Вы, смерт-

ные».

— Ясно, — выдохнула я и, прихватив «подарок» и сменную одежду, прокралась в ванную.

Вернувшись, я застала его всё на той же кровати. Глаза были прикрыты, но по напряженным чертам читалась усталость — не физическая, а та, что копится веками. Странно, но я его не боялась. Он был красив, пугающе прекрасен, и в его присутствии не возникало чувства опасности — лишь леденящая робость. Он ничего не позволял себе лишнего, и потому я просто легла. Снова пришлось устроиться на его крыле, я постаралась сделать это как можно легче.

— Тебе опять плохо? — Его глаза, цвета зимнего неба, внезапно открылись и впились в меня изучающим взглядом. Взглядом правителя, ищущего слабое место в обороне.

— Нет. Просто я, кажется, всю ночь пролежала у тебя на крыле. Боюсь отлежать.

— Не беспокойся об этом, — отрезал он. Голос не допускал возражений. — Вес смертной, вряд ли меня сможет удивить, тем более придавить мое крыло. Спи.

Было всего четыре утра. Тишина давила, а любопытство грызло изнутри. Я украдкой разглядывала его профиль, искала в нем хоть щель в броне абсолютной власти.

— Спроси наконец и не сверли меня взглядом, — произнес он, не шевелясь.

— Вообще-то, я уже глаза закрыла! — вспыхнула я, пойманная на месте преступления.

— Неправда. Говори, Александра.

Он всегда называл меня полным именем. Никаких уменьшительных. Дистанция. Протокол.

— Ладно... Почему ты стал мне помогать? Греть меня, а не просто оставил?

Он помолчал, и тишина зазвучала громче любого ответа.

— Не знаю, — наконец сказал Эрагон, и в этих словах была странная, непривычная уязвимость. — Порой, глядя на тебя, я вижу... себя.

— Фу, это звучит мерзко! — фыркнула я, хотя внутри что-то ёкнуло. — Как будто ты мой родитель.

Легкая, почти невидимая тень улыбки коснулась его губ.

— Если мерить вашими мерками, то я скорее твой бесконечно далекий предок.

Я повернулась к нему, и меня, вопреки логике, окутало спокойствие. Оно исходило от него — это опасное, обманчивое чувство защищенности.

— Ты выглядишь измотанной, — продолжил он, всё так же глядя в потолок, словно разговаривая сам собой. — Мир людей устроен иначе. Вы созданы, чтобы опираться друг на друга. Ваша сила — в связях. Наша... — он чуть отвел крыло, и перья шелестнули, — в силе одиночества.

— Откуда ты так много знаешь о людях? И даже о... женских особенностях? — не удержалась я.

— Ещё до того, как стать Серафимом, я был одинок. Как и ты. Путешествовал. Жил среди смертных. Чтобы править,

нужно понимать тех, кем ты управляешь.

— Ты... притворялся одним из нас? — в моем голосе прозвучало немое изумление.

— Это был самый эффективный способ изучения.

Вопрос сорвался с губ прежде, чем я успела его обдумать.

— А у тебя... были смертные женщины?

Повисла тягучая пауза.

— Почему спрашиваешь?

— Просто интересно.

— Я собирал сведения из всех доступных источников, — его тон стал жестче, сталь в голосе зазвенела отчетливее. Тема закрыта.

Но я-то не была дурочкой. Конечно, были. И почему-то эта мысль обожгла изнутри чем-то острым и нелепым. Ревность? С ума сошла, Александра. Он тебе не пара. Он — владыка. А ты — инструмент. Просто давно к тебе никто не относился по-человечески, вот душа и размякла, — сурово отчитала я себя, прекрасно понимая, что вру.

Эрагон, словно устав от моей внутренней бури, слегка приподнял крыло. Я непроизвольно скатилась ближе. Его рука — сильная, с длинными пальцами — накрыла мою ладонь и сжала с такой неожиданной бережностью, что у меня перехватило дыхание.

— Что ты делаешь?

— Ты сама просила мою руку.

— Да, но тогда мне было физически плохо!

—А сейчас тебе плохо морально. Я чувствую смятение. Отдыхай, Александра. В вашей уязвимости — ваша сила. А сейчас — спи.

Это был приказ. Тихий, но неоспоримый. Я слабо сжала его пальцы в ответ и уткнулась лбом в его плечо. Странно. Непостижимо. Великий Серафим, правитель бессмертных, держал меня за руку, словно отгоняя тени. Я не знала, что он чувствовал. Но в этот сложный для меня миг его холодное присутствие было... приятным.

Я открыла глаза уже в полдень. Эрагона не было. Он исчез так же бесшумно, как и появился, не оставив и следа — ни записки, ни намек на тепло на простыне. Я вздохнула, и в дверь тут же постучали.

Вошла Лили, сияя.

—Госпожа Александра! Как вы себя чувствуете?

—Спасибо, уже лучше. И тебе — за то, что там, на столе.

—О, это не мне благодарность, а Серафиму! Это он приказал! — Лилия всплеснула руками. — Он также велел не тревожить вас сегодня. Вы можете отдыхать.

— Надо же, как раздобрился наш владыка, — проворчала я себе под нос.

Лилия понизила голос, ее глаза заблестели от восторга:

—Госпожа, я не должна говорить, но... я видела, как он о вас заботился. Он приказал молчать о вчерашнем! Я ни-

когда не видела, чтобы Серафим так... так трепетно кого-то опекал. Словно вы его... дочь.

Слово «дочь» вонзилось в сердце ледяной иглой. Ясно. Конечно, дочь. А ты-то чего ждала, дура? Ему под стать богины вроде Анжелики, а не вспыльчивая смертная. Знай свое место.

Но позволять себе скатываться в уныние я не собиралась.

—Ну, и славный же дедок из него вышел, — язвительно бросила я, и от этой мысли стало даже легче. — Спасибо, Лили.

Когда она ушла, я быстро переоделась и, вопреки приказу, выскользнула в коридор — и почти столкнулась с метисом. Астарот.

Его красно-черные волосы были собраны в хвост, а зеленая форма подчеркивала мускулатуру. Он улыбался легко и открыто, но внутри у меня что-то насторожилось. Из прочитанного я знала: метисы когда-то были изгоями, а теперь этот, Астарот, стоит высоко в иерархии армий Люцифера. Такому доверять просто так нельзя.

— Александра! Куда путь держишь? — его голос звучал дружелюбно.

— В библиотеку. А ты разве не на службе у Люцифера?

—У правителей бывают перерывы, — он усмехнулся. — Проводить?

—Если не затруднит.

Мы пошли. Астарот оказался прекрасным собеседником

— легким, остроумным. Он шутил, и я невольно расслаблялась. Но где-то в глубине сознания стучало опасение.

— Астарот, — осторожно начала я. — Почему из всех бессмертных именно ты относишься ко мне... по-доброму?

Его улыбка не исчезла, но в глазах мелькнула тень.

— Когда-то с метисами обращались так же, как теперь многие обращаются со смертными. Презирали. Считали грязью. Я не забыл, каково это. Хотя, — он рассмеялся, — у тебя наоборот.

— Ну конечно, — сказала я, повторяя его же интонацию. — Только не пытайся втереться ко мне в доверие, думаешь я не поняла к чему эта искренность.

Он остановился и посмотрел на меня с неподдельным уважением.

— Ты гораздо умнее, чем они думают, Александра. Думаю, Торендо еще пожалеет, что разозлил тебя.

Это была первая искренняя похвала, и она сработала лучше любой лести.

— Тебе он тоже не нравится? — спросила я уже без прежней осторожности.

— О, это тема для долгой беседы в более уединенном месте, — он подмигнул. — Может, как-нибудь зайду?

Эйфория мгновенно испарилась. Ловушка. «Зайду. Поболтаем. Много общего». Все они хотели втереться в доверие. Зачем? Книгу я и так перевожу.

Мой взгляд стал холодным и осторожным.

—Астарот. Если уж мы с тобой такие понимающие друг друга... Скажи честно: зачем тебе это? Зачем пытаться войти ко мне в доверие?

Его улыбка не дрогнула, но стала тоньше, острее.

—Ты права. Такой разговор — не для коридора. Я зайду вечером. Хорошо?

Я натянула в ответ беззаботную улыбку — ту самую, за которой удобно прятать мысли. Лучшая маска сейчас — наивность.

—Хорошо.

Он кивнул и растворился в боковом проходе. Я же, добравшись до библиотеки, наконец позволила себе выдохнуть и прислониться к стеллажу.

«Вот же сволочи, — прошептала я в тишину, полную пыли и знаний. — А я, дура, уже почти поверила, что здесь может быть что-то человеческое».

Одиночество внезапно сдавило горло, став еще более горьким и полным, чем прежде.

В библиотеке я провела недолго, взяла нужную книгу и направилась в свои покои. Там меня уже ждала Лили.

— Госпожа, — с лёгким поклоном начала она. — Вас пригласила к себе госпожа Анжелика. Думаю, вам будет полезно познакомиться с ней лично.

Её голос звучал тихо, будто она не хотела, чтобы я ходила.

— Хорошо. Куда идти?

—Только позвольте... вас немного подготовить. Я думаю,

стоит выбрать подходящий наряд.

— Ты предлагаешь мне надеть одно из этих дурацких платьев? — уточнила я.

— Это было бы... Очень неплохо, госпожа, — осторожно подобрала слова Лиля. — Проявить уважение к её статусу, ведь она приближенная к серафиму.

Я сдалась с тяжёлым вздохом.

Пока Лиля помогала мне облачиться в сложное платье и укладывала волосы, я пыталась выведать информацию.

— Лиля, а кем является Анжелика ?

— Госпожа Анжелика — дочь верховного Серафима, — тихо, почти шёпотом, начала служанка. — Она должна была наследовать его положение, но после войны... всё изменилось. Сейчас она не занимает главенствующий пост, но её влияние в Цитадели велико.

— А её способности? Она воин?

— Да. Одна из её сильнейших способностей... заставлять жертву слепнуть.

— Слепнуть? Физически?

— Как бы объяснить... — Лиля замаялась. — Это не физическая слепота. Ощущения... будто вас вначале погружают в абсолютную тьму, а потом заставляют вновь и вновь проживать самое болезненное воспоминание. Столько раз, сколько пожелает госпожа Анжелика.

Удобный инструмент для пыток без следов, — холодно промелькнуло у меня в голове.

— Понятно. А что ещё мне нужно знать?

— Госпожа, мне не положено... — Лиля опустила глаза.

— Её нрав... сложен. И вы, наверное, уже знаете, что она питает глубокие чувства к Серафиму.

— Это я заметила. А он? Любит её?

— Для смертных любовь — миг. Для бессмертных — вечность. Я не думаю, что господин Серафим желает делить вечность именно с ней. Их связывает нечто... иное.

— Какое иное? — прищурилась я.

— Госпожа, думаю, вам это знать необязательно, но есть определенные потребности, — Лиля окончательно замкнулась, сделав вид, что поглощена заколкой для моих волос.

Взгляд на своё отражение в зеркале заставил меня замереть. Светло-русые волосы были изящно убраны, оттеняя лицо. И на этом фоне особенно контрастировали мои глаза — тёмные, болотного оттенка. В приюте дразнили «болотницей». Дразнили до тех пор, пока я не научилась скрывать всё за колючим взглядом и не стала бить обидчиков. Это прозвище когда-то ранило, теперь же стало частью брони.

Я разглядывала себя критически: человеческие, неидеальные черты — круглое лицо, прямая переносица с едва заметной горбинкой. Ничего от утонченной, выточенной красоты бессмертных. С каких пор я оцениваю себя, как товар на рынке? — мысль была резкой, и я оборвала её. Единственное, что не нравилось — бесцветные, хоть и полные губы. Они делали выражение лица болезненно-неопределённым.

— Лиля, а есть ли у вас... помада? Косметика?

Она кивнула и через мгновение принесла тушь, тени и помаду. Помада была красной. Именно такой, как я любила. Где-то я вычитала, что красная помада — это цвет вызова и решимости идти до конца. Сегодня он был как нельзя кстати.

Когда мы подошли к покоем Анжелики, расположенным в нижних этажах Цитадели, Лиля тихо пожелала удачи и исчезла.

Покои поражали масштабом и холодной роскошью. Просторный зал с диванами и мраморным столиком, залитый светом. В глубине виднелся вход в личные апартаменты с огромной кроватью под балдахином. Часто ли здесь бывает Эрагон? — мысль вползла незвано, и я тут же отогнала её. Хватит. Однократная снисходительность — не повод для иллюзий.

В центре комнаты, в кресле-троне, меня ожидала хозяйка. Анжелика. Она была ослепительна. Совершенные черты, фарфоровая кожа, волосы темно русые. Увидев меня, она растянула губы в улыбке, которая не дотянулась до ее светлых, пронзительных глаз.

— Александра. Проходи, — её голос был медовым, сладким и вязким.

Я направилась к ней, стараясь не спотыкаться о полы ненавистного платья. Оно, как и помада, было красного оттенка — не кричащего, а глубокого, как цветки роз. И, к моему удивлению, цвет действительно делал мои зелёные глаза яр-

че, а волосы — светлее.

— Присаживайся, — жестом указала она на кресло напротив.

Я села, держа спину прямо, стараясь не съёжиться.

— За всё это время у нас не нашлось момента познакомиться поближе, — начала Анжелика, изучая меня тем пронзительным, холодным взглядом.

— Думаю, знакомство со мной — не самое значимое событие в Цитадели, — парировала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— О, не скромничай! — она слегка наклонила голову, и свет сыграл в её идеальных волосах. — Ты здесь совсем одна. Должно быть, страшно. Перевод древних текстов... занятие почетное, но такое одинокое. Тебе наверняка не с кем даже словом перемолвиться.

В её словах не было сочувствия. Была сладкая, ядовитая жалость, приправленная любопытством хищницы, оценивающей новую, странную дичь в своих владениях

— Даже Ирину, которую я сама выбрала для тебя, ты отвергла, — Анжелика приподняла идеальную бровь. — Не знала, что у смертных такой... странный нрав.

По её нахальной улыбке я всё поняла. Теперь мне было ясно, почему я всё это время ела невкусную еду, которую приносила Ирина, и почему та относилась ко мне с таким пренебрежением. Видимо, с тех самых пор, как Эрагон за меня заступился и стал проявлять... странное внимание, Анжелика

меня возненавидела. Как в дешевом сериале: женщина ревнует мужчину к другой, хотя та в этом и не виновата.

Я ведь не змея, но в этот момент так и подмывало плюнуть ей в лицо. Не придумав ничего остроумнее, я лишь сладко улыбнулась:

— Ну что вы, госпожа Анжелика? Эрагон довольно часто навещает меня по делам перевода, поэтому я не чувствую себя одинокой.

Её лицо исказилось на секунду — было ощущение, будто я сунула ей в рот лимон. Однако вековая выдержка взяла своё. Она лишь холодно кивнула:

— Наш Серафим, конечно, великодушен. И, как ко всем смертным, — ведь вы для нас словно дети, — он проявляет милосердие. Я очень рада за тебя.

Она говорила так, словно обращалась к несмышленому ребёнку.

— О, ну что вы! Наш Серафим благосклонен не только ко мне, а ко всем. Думаю, даже к вам он относится с отеческой заботой, — парировала я.

“Выкуси,— промелькнула у меня в голове мысль. Нечего меня тут тыкать носом в мое положение.

Анжелика коротко рассмеялась.

— Мы с Серафимом знакомы очень давно, и, я полагаю, дело идет к браку. Я бы не хотела, чтобы в такое непростое время, накануне войны, он тратил свои силы на... смертных. Поэтому, Александра, будем откровенны: перестань до-

кучать правителю.

Маски сброшены.

—Что ж, — я наклонила голову, — раз маски любезности сброшены, я скажу честно. Между мной и Серафимом ничего нет.

Анжелика резко рассмеялась.

—Конечно, ничего нет! Ты — жалкая смертная. Он на тебя и взглянуть-то не мог бы. Просто ты надоедаешь ему своими просьбами, и я решила тебя предупредить.

— Как жаль, что вы меня перебили, — холодно остановила я её. — Я всё понимаю: вы влюблены в Серафима. Это прекрасно. Но вы не дослушали. Между мной и Серафимом — ничего. Но он — единственный, кто помогает мне с переводом древних текстов. Поэтому, хотите вы того или нет, мне придётся обращаться к нему и дальше. А со своей ревностью разбирайтесь как-нибудь сами.

Я встала. Платье неприятно зашуршало. Сделав неглубокий, слегка комичный реверанс, я подняла на неё взгляд.

—А теперь, если позволите, я пойду. Перевод книги — дело действительно трудное.

Развернувшись, я вышла из её покоев, но в дверях бросила мимолётный взгляд через плечо. Её лицо перекашивалось от немой ярости. Притворив дверь, я направилась в свои апартаменты.

Зайдя внутрь, я увидела, что меня ждала Лиля.

—Лилия, что случилось? — спросила я.

— Госпожа, — она замялась. — Как бы вам сказать... Сегодня состоится Рождественский бал. Приглашены многие знатные бессмертные. И... господин Эрагон приказал подготовить и вас. Вам тоже надлежит присутствовать.

— Что? — не поняла я. — Я? Зачем? Он с ума сошёл? Что я буду делать среди бессмертных? Они и так смотрят на меня как на насекомое, а там я и вовсе растеряюсь!

— Вас будет сопровождать господин Астарот. Он сам вызвался, — щёки Лили слегка порозовели. Видимо, этот бесшабашный военачальник нашёл отклик в её сердце.

— О, блин, — простонала я, плюхнувшись на кровать. — И снова натягивать это дурацкое платье...

— О нет, госпожа! Серафим уже отправил вам наряд. У нас не так много времени, чтобы приготовиться, так что давайте начинать сейчас.

Я лишь раздраженно выдохнула. Раз приказ, значит, надо выполнять.

Отвоевав право принять ванну самостоятельно и запретив Лиле даже думать о помощи в таких простых делах, я вышла к ней с влажными волосами. Её белые крылышки мило контрастировали с нежными чертами лица. Интересно, почему все бессмертные такие красивые? Это специальная издёвка богов? Что смертные должны быть заурядны, а они — все как на подбор красавцы? Хотя, вспоминая своего похитителя и Торендо... Нельзя сказать, что жизнь над ними не посмеялась. Может, это первый блин комом.

Лили помогала мне облачаться в наряд. Это было белое платье с тончайшей серебристой вышивкой. В некоторых местах ткань переливалась нежно-голубым, и я заметила, что этот оттенок странным образом гармонировал с цветом моих глаз, делая тёмно-зелёный чуть более светлым и загадочным. Волосы она решила оставить распущенными, собрав лишь несколько прядей сзади изящной заколкой. Платье, к счастью, не стесняло движений.

Когда приготовления были закончены, в дверях, как по заказу, появился Астарот. Его улыбка, как всегда, была до ушей.

—Александра, ты выглядишь потрясающе! — воскликнул он с непринужденной легкостью.

—Приму это как комплимент, — ответила я.

На нём был не привычный тёмно-зелёный мундир, а строгий тёмно-синий костюм военного покроя.

—Я смотрю, ты не сильно любишь менять гардероб? Просто сменил цвет формы — и готово, — усмехнулась я.

—Видишь ли, Александра, — он с ухмылкой устроился на краю моей кровати, — военный всегда должен быть в форме. А эта, должен сказать, прекрасно подчёркивает все мои достоинства.

Я лишь покачала головой. Тем временем Лилия закончила поправлять макияж.

Астарот, который до этого с преувеличенно скучающим видом разглядывал комнату, наконец встал и с преувеличен-

ной галантностью протянул мне руку.

—Выглядишь замечательно. Пойдём?

Я, не церемонясь, взяла его под локоть.

—Скажи, а бал проходит здесь, в цитадели? — спросила я по дороге.

—О, нет. Бал в Изумрудном зале, в другом крыле.

—И до него можно дойти пешком?

—Интересно, а как ты собралась идти по воздуху? — он снова усмехнулся.

—Я дико извиняюсь, но если ты не заметил, за моей спиной нет пары крыльев. В моём распоряжении только две ноги. И как ты планируешь меня туда доставить?

Астарот лишь рассмеялся. Когда мы вышли в ночной двор, он, без лишних церемоний, подхватил меня на руки.

—Вот как!

Легко расправив могучие крылья, он оттолкнулся от земли. Я инстинктивно вцепилась ему в шею.

—Эй! Осторожнее!

—Расслабься, смертная! Летишь как в бизнесе! — прокричал он на ухо, пока ветер бил мне в лицо, а земля стремительно уплывала из-под ног.

Вот же я влипла, — стучало у меня в висках, пока мы взмывали в ледяное звёздное небо.

9 глава

Я вцепилась в метиса, пока мы летели над бездной. Леденящий порыв ветра заставил меня зажмуриться. Когда вихрь

стих, я открыла глаза и увидела приближающееся здание — не цитадель, но не менее величественную высокую постройку с массивным куполом.

Мы приземлились у ворот, охраняемых двумя ангелами. Их суровые взгляды скользнули по нам, но, узнав Астарота, стража немного расслабилась. Внутри всё наше движение координировал Астарот: он направлял меня, мягко подталкивая под локоть, пока мы не вышли в главный зал.

Это было огромное помещение с ослепительной люстрой и открытыми балконами. По сторонам стояли столы с закусками и странными напитками — голубым дымящимся зельем.

“Ну уж нет, — тут же решила я, — это пить не стану, мало ли чем кончится.”

Астарот, чью руку я держала, периодически склонялся в почтительном поклоне перед встречающимися бессмертными. Те в ответ бросали на меня презрительные взгляды. Я и не думала с ними здороваться — пусть считают невежей, кланяться каждому встречному я не намерена.

Вскоре зал заполнился. В основном это были ангелы — и взрослые, и дети. “Интересно, сколько времени нужно ангелу, чтобы повзрослеть? — пронеслось у меня в голове. Наверное, если спуститься на землю, они стареют, как люди...”

Среди гостей я заметила знакомые лица — Ребекку, Торендо и Дино. Они о чём-то беседовали, держа в руках бокалы с тем самым «глифт», как пояснил Астарот. Я украд-

кой наблюдала за ними, и когда Торендо встретился со мной взглядом, его лицо исказилось от омерзения. Что ж, взаимно.

Астарот же пытался меня развлечь, шутил и не отходил ни на шаг.

—Александра, я понимаю, тебе не особо здесь рады, но сделай вид, будто тебе всё нравится, — легонько толкнул он меня локтем.

—Кто бы говорил, — усмехнулась я. — Ты, я смотрю, в полном восторге. Неужели все эти бессмертные тебе нравятся? И как ты здесь оказался? Ты же служишь Люциферу. Разве этот праздник не для ангелов?

—У меня бывают выходные, между прочим, — парировал он.

Внезапно в зале воцарилась тишина. Распахнулись главные двери, и властной, плавной походкой вошёл Эрагон. На нём была белоснежная форма с золотыми вставками, ремнями и пуговицами, выглядевшая поистине великолепно. Под руку с ним, к моему немалому удивлению, шла госпожа Ангелика в ярком платье, подчёркивавшем её статную фигуру. Её сияющий вид кричал о безмерном счастье. И, что греха таить, они действительно выглядели как король и королева.

Собрание почтительно склонилось, но Эрагон, не удостоив поклонов даже взгляда, прошёл дальше к своему месту. Только тогда зазвучала музыка, и праздник возобновился: дети пустились в хоровод, взрослые продолжили беседы.

Я же не могла отвести глаз от Серафима. Он восседал на “троне” с Анжеликой рядом, и вдруг... его взгляд, холодный и целенаправленный, принялся кого-то искать в толпе. На мгновение наши взгляды столкнулись. Я лишь удивлённо приподняла бровь. Он едва заметно кивнул, почти невыразительно, и прекратил поиски. “Неужели он искал меня?” — мелькнула глупая мысль. Я отогнала её — разве что для того, чтобы удостовериться, что я ничего не испортила.

— Ладно, мы с тобой не договорили, — вернулась я к Астароту. — Зачем тебе втираться ко мне в доверие? Зачем тебя ко мне подослали?

Астарат хитро улыбнулся.

— Смотрю, ты быстро меня раскусила. Неужели я такой плохой шпион?

— Что ты! Очень даже высококачественный. Но если мы с тобой, как ты сам сказал, похожи, то может, раскроешь тайну? Зачем?

Он на мгновение задумался, его взгляд стал серьёзным.

— Ладно. Только потому, что наши судьбы чем-то схожи, скажу одну вещь. Книга, которую ты переводишь, — не просто важный предмет. Это единственная возможность победить в наступающей войне.

— Войне с Тёмным Богом? — уточнила я.

— Да. Только в ней содержится знание, чем его одолеть.

Он посмотрел на меня, словно пытался понять мои истинные намерения, а затем вдруг усмехнулся, по-братски поло-

жил ладонь мне на макушку и потрепал волосы.

— Не бери в голову, Александра. Тебя вряд ли обидят.

— Ну, спасибо, что успокоил, — пробормотала я, и на душе действительно стало легче. Я ответила ему лёгкой улыбкой.

Повернувшись к залу, я невольно снова встретила взглядом с Эрагоном. Он наблюдал за нами. Его лицо было абсолютно бесстрастным, но в напряженной челюсти и застывшей позе читалась какая-то непонятная мне холодность. И почему-то мне стало приятно, что момент, когда Астарот гладил меня по голове, не ускользнул от Серафима.

— Пойдём, нужно развеяться и потанцевать, — внезапно предложил метис.

— Ты с ума сошёл? Я не умею!

— Вот и научишься, — не отступал он, уже притягивая меня к себе.

Танцевать вальс я не умела категорически и раз сто наступила бедному бессмертному на ноги. Но он героически улыбался во все тридцать два зуба. В середине танца от нелепости ситуации мне стало смешно, я рассмеялась, и он подхватил моё настроение. Наш смех потонул в музыке. Я даже расслабилась.

Замечтавшись, подняла глаза на купол. Он был стеклянный, с витражами, где преобладал сиреневый цвет. Он напомнил мне сирень у стен монастыря... Я так ушла в воспоминания, что перестала топтать ноги своему партнеру. Но

вдруг на лицо упала крошка стекла. Резкий хлопок — и огромный купол начал рушиться.

Хруст, крики, паника. Бессмертные бросились к выходам. Астарот резко прижал меня к себе, закрывая своим телом. Подняв голову, я увидела кошмар: к обломкам купола на цепях были подвешены тела и части тел бессмертных, покрытые странной плесенью.

—О Боже... — вырвалось у меня.

В зале материализовались фигуры в тёмных одеждах. Они безжалостно отрывали ангелам крылья, убивали на месте.

—Спрячься! В той комнате, слева! Быстро! — сжав мне плечи, бросил Астарот бросился на самого крупного нападавшего.

Я рванула было к указанной двери, но чья-то железная хватка впилась в мои волосы, рывком швырнув на пол. Передо мной стоял демон с чёрными крыльями, в кожаной амуниции, с лицом, искаженным садистской гримасой.

—Что это за крыса здесь бегаёт? — сипло прошипел он. — Смертная? Или чья-то подстилка?

Я, отползая, нащупала за спиной тяжёлую бутылку с глифтом. Демон наступал.

—Что, молчишь? Языка нет?

—Нет, — прошептала я. — Но есть ответ.

Изо всех сил я размахнулась и ударила бутылкой ему в лицо. Стекло разбилось, зелье брызнуло в глаза. Демон взвыл. Я попыталась встать, но запуталась в платье и упала на ко-

лени. Над головой взметнулась его рука для удара.

Я зажмурилась.

И ощутила волну ослепительного жара. Вместо крика — тишина. Открыв глаза, я увидела лишь пепел, рассеивающийся в воздухе. А рядом — Эрагона. Его зрачки светились холодным золотом. Взгляд, быстрый и оценивающий, скользнул по мне, не обнаружив ран. Затем он резко протянул руку.

— Ты в порядке?

Я не могла вымолвить ни слова, дрожала мелкой дрожью.

Он, не дожидаясь ответа, схватил меня за руку и одним движением поднял на ноги. Его пальцы сжали мои плечи.

— Александра, ты меня слышишь? — он потряс меня, и в его голосе, обычно абсолютно ровном, пробились трещина.

— Саша. Ты слышишь меня?

— Д-да... Всё в порядке. Просто испугалась.

— Это нормально, — отрезал он, и его взгляд упал на мои трясущиеся руки. Тогда он, не говоря ни слова, притянул меня к себе, прижав ладонью к груди. — Всё кончено. Я с тобой.

Зал был пуст и усеян телами. Ужас сковал меня. Я вцепилась в его белый плащ, стараясь не смотреть по сторонам. Его рука медленно, почти машинально, гладила меня по спине, но жест этот был непривычно мягким.

— Это не зрелище для тебя, — тихо произнёс он, когда я попыталась повернуть голову, аккуратно удерживая мой за-

ТЫЛОК.

К нам подошёл Астарот.

—Александра, ты цела?

—Ещё бы, — холодно, со всем презрением в голосе бросил Эрагон. — Ещё минута — и у нас был бы свежий труп. Смертной.

—На неё напали, когда я сказал уходить...

—Думаешь, она бы справилась с Лионом сама? — перебил его Эрагон, и его интонация была острее лезвия.

—Мой косяк, — сдавленно признался метис.

—Доведёшь её до цитадели без происшествий?

—Конечно.

Астарот бережно взял меня, и я, как тряпичная кукла, перешла из одних рук в другие. На прощание я бросила взгляд на Эрагона. Тот стоял, отвернувшись, его профиль был резок, а по напряжённой челюсти бегала нервная жилка. Он был в ярости.

Дорогой обратно я молчала, пока бессмертный нёс меня.

—Страшно? — спросил он наконец.

—Да. Я не ожидала... Это были враги?

—Последователи Тёмного Бога. А те бессмертные... заложники. Так он решил «поприветствовать» нас.

—Ужасно... Значит, война уже началась?

—Она началась давно. Просто не все хотят это признавать.

Вернувшись, он ещё раз убедился, что со мной всё в по-

рядки, и лишь после этого ушёл. Уснуть я не могла — перед глазами стояли те самые цепи и тела. Сон пришёл лишь под утро.

На следующее утро перевод не клеился. Решившись отвлечься, я пошла к Эрагону, но у его кабинета услышала гневные крики. Я вошла. В центре комнаты бушевал демон с алыми крыльями — Люцифер.

—Зачем ты уничтожил Наума?! Из-за тебя я лишился семьи!

Эрагон сидел за столом, его поза была расслабленной, а лицо — ледяной маской.

—Успокойся. Ты знал, что это произойдёт.

—Мы могли избежать этого! Обменяться заложниками!

—Эрагон медленно поднял на него взгляд. Его голос стал тише, но от этого лишь опаснее. — Последователи Тёмного Бога убили и пытали невинных. Среди них был перворождённый ангел. И ты говоришь о «сделке»?

Люцифер, не в силах продолжать, в бешенстве вылетел в окно, пообещав восстание. Мамонт и Дино, бросившие на меня неодобрительные взгляды, последовали за ним. Осталась лишь Ребекка, осуждающе посмотрев на Серафима, она вышла на балкон.

Я замерла в тени у двери, но меня выдали.

—Александра, — позвал Эрагон, не отрывая глаз от карты. Его лицо было маской, а в глазах лежали тёмные тени. — Что ты хотела?

—Я... хотела спросить о книге. Но вы, кажется, заняты.

—Заходи вечером. Обсудим вопросы.

Я кивнула и уже хотела уйти, но что-то во взгляде этого всемогущего, но смертельно уставшего существа заставило меня остановиться. Мне стало жаль его.

—Эрагон... а в твоём кабинете есть комната для отдыха?

Он удивлённо посмотрел на меня.

—Есть. А что?

—Надеюсь ты меня не прибьёшь- тихо прошептал я — А где ?

Он молча указал на неприметную дверь. Я подошла к нему и взяла за руку. Его ладонь была огромной и прохладной.

—Пойдём.

—Что ты задумала? — в его голосе зазвучало недоумение.

—Просто сделай, что я скажу. И постарайся меня не убить после этого.

В комнате отдыха был лишь диван и кресла. Я села и хлопала по месту рядом.

—Иди сюда.

—Повторяю, что ты задумала? Сейчас не до ребячеств.

— Садись.

Эрагон, тяжело вздохнув, но нехотя подчинился.

—А теперь... можешь убрать крылья? На время?

Он смерил меня долгим взглядом, но в следующее мгновение величественные крылья исчезли. Передо мной был про-

сто усталый мужчина с слишком мудрыми глазами.

— Положи голову сюда, — я указала на свои колени.

Он замер, и в его глазах мелькнула целая буря — недоверие, усталость, непонимание. — Это что за новый ритуал смертных?

— Ритуал поддержки. Каждому он нужен. Даже великому Серафиму.

К моему удивлению, он послушно лёг, скрестив руки на груди. Я принялась медленно и ритмично гладить его белоснежные волосы. Они были неожиданно мягкими.

— Я не понимаю многих ваших законов, — тихо заговорила я. — Но если ты принял то решение, значит, иного выхода не было. Я тебе доверяю, и считаю что ты всё сделал правильно.

Он не ответил, лишь его дыхание постепенно стало глубже и ровнее. Я долго сидела так, пока тяжесть его головы на коленях и тишина не сморили меня самой.

Очнулась я уже на диване, укрытая лёгким покрывалом. В кабинете Эрагон, как и прежде, изучал карты, но лицо его уже не было таким изможденным, а взгляд — чуть менее острым.

— Прости, я сама уснула, — смутилась я.

— Ничего. Я тоже немного отдохнул. Похоже это входит в привычку, — в уголке его рта дрогнул подобие улыбки.

Я порылась в памяти, чтобы вспомнить зачем приходила вначале.

—Я, кажется, забыла, о чём хотела спросить. Соберу вопросы к вечеру.

—Хорошо. Буду ждать.

Я уже шла к двери, когда он окликнул меня.

—Александра.

—Что?

—Спасибо.

Это было сказано тихо, но тепло. Я кивнула и, уже на пороге, обернулась с внезапной мыслью.

—А почему ты всегда зовёшь меня полным именем? На балу ты называл меня Саша.

—Разве Александра — не твоё единственное имя?

—Так-то да... Но полное имя — для малознакомых. А мы вроде как уже знакомы.

Он отложил перо и обернулся, в его глазах заплясали искорки странного, почти озорного любопытства.

—Ты хочешь, чтобы я называл тебя Саша?

—Нет-нет, я не настаиваю! — залепетала я. — Просто вариант.

Его лёгкая улыбка превратилась в самую настоящую, чуть насмешливую.

—Тогда я буду звать тебя Лапка.

—Что?! — я остолбенела. — Какая ещё «Лапка»?

—Ты похожа на род кошачьих. Так же шипишь, когда злишься, и забиваешься в угол в опасности.

—В опасности?! — возмутилась я. — А то, что на меня

напал демон вчетверо больше меня — это не опасность?!

— Именно. Поэтому, — он откинулся в кресле, и его плечи слегка дрожали от беззвучного смеха, — когда будешь вести себя хорошо, будешь Лапкой. А когда влипнешь в историю — Александрой. Справедливо?

— Да ты просто издеваешься! — фыркнула я, но сердиться не могла. Он смеялся. По-настоящему.

Я вышла, притворно ворча, и уже закрывая дверь, услышала его тихий, расслабленный смешок.

10 глава

Я направилась в свою комнату в хорошем настроении. На столе дождался поднос с едой от Лили, но я, не проявив к нему интереса, сразу уселась за перевод.

Открывая новые страницы, я погрузилась в текст, словно в захватывающий роман. История рассказывала о Создательнице, безмерно любившей своих детей и потакавшей им во всем. Но когда они же её и убили, гармония рухнула, а её обитель... застыла. Не то чтобы замёрзла или обратилась в камень, скорее, в ней просто остановилось время. Точнее понять я не могла, потому что повествование резко перескакивало к тому, как Светлый Бог установил свои правила, постепенно возвысившись над остальными братьями и сёстрами, и ввёл свод законов, чтобы держать всех в узде.

Затем речь зашла о Боге Равновесия, регулировавшем как тёмную, так и светлую стороны. Если вчитаться, то становилось ясно, что он появился раньше Светлого и Тёмного Бо-

гов и, по сути, был старшим. Возможно, именно он знал, как одолеть Тёмного... или мне так казалось.

Проблема была в том, что Светлый Бог заточил своих братьев и сестёр в разных местах: кого-то в снегах, кого-то во льдах, кого-то в печали. Но больше всего меня тронула история первого ангела, спустившегося на землю. Она не была богиней, не была сестрой — лишь первым творением Светлого Бога, созданным ещё при Создательнице. Её отправили помогать смертным, но те, узнав о её бессмертии, испугались и поступили подло. Жестокость заключалась в том, что, несмотря на причиненную боль, она продолжала их любить — такова была её природа. Меня восхищала и одновременно пугала эта сила материнской любви, о которой я, никогда не планировавшая детей, могла лишь догадываться.

Как я поняла, книга делилась на три части: прошлое, настоящее и будущее. Не в силах сдержать любопытство, я открыла вторую часть, где подробно рассказывалось о Создательнице. «Возможно, мы ошибались насчёт богов», — мелькнула у меня мысль. У нас Бог — мужчина, а здесь — женщина. Именно женщина, ибо только ей подвластно давать жизнь. И свет, и тьма изначально были не богами, а сущностями, существовавшими в равноправии лишь благодаря ей. В книге говорилось, что после смерти Создательницы должна была родиться новая. Возможно, она уже родилась, но Светлый Бог её спрятал, как и остальных? Среди бессмертных или смертных? Как её отличить?

Я уже собиралась закрыть книгу, когда взгляд упал на строку: «Создательница всегда тянулась к Тьме, ибо Тьма знала величайшее одиночество». Мысль засела в голове. Может, новую Создательницу можно распознать именно по этой тяге к темному началу? Но что это значит — тянуться к демонам, кошмарам?

Отложив книгу, я поняла, что наступил вечер. Потянувшись, я решила размяться, но одной выходить было нельзя. Решение пришло мгновенно.

—Пойду к Эрагону.

Забежав в ванную, я бросила взгляд в зеркало. До идеалов бессмертных мне далеко, но страшной я не была. Глаза... да, глаза у меня и правда были ничего, хоть в своё время их и называли «странными».

В коридорах у его кабинета царила тишина — совещания, видимо, закончились. Я постучала и, не дожидаясь ответа, юркнула внутрь.

Всё было как прежде: Эрагон сидел за столом, углубившись в карты. Он, конечно, уже знал о моём присутствии — в последнее время я стала замечать, что этот бессмертный словно видит и слышит всё повсюду.

— Александра, что-то случилось? — спросил он, не отрывая взгляда от карт. Голос был ровным, без единой нотки интереса.

— Нет. Я хотела спросить кое-что о книге...

Он не надолго поднял на меня взгляд. Холодные, пронзи-

тельные глаза заставили меня на миг замереть. В них читалась привычная усталость, та, что, кажется, никогда его не покидала.

—Тебе нужно что-то объяснить?

Неожиданно для себя, я сменила тему. — Не хочешь прогуляться?

Он оторвал взгляд полностью от карт, слегка наклонив голову. Жест был едва уловимым, но в нём читалось удивление.

—С чего вдруг?

— Я целый день в четырёх стенах. Мне нельзя одной, а так мы прогуляемся, и я расскажу, что нового узнала из книги, — весело предложила я.

Эрагон медленно провёл рукой по шее, будто разминая затекшие мышцы. Затем встал. Движение было плавным и полным безмолвной власти.

—Идём.

Пока мы шли к саду, я вкратце пересказала прочитанное. Эрагон слушал молча, лишь изредка уточняя детали. Всё это он, разумеется, знал. Лишь возможность перерождения Создательницы, да её связь с Тьмой, казалось, задели в нём какую-то струну.

Спускаясь в сад, я думала, что он оставит меня с охраной и вернётся к делам. Но он не спешил уходить. Сложив руки за спиной, он шагал рядом со мной, его золотистые крылья слегка шелестели на ветру.

Меня одолевало любопытство. Каким он был раньше, до того как стал Правителем Цитадели? Всегда ли он был таким... ледяным?

— Эрагон, — окликнула я, когда он заметил мой пристальный взгляд. — Можно тебя спросить на откровенный вопрос?

— Ты меня пугаешь, Александра, — ответил он, и в его голосе мелькнула едва уловимая усмешка. — То шарахаешься, то сама идёшь на сближение, то заставляешь замереть на месте.

— В хорошем смысле?

— Допустим.

— Кстати, о балу в Рождество, — начала я осторожно. — На тебе это... отразилось?

— Это война. И такие зрелища — её обычные спутники.

— Я слышала, что было в кабинете. Ты... уничтожил того бессмертного, который был ключевой фигурой для врагов?

Эрагон пристально посмотрел на меня, будто взвешивая, стоит ли отвечать. Его лицо оставалось непроницаемой маской.

— Да.

— Почему? Я понимаю, что детали мне не положено знать, просто...

— Война солдата — это защита своей семьи, своего дома, — перебил он меня, и голос его зазвучал твёрже. — Ты мстишь за тех, кого обидели. Война правителя иная. Моя се-

мья — все бессмертные, вручившие мне свои жизни. Те, кого ты видела, поступили так же — они отвергли Тёмного Бога и были за это наказаны. А теперь враг хочет, чтобы мы сели с ним за стол сделок. — Он на мгновение замолчал, и в его глазах, устремлённых куда-то в прошлое, мелькнула тень. — За свою долгую жизнь я понял одно: пусть лучше меня ненавидят за жестокость, чем проклинают за слабость, приведшую к новым потерям. Показать, что гибель близких не была напрасной — это первое, что должен сделать правитель. И я это сделал.

В этот момент он говорил, казалось, не со мной, а с самим собой. На его обычно бесстрастном лице я впервые увидела отголосок неподъемной тяжести. Не опасного Серафима, а бессмертного, запертого в одиночестве на вершине власти. Мне стало до боли знакомо это чувство — когда падать некуда, потому что за спиной пустота.

По моим щекам неожиданно потекли слёзы.

Эрагон, заметив, что я отстала, обернулся. Его глаза чуть расширились от непонимания.

—Что с тобой? — спросил он, и в его тоне впервые прозвучала лёгкая растерянность.

Я, замирая, выдохнула:

—Можно... тебя обнять?

Секунду он смотрел на меня с тем же холодным удивлением, а затем его взгляд смягчился — всего на долю, но это было заметно. Он молча раскрыл объятия.

—Иди ко мне.

Я шагнула вперёд и уткнулась лицом в его плечо. Он при-тянул меня, обнял, и его крылья сомкнулись вокруг, отгора-живая от всего мира. Впервые за долгое время я почувство-вала себя в безопасности. Есть куда упасть.

— Эрагон, — прошептала я ему в грудь.

—Ммм? — отозвался он, и голос его прозвучал прямо над головой, приглушенный.

— Я, может, сейчас скажу глупость... Но я тебя понимаю. Мне тоже некуда падать. И я знаю, как это тяжело — всё нести одному. Я жалкая смертная, но... позволь мне иногда быть рядом. Хотя бы до того дня, когда я переведу книгу и уйду. Позволь мне чувствовать, что я хоть кому-то нужна. Хотя бы тебе.

Он не ответил. Только крепче прижал меня к себе, а его ладонь нежно легла мне на голову, сглаживая волосы.

—Хорошо, Саша, — тихо прошептал он. — Только не плачь.

Когда я успокоилась и отстранилась, он отпустил меня. Увидев следы слёз на моих щеках, он протянул руку и боль-шим пальцем аккуратно стёр их.

—Ну и что это на тебя нашло? — спросил он, и в уголках его губ дрогнуло подобие улыбки.

— Просто увидела в тебе родственную душу, — я сама попыталась улыбнуться.

—Я мужчина. Я Серафим. Я тысячелетиями нёс этот груз

и научен с ним справляться. Но... спасибо. За то, что захотела его разделить.

И в его холодных глазах, всего на миг, словно проглянул искренний, тёплый свет.

Мы ещё немного прогулялись в тишине, после чего он, как обычно, проводил меня до комнаты. Перед тем как уйти, он обернулся.

—С тобой всё в порядке?

—Да, всё хорошо.

—Здоровье? — уточнил он сухо, но я поняла намёк.

—Всё спокойно до следующего месяца.

Когда он уже взялся за ручку, я сказала:

—С Рождеством, Эрагон.

—С Рождеством, Саша, — ответил он и закрыл дверь.

Утром меня разбудили лучи солнца, ласково касаясь лица. Настроение было прекрасным, нервная система — спокойной. Потянувшись, я сбросила одеяло и увидела на тумбочке маленькую коробочку и рядом — письмо.

Сердце ёкнуло. «Если это снова Анжелика...» — но, вскрыв конверт, я узнала почерк. Тот самый, твёрдый и безупречный.

«Александра.

Ты гораздо сильнее, чем думаешь. Знаю, у смертных на Рождество дарят подарки. И хоть ты сейчас не среди смертных, думаю, эту традицию стоит поддерживать.

В коробочке — кулон. Феникс — символ возрождения из

пепла. Как птица, способная воссиять ярче после огня, так и человек, сломленный жизнью, может засиять ярче любой звезды. Присмотрись: издали он подобен мечу, но вблизи ты увидишь силуэт женщины.

Величайшая сила— сила женщины. Ради неё покоряют страны. Благодаря ей понимают, за что сражаются.

В тебе есть эта сила, Александра. Пусть этот подарок будет тебе напоминанием.

С Рождеством, Саша.

Г.С.Э.»

Внутри меня взорвался салют из эмоций. Как ребёнок, я схватила коробочку. В ней, на чёрном бархате, лежал серебряный кулон. Феникс в полёте, с расправленными крыльями. И в самом его сердце — изящный силуэт женщины. словно клинок, отточенный из самой сути жизни.

11 глава

Повесив кулон на шею, я направилась в ванную. Приведя себя в порядок, по привычке уселась за книгу. И вот что не давало мне покоя: в ней говорилось, что Светлый бог заточил не просто первых богов, но и спрятал их оружие. У каждого был свой элемент. Единственные, кто мог дать ответ, — первородные. Значит, нужно найти хоть одного.

Быстро собравшись, я направилась в кабинет Эрагона. Спускаясь по пролетам, заметила, что охранники на каждом этаже при моем появлении лишь опускали глаза.

“Странно,” — мелькнула мысль, но вмешиваться не стала.

В кабинете, как обычно, кипело совещание. Я решила не входить сразу и, отойдя в сторону, стала ждать, когда меня заметят. Эрагон замечал все — я была уверена, он уже знает о моем приходе.

Пока бессмертные спорили, я наблюдала за облаками за окном. Удивительно: дворец на летающем острове. Холодный ветер, гулявший по открытым галереям, заставил меня сжаться, прижав руки к груди.

Не успела расслабиться в тишине, как на плечи упала тяжелая зеленая накидка. Форма Астарота. Обернувшись, я увидела его самодовольную ухмылку.

— Александра, что ты тут делаешь? — спросил он с усмешкой.

— А разве ты не в охране у Люцифера? — подколола я.

Он шагнул ближе. — Вообще-то, я могу быть хоть у кого.

— Да что ты! А Люцифер-то знает?

Астарот рассмеялся. — Сейчас Эрагоном правит всем. Ему подчиняются и ангелы, и демоны.

— Слушай, а почему демоны слушаются ангела? У вас же были какие-то разборки, — поинтересовалась я.

— Не у нас, а у них, — поправил он. — Мы, метисы, вообще ни к тем, ни к другим. Но да, странно. Сейчас все ослаблены, поэтому вопросов не возникает.

Странно. Получается, единственный правитель сейчас — Эрагон. Мысль об обмене бессмертными не отпускала меня. Лили рассказала, что сделка была между братом Эрагона и

Вельзевулом — членом семьи Люцифера, талантливым во-
еначальником. Зачем же тогда Эрагон так поступил? Хоть
он и говорил о мести ангелов, но... Возможно, ему просто
был невыгоден сильный Вельзевул? Сейчас все преклоняют-
ся лишь Серафиму. А Вельзевул мог помочь Люциферу вос-
стать.

— Вижу, ушла в мысли, — Астарот щелкнул меня по но-
су. — Не думай слишком много, а то быстро состаришься. У
смертных жизнь — миг.

— Очень смешно. А вот взрослый бессмертный может так
поступать? — я прижала к себе его накидку.

— Бывает, — засмеялся он. — Чего ждешь?

— Эрагона. Нужно спросить про книгу.

— Понятно, — протянул он.

Скоро бессмертные разошлись, и из кабинета прозвучал
голос, холодный и властный, без эмоций:

— Александра, Астарот. Заходите.

Астарот пропустил меня вперед. Эрагон сидел за сто-
лом, погруженный в документы; рядом выросла новая стоп-
ка книг. Он даже не поднял головы.

— Астарот, подготовь отряд для выхода.

— Куда? — спросил метис.

— В Снежную долину, — бросил Эрагон, все еще не глядя
на нас.

“Снежную долину? — мелькнуло у меня. Откуда он...”

Будто прочитав мысли, он поднял на меня взгляд. Ледея-

ной, пронизывающий.

— Александра, ты хочешь встретиться с одним из перво-родных.

— Откуда ты...?

— Астарот, ступай. Время на исходе.

Когда дверь закрылась, мы остались наедине.

— Откуда ты знал, мой вопрос? — выпалила я.

— По твоим рассуждениям я понял, что скоро ты захочешь узнать больше. Решил предупредить. Мы отправляемся на поиски. Если получится, найдем того самого первородного ангела.

— Но ее же спустили на землю, — попыталась возразить я.

— Многое изменилось с тех пор, как была написана та книга. По нашим данным, она именно там.

— Мне нужно быть с вами? — уточнила я.

Эрагон медленно поднялся и подошел к окну, скрестив руки за спиной в своей привычной позе. Он смотрел на затянутое облаками небо.

— Да. И постарайся не влипнуть в неприятности.

Его тон был так холоден, что на миг меня пронзила мысль: неужели это тот же Серафим, что был со мной в саду? И тут же вспомнились слова одной бессмертной: «Они могут проникать в сознание».

Теперь все стало ясно. Отсюда он все знал.

— Эрагон, — начала я, ценя честность больше всего. —

Давай говорить открыто. Ты же можешь читать мое сознание, зачем тогда расспрашиваешь?

— Могу. Но мне интересно, насколько ты способна на честность, — его голос был ровным, как гладь зимнего озера.

Пазлы сложились. Его долгие взгляды, внезапная то близость, то отстраненность — это не симпатия. Он проверял меня. Сканировал мои мысли на правдивость. Значит, он мне не доверял. И, возможно, смерть Вельзевула была для него не просто мстью, а расчетливым ходом. Он сказал правду, но лишь половину.

— Я понимаю, почему ты так поступил. Ты — Серафим. Но я... я тебе доверяла. Думала, ты тоже. Какая же я дура! — горько рассмеялась я.

Эрагон не дрогнул.

— Догадалась. — Словно он только этого и ждал.

— Ты намеренно интересовался переводом? Тебе не нужна вся книга. Тебе нужно узнать, где оружие Создателя. Ты хочешь найти копье и убить Тёмного бога. Я права?

— Ты умнее, чем кажешься, Александра.

— А тебе не мерзко использовать всех?

— Я уже говорил: на моих плечах — жизни тысяч. — в его голосе впервые пробила искра, но тут же угасла.

— Ты надеешься, что первородный ангел скажет, где копье. Поэтому я и нужна. Так?

— Думаю, не стоит растолковывать очевидное. Собирайся. В Снежной долине холодно для смертной.

Меня бесила не ложь, а эта игра: тепло-холодно, притянуть-оттолкнуть.

— Знаешь, почему ты так поступаешь? — выпалила я. Эрагон повернулся ко мне вполоборота, бровь чуть приподнялась. — Ты боишься.

— Боюсь? — в его тоне прозвучало легкое, холодное недоумение. — И чего же?

— Боишься сближаться. Говоришь, что близкие — слабость. Тогда почему то принимаешь, то отталкиваешь? Боишься, что я стану твоей слабостью? — проговорила я со злостью, уже зная ответ.

Эрагон посмотрел на меня серьезно, почти безжалостно. Я отвела взгляд.

— Ты действительно интересная девушка, Александра. Неужели ты думаешь, что у бессмертного со смертной может что-то быть? Возможно. Но не у меня с тобой. Ты юна и многого не понимаешь. Грань нужно было определить.

— Только не надо опять ... — перебила я его, развернулась и вышла.

Внутри все скребло кошками. Слезы подступали, но я сжала кулаки. Нет. Не из-за этого высокомерного идиота.

В комнате меня ждала Лиля, помогла одеться в теплую одежду. Выйдя, я увидела отряд у конца коридора. Во главе — Эрагон в другой, более плотной форме. Рядом — Астарот. Заметив меня, он ухмыльнулся.

— Полетишь со мной, Александра.

Я лишь кивнула, настроения для шуток не было. Эрагон что-то изучал на карте, затем отдал приказ: «Отправляемся».

Спускаясь, я спотыкалась в неудобной одежде. Астарот, как котенка, ловил и ставил меня на ноги, не забывая пошутить о моей «грации». Внизу он легко подхватил меня на руки. Я обвила его шею, и мы шагнули в черный, мерцающий портал.

Резкий холод ударил в лицо. Вьюга, колючий снег. Я закуталась в шарф. Мы были в лесу, среди могучих сосен и елей.

— Мы на земле? — крикнула я Астароту через вой ветра.

— Нет! Это Снежная долина. Здесь всегда зима, хоть и напоминает землю.

Это напомнило мне детство у бабушки, такой же зимний лес, ощущение чуда... Я так засмотрелась, что едва не отстала. Отряд двигался за Эрагоном неуклонно. Я же проваливалась в снег по колено, в то время как бессмертные шли, почти не оставляя следов.

— Почему вы не проваливаетесь? — возмутилась я, вытаскивая ногу из сугроба. — Я же должна быть легче!

— Плюсы силы и крыльев, — рассмеялся Астарот. — Смотри, некоторым ангелам тоже нелегко.

— Ой, да ну тебя! — я снова застряла. — Астарот, помощи!

Он, усмехаясь, вытащил меня, как перышко.

— Что, отъелась в цитадели, Александра?

— Ха-ха, очень смешно, шутник. Доставай уже.

— Ого, командный голосок появился. Еще чуть-чуть — и начнешь приказывать.

В конце концов, он просто протянул руку, и я, вцепившись в его локоть, пошла, иногда повисая на нем. Его сила меня поражала.

Эрагон временами бросал на нас беглые, оценивающие взгляды — проверял, не отстала ли его «ценный инструмент».

Мы вышли на открытое пространство, к подножию огромной, покрытой льдом скалы. В груди сжалось от необъяснимого страха. Она здесь.

Нас оставили с частью отряда снаружи. Эрагон, Астарот и двое других скрылись внутри. Через некоторое время они вернулись ни с чем.

— Возможно, ее уже забрали, — предположил Астарот.

— Возможно, — холодно согласился Эрагон. — Это плохо. Нужно обыскать периметр.

Отряд разделился. Я, прислонившись к сосне, смотрела на ее заснеженную макушку. От холода губы посинели, веки слипались. Вдруг на моей щеке появилось тепло чьей-то руки.

Не глядя, я отшвырнула ее.

— Не нужно.

Передо мной стоял Эрагон. Его лицо было высокомерным и отстраненным.

— Ты замерзла. Смертным, особенно девушкам, нельзя так долго быть на холоде.

— Хватит строить из себя заботливого. К инструментам так не относятся, — ядовито бросила я.

Он лишь вздохнул, словно я была глупым ребёнком. Но вдруг резко замер, его осанка стала еще жестче.

— Всем, кроме Александры, — отступить. Собрать отряд и через портал — в цитадель. Немедленно.

Солдаты замерли в непонимании.

— Идут приспешники Тёмного бога. Их цель — мы с Александрой. Приказ ясен? — его голос стал тише, но от этого лишь страшнее.

Я не успела ничего понять, как вдалеке, сквозь снежную пелену, показались темные, искаженные силуэты, стремительно приближающиеся.

— Эй! Мы так не договаривались! — закричала я, подбегая к Эрагону. — Разбирайтесь со своими проблемами сами! Меня тут не за что втягивать!

— Не бойся, тебя не тронут, — его голос был спокоен, как будто он говорил о погоде.

— Да, конечно! Отправь меня, а сам оставайся героем! — выпалила я и тут же куснула себя за язык.

Не успела я моргнуть, как с неба спикировали два демона. Их крылья, похожие на изуродованные перепонки летучей мыши, с трудом держали их в бушующем ветре. Один взмах — и золотые нити, сверкнув, опутали крылья Эрагона, стя-

нув их за спиной. Серафим даже не дрогнул, не попытался вырваться. Он стоял неподвижно, как статуя.

Второй демон, оскалившись, медленно опустился перед нами.

— Какая удача, — прошипел он, облизываясь. — Сам Серафим... и какая-то жалкая смертная. Хозяин будет очень доволен.

«Нет, Сашечка, ну как же ты могла так влипнуть?» — мысленно выла я, уже который час оттирая кожу после нашего пленения.

И, прошу заметить, главный Серафим даже пальцем не пошевелил, чтобы нас спасти. Демоны хотели доставить нас к своему хозяину, но из-за разыгравшейся снежной бури полет и открытие портала стали невозможны. Вместо этого они приволокли нас в какую-то глушь, в маленькую избушку (возможно, охотничью, если у бессмертных вообще бывают охотники), и бросили в сырой, промозглый подвал.

И всё это — в присутствии Его Ледяного Высочества. Почему нельзя было дать отпор?!

Эрагон, прислонившись к стене, прикрыл глаза и казался абсолютно спокойным.

— Александра, перестань шуметь. Это бесполезно.

— А что полезно?! Сидеть и спать? — прошипела я. — Почему нельзя было отправить меня с остальными? Зачем тащить с собой в подвал? Если у тебя мазохистские наклон-

ности, оставь их при себе!

— Я думал, в наших отношениях мазохист только ты, — беззвучно выдохнул он, даже не взглянув.

— Каких ещё наших?!

— А отношения тебя не смутило?

— Если ты забыл, мы здесь из-за твоей гениальной идеи!

Боже, ну почему именно я во всё это вляпалась?!

— Ты повторяешь эту фразу тридцать восьмой раз за последний час.

— Поумничай! — огрызнулась я, видимо от холода инстинкт самосохранения отключается.

С тяжелым вздохом я плюхнулась на пол рядом, обхватив колени. Его ледяное спокойствие бесило до дрожи. Его золотые крылья, хоть и стянутые мерцающими нитями, казалось, лишь томно отдыхали.

Через некоторое время Эрагон и вовсе лег на пол, расслабившись, будто на перине.

— Ты серьёзно собрался спать? — не поверила я.

— А что ты предлагаешь? Сидеть и ждать? Нас всё равно отведут к Тёмному богу. Лучше экономить силы, — его голос был плоским, как поверхность льда.

— Капец, — выдохнула я.

Собираясь отползти подальше, я услышала:

— Ложись на крыло.

— Чего ещё? Я с тобой не то что рядом — в одной вселенной находиться не хочу!

— Александра, ты можешь устраивать детские истерики сколько угодно. Но я повторяю: смертным, особенно девушкам, нельзя долго лежать на холоде. Последствия будут... неприятными.

— Ой, какой заботливый! Целый юный гинеколог в снежном плену! — я была так взбешена, что готова была зарычать.

Но пол был ледяным и твердым, как камень. Осознав, что не усну ни на минуту, а только продрогну до костей, я, плюнув на гордость, шлепнулась на его большое, опущенное крыло.

«Плевать, удобно ему или нет», — бросила я мысленный вызов и, съёжившись, попыталась заснуть.

Ночью стало ещё холоднее. Я вся сжалась в комок, пытаюсь согреться, как вдруг почувствовала движение. Эрагон, не говоря ни слова, повернулся на бок. Он притянул меня к себе спиной к своей груди, накрыв сверху вторым крылом, как огромным, невероятно тёплым одеялом. Я оказалась в ловушке из его рук, тела и перьев.

Сначала я хотела вырваться, но волна тепла, накрывшая меня, и накопившаяся усталость были сильнее. Сон навалился тяжёлый и неотвратимый. По-детски уцепившись в полусне за его ладонь, я провалилась в темноту.

12 глава

Не знаю, как мы пережили эту ночь. Во сне я неосознанно искала тепла, придвигаясь к Эрагону. Он временами касал-

ся моей спины — тяжелая, уверенная ладонь, легкое поглаживание. Не успокоение, а констатация факта: я здесь, ты в безопасности. И я принимала это, затаив дыхание.

Мой сон разорвал не стук, а грохот, от которого содрогнулись стены.

Я вскочила, сердце колотилось о ребра. Дверь была цела. Резко обернулась к Эрагону — он лежал с закрытыми глазами, но его поза была не спящего, а того, кто лишь притворяется.

— Ты слышал? — прошептала я.

Эрагон медленно, как будто нехотя, открыл глаза. Взгляд был абсолютно ясным, без и тени сна.

— Собирайся. За нами вернулись.

— Чего? — не поняла я.

Подняться я не успела. Дверь с треском распахнулась, и на пороге возник Дино. Увидев меня рядом с Эрагоном, он округлил глаза.

— Смертная? А ты что здесь...

— Нашли перворожденную? — ровным, режущим как лед голосом перебил его Эрагон, не дав договорить. Он поднялся со своего ложа — одно плавное движение, полное скрытой силы.

— Да. Они недалеко ее увели. Успели перехватить, как ты и приказывал. Хотели ублажить хозяина, отдать не только Перворожденную, но и самого Серафима. Извини, что так поздно.

— Ничего. Это того стоило.

И только сейчас до меня стал доходить смысл сказанного.

— То есть... ты специально позволил нам попасть в эту ловушку? — голос мой дрогнул, но внутри уже закипала ярость. — Чтобы отвлечь их на себя, пока твои люди вырвали первую? Погодите...

Я повернулась к Эрагону. Злость, горькая и жгучая, подступала к горлу.

— Ты знал. Ты специально все подстроил. Специально заставил меня ночевать в этом ледяном аду... — слова вырывались сдавленно, с каждым новым осознанием набирая силу.

Дина, не ожидавший такой реакции, попытался улыбнуться — нервно, примиряюще. Но мой взгляд был прикован к Эрагону. Его лицо оставалось непроницаемой маской. Холодный, оценивающий взгляд. Без тени раскаяния или волнения.

— Зачем? Чтобы, отвлекаясь на нас, поймать Перворожденную? — ярость захлестнула меня окончательно. — Я что, кукла в твоих глазах? Захотел — привез сюда, захотел — бросил в подвал! Зачем я вообще была нужна? Или я просто расходный материал?

Эрагон молчал, давая мне выговориться. Его молчание было хуже любых упреков.

— Я только сейчас поняла, — голос мой сорвался на шепот, полный горечи. Я старалась держаться, быть сильной, но... я боялась. Забыла главное: Тёмный Бог не пощадит ни-

кого. Мне нужно быть осторожнее.

— По-моему, ты как раз это осознала, — наконец произнес Эрагон. Его тон был спокоен. — Дино, иди наверх. Мы догоним.

Тот, не споря, поклонился и удалился. Я же продолжала смотреть на Серафима — теперь уже с ледяной, тихой ненавистью.

— Осознала. Что ты снова поступил так, как выгодно тебе. Я все понимаю: ты Серафим, ты здесь главный. Но зачем было подвергать мою жизнь лишнему риску? Зачем эта игра?

— Риску? — Он произнес это слово тихо, но так, что по коже пробежали мурашки. — А когда ты спускаешься в логово бессмертных, когда ввязываешься в перепалки, на которые у тебя нет ни сил, ни прав, — ты о риске не думаешь? Ты сама лезешь в пасть к смерти, Александра. А сейчас возмущаешься, что я повел тебя известной мне тропой.

— Но на тот риск я шла сама! А здесь ты использовал меня как пешку!

— Александра, — его голос стал резче, в нем впервые прозвучала сталь нетерпения. — Ты ведешь себя как капризный ребенок. Сколько раз я тебя предупреждал, и сколько раз ты меня слушала? Мир бессмертных — это война. Единственная ценность здесь — та книга, что ты переводишь. Зачем мне вновь и вновь доказывать тебе эту простую истину?

Я не нашла что ответить. Он не спорил, он констатировал.

— Надеюсь, сегодняшний урок пошел тебе на пользу, — холодно, словно вынося окончательный приговор, заключил он.

В душе скребли кошки. Меня вновь поставили на место. Я, дура, хотела доверять, хотела быть ближе... Какая же я наивная? Меня предавали всегда. Даже мать... Что уж говорить о бессмертном, видевшем тысячи жизней?

Стиснув зубы, я подняла на него взгляд.

— Всё. Я больше не стану тебе помогать, Эрагон. Наша сделка была простой: я перевожу — вы обеспечиваете безопасность. Вы свою часть нарушили. Делайте что хотите — сажайте в темницу, — голос дрожал от бессильной ярости, — но я не притронусь ни к одной странице.

Эрагон медленно, словно изучая новую, неожиданную помету, оглядел меня с ног до головы.

— И что ты будешь делать, Саша? Что ты можешь противопоставить воле бессмертных? Ты даже не представляешь, как могут пытаться здесь.

Мой взгляд упал на старый деревянный стул в углу — одинокий, забытый. В тот момент он стал олицетворением моего отчаяния и бунта.

— Нет, дорогой Серафим, я вам так просто не достанусь!

Я схватила стул и изо всех сил швырнула его в Эрагона, а сама рванула к выходу. В воздухе запахло гарью — стул даже не долетел до него, вспыхнув жёлтым пламенем и превратившись в горстку пепла. Преграды не получилось.

Выбежав наверх, я увидела солдат. Среди них — Дино и связанные те, кто нас пленил. Рассматривать некогда. Я рванула в лес, в чащу, под сень узких деревьев, где не развернуться крыльям бессмертных. Слышала за спиной шаги, но через мгновение они стихли. Обернуться не посмела.

Я бежала. Бежала от них, от его холодного расчета, от собственной глупости. Снег хлопьями садился на лицо, смешиваясь с предательски горячими слезами. Обида, которую я глушила все это время, вырвалась наружу. Спортивный костюм промок, тело знобило, но я гнала себя дальше, пока в груди не стало колоть, а ноги не подкосились.

Я рухнула на колени в снег, закрыв лицо руками. Рыдания сотрясали меня. Боль одиночества, предательства, ощущение, что я — вечная пешка в чужих играх... Почему для всех я просто помеха или инструмент? Почему никто... Почему даже ради минутной безопасности нельзя поступить иначе?

Я не знала, сколько плакала. Но в какой-то момент снег на мне перестал таять. А потом на плечи упал тяжелый, теплый меховой плащ.

Я знала, кто это. И мне было все равно.

Я продолжала рыдать, теперь уже от осознания собственной слабости, выставленной напоказ. Сквозь слезы я увидела, как передо мной, не брезгуя снегом, опустился на колени Эрагон. Он молча протянул руки, и в следующее мгновение притянул меня к себе, одной ладонью прижимая затылок к своему плечу.

Я уткнулась в складки его одежды и ревела, а он... он просто держал меня, изредка проводя рукой по моим волосам. Без слов. Без утешений. Только тихая, необъяснимая твердость объятий.

Когда слезы иссякли, осталась лишь пустота и стыд. Эрагон мягко отстранился, внимательно всмотрелся в мое опухшее лицо, а затем, не спрашивая, поднял меня на руки.

Куда? Какая разница. Я обвила его шею и спрятала лицо, чувствуя себя потерянным ребенком, которого нашли и несут домой. Домой? Разве у меня он есть? Может, он несет меня в ту самую темницу?

Но он нес меня бережно, временами большим пальцем проводя по спине сквозь ткань плаща. Он защищал меня от ветра крылом, когда мы взлетели, и так же осторожно приземлился уже в цитадели. В моей комнате было темно, пахло свечой — видимо, Лиля приходила.

Он уложил меня на кровать, поправил покрывало, снова провел рукой по волосам. В его прикосновениях была странная, несвойственная ему нежность.

В этот момент дверь распахнулась.

— Господин! — Я услышала голос дедушки Ли. — Что случилось? Вы сказали...

— Тише, — прервал его Эрагон почти шепотом. Только тогда старый лекарь заметил меня.

— С Александрой что-то? — голос его стал гораздо тише.

— Нет. Спит. Но я хочу, чтобы ты ее осмотрел, когда

проснется.

— Прошу прощения, господин, но... энергия девушки стабильна. Думаю, это просто нервное потрясение. Отдых ей поможет.

— Не хотелось бы, чтобы это сказалось на ее здоровье, — проговорил Эрагон, и в его голосе прозвучала несвойственная ему озабоченность.

Наступила пауза.

— Господин... извините за прямоту, — тихо начал дедушка Ли. — Но эта девушка... она вам дорога?

Эрагон замолчал. Его пальцы снова легли на мои волосы.

— Не знаю, Ли, — ответил он наконец, и это было не "не знаю" равнодушия, а "не знаю" растерянности. — Просто... мне ее жаль. Я хочу о ней заботиться. Сам не понимаю почему. Она такая же маленькая, как моя сестра. Иногда я думаю, что чем то даже похожа.

— Похожа на сестру? — в голосе лекаря прозвучала мягкая усмешка. — Господин, простите старого дурака, но это похоже на нечто большее.

— Что? — голос Эрагона вновь стал ледяным.

— Эх, господин... я знаю вас с тех пор, как вы были мальчишкой. После гибели сестры вы закрылись ото всех. Я уже боялся, что вы так и останетесь в этой вечной стуже.

— Не много ли ты себе позволяешь?

— Простите, Серафим. Но кто, кроме меня, скажет вам правду? Вы ухаживаете за ней, защищаете, ищете ее обще-

ства... Может, вы видите в ней больше, чем отголосок сестры?

— Она смертная, Ли. А я — Серафим. Или ты увидел в предсказаниях?

— Вы оба одиноки. Вы оба несете раны, которые никто другой не поймет. Два сломленных сердца порой могут стать опорой друг для друга.

— Быть со мной — значит вечно жить под угрозой. Через нее могут мной манипулировать. Я не могу рисковать судьбой ордена ради... — он запнулся.

— Вы оттягиваете то, что уже происходит, господин. Дайте шанс себе. И ей. Пусть ее жизнь, даже если она коротка, будет счастливой.

В комнате повисла тишина. Я уже подумала, что придется «просыпаться», чтобы их вышвырнуть. Но Эрагон поднялся раньше и направился к двери. За ним проследовал и Дедушка Ли. Когда я осталась одна, мысли водили хоровод.

Глава 13

Дни после того разговора текли по-новому. Не легче — просто иначе. Острая боль в душе ушла, оставив после себя неожиданную ясность. Ту самую, что приходит, когда принимаешь горькую, но неизбежную истину. Я сидела в своей комнате, глядя на каменную стену, и складывала факты в трезвый, безрадостный пазл. Если бы у меня были цветные стикеры и доска, это выглядело бы как подготовка к докла-

ду на тему «Как не умереть в цитаделе магических социопатов». Но стикеров не было, поэтому приходилось вертеть все в голове.

Факт первый: я здесь на птичьих правах. Пока полезна — жива. Перестану быть полезной — меня вышвырнут к тем, кто разорвет на части, или, что хуже, Серафим избавится от меня сам, как от отработанного материала. «В лучшем случае, — подумала я, — мне дадут волшебный пинок под зад и отправят восвояси. В худшем — пинок будет не волшебным, а вполне себе физическим, и направлен он будет в бездну. Или в пасть к тому самому Тёмному Богу. Вариант «превратят в библиотечную пыль» тоже не стоит сбрасывать со счетов».

Факт второй: Эрагон — единственная реальная сила в этой цитадели. Его слово — закон. Его благосклонность — щит. Его интерес — пропуск в завтрашний день. «По сути, он — ходячая, очень красивая и раздражающе умная охранная грамота, — констатировала я. — С крыльями и комплексом бога».

Факт третий: в некоторых моментах он показал, что способен на... снисхождение. На что-то, отдаленно напоминающее заботу. Холодную, практичную, но заботу. Он заметил мою слабость и не использовал ее против меня. А дал передышку. «Что, конечно, ставит передо мной интересную дилемму: либо у него есть зачатки эмпатии, либо он просто очень бережно относится к рабочим инструментам, как хо-

роший хирург к скальпелям. Я, пожалуй, пока буду исходить из второго варианта. Меньше разочарований».

Мозг, привыкший анализировать тексты, начал анализировать ситуацию. Если я хочу выжить, мне нужен не просто временный статус «переводчика». Мне нужна принадлежность. Не к проекту, а к нему. Личная связь. Гарантия.

Мысль пришла не как озарение, а как следующий логический шаг в ужасной, но четкой формуле.

Наложница. Или как они называют это.

Слово повисло в тихом воздухе комнаты, грубое, древнее, беспощадное. И... практичное. «Звучит, конечно, как должность из плохого исторического романа, — поежилась я. — «Наложница Его Ледяного Величества, ответственная за переводы и... э-э-э... прочее». В резюме такое не впишешь. Зато в справке о занятости будет стоять «под личной защитой Серафима». Уже лучше».

Я встала и начала медленно ходить из угла в угол, разминая онемевшие от долгого сидения мышцы. «Ну что ж, Алекс, — сказала я себе мысленно. — Раз уж ты влипла в эту средневековую магическую яму с бессмертными и комплексами, давай мыслить соответствующе. Выживание по-цитадельски. Урок первый: привязка к альфа-особи».

«Давай разберем, — продолжала я, как если бы разбирала сложный грамматический конструкт. — Цель: обеспечить себе безопасность и устойчивое положение. Средство: стать тем, кого трогать нельзя, потому что это принадлежит ему.

Лично. По сути, стать его личной... штатной переводчицей с расширенным пакетом льгот. Очень расширенным. Риски:...»

Я остановилась у зеркала, в котором отражалась бледная девушка с слишком серьезными глазами и взъерошенными волосами. «Привет, будущая фаворитка, — мрачно поприветствовала я свое отражение. — Ты выглядишь как сова, которую выгнали из дупла за неподобающее поведение. Надо что-то менять».

Риск номер один: физическая близость. Меня бросило в жар, а затем в холод. Я никогда... У меня не было... «Ну и что? — строго спросил внутренний голос, лишенный всякой сентиментальности. — Это биологическая функция. Как еда или сон. Только сложнее и, по слухам, наверное приятнее. В теории». Я пристально посмотрела на свое отражение, затем мысленно примерила на него его образ. Высокий, с идеальной осанкой, с руками, которые так точно обращаются с оружием и страницами книг... Холодный. Контролирующий. «Спать с ним, наверное, будет как сдача сложного экзамена, — предположила я. — Он будет требовать точности, правильного дыхания и, не исключено, послетекстового анализа ошибок. Главное — не перепутать древний ритуал плодородия с инструкцией по сборке шкафа. Хотя, учитывая его любовь к порядку, возможно, это будет инструкцией по сборке шкафа».

«По крайней мере, он не урод, — с легкой практичностью

отметила я. — И, кажется, чистоплотный. И пахнет не ко-
нюшной, а чем-то вроде холодного воздуха, дерева и... веч-
ности. Это уже что-то. Думаю, справиться можно. Надо бу-
дет изучить теорию. Может, в архивах есть что-нибудь полез-
ное... «Искусство любви для начинающих наложниц» или
«Эротические заклинания Древнего Шулера: практическое
руководство». О, боже, я серьезно об этом думаю. Я плани-
рую собственное развлечение с научным подходом».

Я фыркнула, и звук был таким одиноким в каменной ти-
шине.

Риск номер два: его отказ. Унижение. Он может просто
посмотреть на меня с тем ледяным презрением, от которого
хочется провалиться сквозь землю, и велеть никогда больше
не говорить подобной глупости. «В лучшем случае он скажет
«недостойно», в худшем — «смешно». А потом я буду вы-
нуждена каждый день приходить на работу к человеку, кото-
рый считает, что я пыталась предложить ему себя в обмен на
безопасность. Неловкость уровня «я опозорилась перед всем
классом, а этот класс еще и бессмертный».

«Значит, нужна подготовка, — решила я, снова начиная
ходить. — Нельзя просто прийти и сказать: «Эй, как насчет
того, чтобы я стала вашей неофициальной женой с доступом
в архив?». Это должно быть... элегантно. Изящно. Как слож-
ный перевод с подтекстом. Нужно... создать условия. Показа-
ть свою ценность не только как лингвиста. Проявить иници-
ативу в чем-то, что ему важно. Стать чуть более... неза-

менимой. И заметной. Но не навязчивой. Как хороший, дорогой словарь, который всегда под рукой и к которому приятно прикасаться. Боже, какие сравнения лезут в голову».

План начал обретать смутные, пугающие очертания.

1. Усилить полезность. Углубиться в те аспекты работы, которые он ценит больше всего. Предвосхищать его запросы. Принести что-то экстраординарное. «Например, перевести проклятую главу Создательницы, пока он не успел о ней спросить. Или найти способ общаться с бессмертными на их языке. Ну, или хотя бы не путать «вечность» с «ребенок» в шестнадцатый раз».

2. Аккуратная физическая презентация. Перестать ходить, сгорбившись от тяжести книг. «Расправить плечи, Александра! Ты же не гоблин, несущий сокровище, а... потенциальная сокровищница. Или что-то в этом роде». Смотреть в лицо. Может, попросить Лилию подобрать одежду, которая... не соблазняет (боги, какое ужасное слово), но просто напоминает, что я — женщина. Не служанка, не тень. А женщина, которая работает рядом с ним. «Платья, наверное, должны быть с воротничками. Высокими. Или, наоборот, без воротничков? Черт, я же в этом не разбираюсь! Ладно, главное — чистые волосы и отсутствие сарказма. Это уже прогресс».

3. Поиск момента. Нужна ситуация, где мы одни. Не в кабинете за работой, а в более нейтральной, но закрытой обстановке. «На балконе при луне? Слишком пафосно, он за-

подозрит романтический идиотизм. В оружейной? «Посмотрите, какой острый меч, а я, между прочим, тоже могу быть острой...» Нет, звучит угрожающе. Может, просто задержаться после совещания? «Вот отчет, ваше ледяное величество, и кстати, я готова к расширению должностных обязанностей». Фу, как пошло».

Мысль о «реакции» снова заставила сердце бешено застучать. Я представила его руку, касающуюся не страницы, а моей кожи. Его холодный взгляд, изучающий не текст, а мое лицо в полумраке. Стало страшно. И... странно оживленно. Как перед прыжком с высокой скалы, когда знаешь, что это глупо, но адреналин уже зашкаливает. «Интересно, он целуется так же расчетливо, как все делает? С соблюдением оптимального угла наклона головы и необходимой продолжительности контакта? А вдруг у него есть внутренний таймер? «Три секунды на первую фазу, семь — на вторую...»

«Это безумие, Сашааааа, — прошептала я сама себе, падая обратно на стул. — Абсолютное, классическое безумие с элементами исторического погружение и карьерного саможертвования».

Но разве не большим безумием было надеяться, что меня здесь просто так будут держать и кормить за красивые глаза и перевода книги? В мире, где правит сила, нужно искать сильного покровителя. И он — самый сильный из всех. И, что немаловажно, визуально приятный. «Это как выбирать

зубного врача, — философски заключила я. — Все равно неприятно, но лучше, чтобы у него еще и руки были красивыми. И инструменты стерильными. Ладно, про инструменты я, пожалуй, слишком далеко зашла».

Я подошла к окну и прижала лоб к холодному стеклу. Где-то там, в лабиринте коридоров, он решал судьбы миров. А я здесь строила коварный, мелкий план, как привязать свою судьбу к его ногам. Не через любовь или дружбу. Через расчет. Через взаимовыгодную, неприглядную сделку: моя лояльность, мое тело, мое молчаливое присутствие — в обмен на его защиту. «Классический симбиоз, — подумала я. — Как птичка-чистильщик и крокодил. Только птичка с тайными надеждами, что крокодил хотя бы не прикусит ее в процессе, и с дрожью в коленках».

И самый пугающий момент был в том, что, отбросив первоначальный ужас, я начала видеть в этом не только отчаяние, но и... возможность. Шанс не просто выживать, а занять определенное, пусть и странное, место.

«Хорошо, — подумала я, отходя от окна с новообретенной, хрупкой решимостью. — Допустим, план «Н» (от слова «наложница», «надежда» или «непотребство» — выбирайте сами). Первая фаза: повышение ценности. Завтра с утра я возьмусь за тот абзац про оружие, который он считал безнадежным. И найду в нем ключ. Это привлечет его внимание. А там... посмотрим. Если повезет, я стану незаменимой специалисткой. Если очень повезет — незаменимой специа-

листочкой с приставкой «личная». Главное — не упасть лицом в грязь и не перепутать ничего».

Я легла в постель, но сон не шел. Перед глазами стоял он. Не Серафим, не начальник. А мужчина. С холодными руками и внимательным взглядом. И мысль о том, что эти руки могут когда-нибудь коснуться меня не случайно, вызывала не только ледяющий страх, но и щемящее, запретное, абсолютно непрофессиональное любопытство. «Интересно, — прошептала я в темноту, — у него есть родинки? Шрамы? И... боже, я действительно это думаю. Я обдумываю стратегический план по соблазнению, параллельно составляя мысленный каталог возможных родимых пятен объекта. Я окончательно спятила».

В конце концов, если уж продавать душу (и тело), то хотя бы за достойную цену. И он, со всей своей ледяной мощью, потенциально отличной генетикой, казался той самой высокой ставкой на этом жутком аукционе под названием «Моя жизнь». «А еще, — добавила я уже почти засыпая, — с ним точно не будет проблем с планированием. Он, наверное, даже секс расписывает в ежедневнике. «19:00 — стратегическое совещание. 20:30 — ужин. 22:00 — Александра. Продолжительность: ровно час, с учетом подготовительных и заключительных процедур». И знаешь что, Шурик? В нынешнем хаосе это звучит... утешительно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.